

ISSN 2500-2988

ЛОКУС

люди
общество
культуры
смыслы

2025 / Том
Vol. 16 / 2

ISSN 2500-2988

УДК 32:93:316

ЛОКУС

 ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2025. Т. 16. № 2

Учредитель**и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2010 г.

Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Политические науки

5.4.5. Политическая социология

5.5.1. История и теория политики

5.5.2. Политические институты, процессы,
технологии5.5.3. Государственное управление
и отраслевые политики

5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования5.6.7. История международных
отношений и внешней политикиСайт журнала: j-locus.ruE-mail: izdat_mgopu@mail.ru

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2025. Vol. 16. No. 2

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia, Verh-
nyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list
of the leading peer-reviewed scholarly
journals the Higher Attestation
Commission of the Ministry
of Science and Higher Education
of the Russian Federation recommended
to PhD candidates and those working
for their habilitation who wish to publish
the results of their research

The journal has been published
since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be
accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Ольга Викторовна Ерохина – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Виленович Бруз – доктор исторических наук; профессор кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного управления экономического факультета Государственного университета просвещения, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Москва

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Татьяна Владиславовна Каширина – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, г. Москва; доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Olga V. Erokhina – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Bruz – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Public Procurement, Management and Public Administration of the Faculty of Economics, State University of Education, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Tatyana V. Kashirina – Dr. Hab. in History; Head at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia the of Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; project manager, Expert Institute of Social Research, Moscow; Associate Professor at the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History of the Institute of History and Philology, Federal State University of Education, Russian Federation

Содержание

DIES ANNIVERSARII

Валерию Ивановичу Овсянникову – 75 лет! 11

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

А.А. Медведев

Изменение системы отношений
князей Рюрикова рода в период
от установления ордынской власти
над русскими землями до начала XIV в. 13

О.Г. Мальшева

Московские городские власти
и организация выборов в Государственную думу
(1906–1907 гг.) 39

В.Н. Горлов

Социальное значение домов-комплексов
в становлении коммунистических форм быта
в 1960-е гг. 54

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Н.И. Левин

Система городского управления
Colonia Urbs Iulia Nova Carthago
в I в. до н.э. (по эпиграфическим данным) 71

С.С. Сингх, В.П. Константинов

Потерянный пиратский кодекс конца XVII в.:
статьи соглашения и фундаментальные принципы
организации банды Генри Эвери 89

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

У Бинь

Мирное освобождение Тибета
и политика Индии в отношении Китая (1949–1951 гг.) 108

Д.О. Матяшова

Организация Объединенных Наций
и построение эмоционального режима
вокруг устойчивого развития:
вызовы и решения 124

ДОКУМЕНТ С КОММЕНТАРИЕМ

А.Л. Волков

Несколько замечаний
к «Журналу Военным действиям
Голландской экспедиции,
бывшей в 1799-м году» 140

Б.Б. Давыдов

Первый раз в архиве.
Начало исследовательской деятельности
В.Б. Кобрина (1944–1945 гг.) 157

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

М.В. Батшев, С.А. Трифонова

Письма человека, который верил
в императора Александра I,
больше, чем он сам
Рецензия на книгу:
Андреев А.Ю. Кафедра и трон:
переписка императора Александра I
и профессора Г.Ф. Паррота. М., 2023 164

Contents

DIES ANNIVERSARII

Valery I. Ovsyannikov is 75 years old! 11

RUSSIAN HISTORY

A.A. Medvedev

Changes in the system of relations
between the princes of the Rurik family
during the period from the establishment
of the Horde power over the Russian lands
to the early 14th century 13

O.G. Malysheva

Moscow city authorities and the organization
of elections to the State Duma of the Russian Empire
(1906–1907). 39

V.N. Gorlov

Social significance of house complexes
in the formation of communist forms of life
in the 1960s 54

GENERAL HISTORY

N.I. Levin

The urban management system
of Colonia Urbs Iulia Nova Carthago
in the 1st century BC
(according to epigraphic data) 71

S.S. Singh, V.P. Konstantinov

The lost pirate code of the late 17th century:
Articles of agreement and fundamental principles
of Henry Every's Gang 89

INTERNATIONAL RELATIONS: HISTORY AND PRESENT DAY

Wu Bin

Peaceful liberation of Tibet and Indian policy
towards China (1949–1951) 108

D.O. Matyashova

The United Nations and constructing an emotional regime
around sustainable development: Challenges and solutions 124

SOURCE WITH COMMENT

A.L. Volkov

A few remarks on the “Journal of military operations
of the Dutch Expedition of 1799” 140

B.B. Davydov

First time in the archive. The beginning of V.B. Kobrin’s
research activity (1944–1945) 157

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

M.V. Batshev, S.A. Trifonova

Letters of a man who believed
in Emperor Alexander I more than he did
Review of the book:
Andreev A.Yu. Department and throne:
Correspondence of Emperor Alexander I
and Professor G.F. Parrot. Moscow, 2023 164

Валерию Ивановичу Овсянникову – 75 лет!

30 марта 2025 г. исполнилось 75 лет Валерию Ивановичу Овсянникову – заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, кавалеру знака «Отличник народного образования» и медали К.Д. Ушинского, члену Московской организации Союза журналистов РФ, доктору исторических наук, профессору.

В 1973 г. он начал преподавательскую деятельность в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской (ныне – Государственный университет просвещения). В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Советская американистика: возникновение, становление и основные проблемы». С 1984 г. судьба В.И. Овсянникова оказалась связана с Московским государственным заочным педагогическим институтом (впоследствии – Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова). Здесь он сначала работал в должности доцента кафедры всеобщей истории, а с 1989 г. – в должности проректора института по научной работе.

В 1991 г. В.И. Овсянников защитил докторскую диссертацию на тему «Массовые движения народов Азии середины XIX в. и их оценка общественно-политическими кругами России». В 1992 г. получил ученое звание профессора по кафедре всеобщей истории.

С начала 1980-х гг. В.И. Овсянников одним из первых в нашей стране занялся разработкой учебно-методических комплексов на основе проблемно-концептуального метода обучения и начал применять их в педагогической деятельности. На основе этого метода им был создан ряд оригинальных учебных пособий и практикумов для студентов.

В 1995 г. В.И. Овсянников основал и возглавил Межвузовский центр дистанционного образования. Он зарекомендовал себя как признанный специалист по подготовке педагогических кадров по технологиям обучения без отрыва от основной деятельности, автор теоретических

публикаций, способствовавших формированию научного понимания дистанционного обучения («новой дидактики»)¹.

Им опубликовано более 130 научных работ, в их числе монографии, брошюры, статьи в центральных журналах, учебные и методические пособия, одобренные не только педагогическими вузами, но и историческими факультетами классических университетов. Под его руководством защищены 3 кандидатские диссертации и 1 докторская.

Валерий Иванович завершил трудовую деятельность на кафедре новой и новейшей истории (ныне – кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки) Московского педагогического государственного университета. С 2016 г. он на пенсии.

В свободное время В.И. Овсянников увлекается литературным творчеством. Он автор повестей и рассказов, опубликованных в сборнике «Дорога к храму», романа «На взлете» о судьбе России в самом начале XX в., в годы Первой мировой войны и драматических событиях Февральской революции 1917 г.

Коллеги и друзья поздравляют Валерия Ивановича Овсянникова с юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

¹ Об этом подробнее см.: Валерию Ивановичу Овсянникову – 70 лет! // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 1. С. 11–14.

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-13-38

УДК 94 (47)

А.А. Медведев

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация;

МИРЭА – Российский технологический университет,
119454, г. Москва, Российская Федерация

Изменение системы отношений князей Рюрикова рода в период от установления ордынской власти над русскими землями до начала XIV в.

В статье рассматривается эволюция отношений княжеского рода Рюриковичей в первые десятилетия после монгольского нашествия 1237–1240 гг. Единство княжеского рода, необходимое в домонгольский период для поддержания своей власти над крупнейшими восточнославянскими центрами ввиду существования сильных городских общин, нарушается в новых условиях. Установление вертикали власти монгольскими ханами кардинально меняло политическую систему русских земель. Городские общины Древней Руси, получившие сильнейший удар в результате нашествия, не могли в прежнем объеме контролировать деятельность князей, за исключением Новгорода. Ярлыки монгольских ханов русским князьям нарушали горизонтальные связи в обществе и создавали условия для перехода от лестничного принципа передачи власти князьями к отчинному, для закрепления русских земель за отдельными княжескими семьями и передачи их в прямой нисходящей линии. Новый принцип передачи власти от отца к сыну начинал распространяться и на высшую власть – великий стол во Владимире.

© Медведев А.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: монгольское нашествие, княжеский род, лестничный принцип передачи власти, княжеский стол, отчина, ярлык на княжение, городская община Древней Руси

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Медведев А.А. Изменение системы отношений князей Рюрикова рода в период от установления ордынской власти над русскими землями до начала XIV в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 13–38. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-13-38

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-13-38

A.A. Medvedev

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;
MIREA – Russian Technological University,
Moscow, 119454, Russian Federation

Changes in the system of relations between the princes of the Rurik family during the period from the establishment of the Horde power over the Russian lands to the early 14th century

The article examines the evolution of relations among the princely family of the Rurikovich in the first decades after the Mongol invasion of 1237–1240. The unity of the princely family, which was necessary in the pre-Mongol period to maintain its power over the largest East Slavic centers due to the existence of strong urban communities, was disrupted under the new conditions. The establishment of the vertical power structure by the Mongol khans radically changed the political system of the Russian lands. The urban communities of Ancient Rus, which had suffered a severe blow as a result of the invasion, could not control the activities of the princes to the same extent, with the exception of Novgorod. The labels of the Mongol khans to the Russian princes disrupted horizontal connections in society and created conditions for the transition from the ladder principle of transferring

power by princes to the patrimonial principle, for securing Russian lands for individual princely families and transferring them in a direct descending line. The new principle of transferring power from father to son began to extend to the highest authority – the great table in Vladimir.

Key words: invasion, princely family, ladder principle, throne, patrimony, label for reign, city community of Ancient Rus

FOR CITATION: Medvedev A.A. Changes in the system of relations between the princes of the Rurik family during the period from the establishment of the Horde power over the Russian lands to the early 14th century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 13–38. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-13-38

Монгольское нашествие 1237–1240 гг. нарушило естественные процессы государственной эволюции восточнославянских земель, а по мнению некоторых исследователей, нанесло смертельный удар городам-государствам Древней Руси [27, с. 712].

Сильнее всего в результате борьбы с армией завоевателей пострадали старшие города каждой земли, т.к. они были главными очагами обороны. В них собиралось население волостей в надежде найти убежище за мощными укреплениями. Практически полностью было уничтожено население Рязани¹, страшно обескровлен Владимир² [22, с. 241–242, 252–253], разгромлены и опустошены Чернигов и Переяславль Русский³. По свидетельству Плано Карпини, проезжавшего Киев через шесть лет после взятия его войсками хана Батыя, «этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь сведен почти ни на что: едва существует там двести домов...»⁴. Схожая судьба постигла Галич и Владимир-Волынский⁵.

Подверглись разгрому и другие города, бывшие пригородами этих центров. В Лаврентьевской летописи сообщается о захвате монголами 14 городов только в Ростовской земле. Среди них перечислены Суздаль, Ростов, Ярославль, Городец, Москва, Галич Мерский,

¹ Повесть о разорении Рязани Батыею // Храбрые русичи: «Слово о полку Игореве». Воинские повести. Былины. Исторические песни Древней Руси. М., 1986. С. 117–123; Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 75.

² Там же. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 463–464; Там же. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 780.

³ Там же. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 781–782.

⁴ Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. Книга Марко Поло / пер. И.М. Минаева. М., 1997. С. 51.

⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 786.

Переяславль и др.⁶ Однако участь их была разной. Москва, прикрывавшая подходы к Владимиру с юга, была взята штурмом, а ее население полностью истреблено⁷. Города, лежавшие между Владимиром и Верхней Волгой, которые были оставлены своими гарнизонами, ушедшими на р. Сить, пострадали меньше. Их население, вслед за дружинами князей и ополчением горожан, оставило города, укрывшись в лесах [22, с. 242–244, 252].

Погибли и многие князья со своими дружинами. В борьбе с захватчиками погиб владимирский князь Юрий Всеволодович, все его дети и внуки, его племянники – Василько и Всеволод Константиновичи. Не щадили завоеватели и духовенство. При штурме только Владимира погибли епископ, архимандрит, игумены монастырей и большая часть приходского и черного духовенства. Тяжкие раны, нанесенные нашествием всему древнерусскому обществу, не могли не отразиться на его государственной системе.

Первый симптом нарушения государственного единства старшего города и его земли обозначился сразу после ухода монголов из Северо-Восточной Руси [12, с. 41–48]⁸. Ярослав Всеволодович, занявший

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 462, 464.

⁷ Там же. Стб. 460–461.

⁸ Следует согласиться с мнением А.А. Горского о том, что понятия «земля» и «волость» менялись на протяжении XI, XII, XIII вв. Но едва ли можно согласиться с его мнением о том, что волости в домонгольскую эпоху находились исключительно в ведении князей на основании того, что в летописях они упоминаются больше по «князьям-владельцам», чем по крупнейшим городским общинам Руси. Во-первых, князья действительно смотрели на земли и волости как на свои. Но желания князей и их реальные возможности расходились на практике. Князья могли владеть землями и волостями только с учетом мнения городских общин старшего города земли. Один из наиболее ярких примеров – начало правления в Киеве Владимира Мономаха.

В Ипатьевской летописи под 6621 (1113) г. содержится подробный рассказ об обстоятельствах его прихода к власти. Через 10 дней после смерти киевского князя Святополка Изяславича киевляне собрались на совет, на котором решили пригласить на киевский стол Владимира Всеволодовича. Состав совета не уточняется, но из последующих сообщений можно сделать вывод, что, скорее всего, он состоял из бояр. Однако князь отказался приехать, и тогда киевляне, которые, вероятно, были представлены городскими купцами и ремесленниками, разграбили дворы тысяцкого и евреев, проживавших в городе. Тогда князю последовало второе приглашение от киевских бояр с укоризной о том, что если он не придет, то киевляне нападут и ограбят бояр, его невестку, жену усопшего князя Святополка, и монастыри. После этого приглашения Владимир Мономах прибыл в Киев и «сѣдѣ на столѣвѣ своего и дѣдѣ своихъ» (Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 275–276). Примечательно в этом сюжете поведение князя, который не торопится ехать в Киев, и приглашение киевского совета, проигнорировавшего княжеские принципы занятия столов. Владимир Мономах по родовому лестничному счету уступал Давыду и Олегу – сыновьям Святослава Ярославича. Всеволод Ярославич, отец Владимира, был младше Святослава Ярославича, следовательно, дети Всеволода по старшинству уступали его детям.

в 1238 г. владимирский стол, по словам летописца: «отда Суждаль брату своему Святославу, того же лета отда Ярослав Ивану Стародуб»⁹. Владимирская община, значительно ослабленная войной с монголами, хотя возможно и заключила какие-то ряды (договоры) с Ярославом Всеволодовичем, но, по-видимому, их содержание отражало изменившееся соотношение сил в пользу князя, сохранившего свою дружину в период монгольского вторжения. Владимирская община не могла в прежнем объеме покровительствовать своим пригородам, которые князь по своей воле отдал своим братьям. В прежние времена князь, заключивший ряд с общиной старшего города, мог разместить в его пригородах своих детей, братьев или племянников, но это делалось на определенных условиях¹⁰. В новых условиях князь делает это почти самовластно. Этот момент и нашел свое отражение в летописях.

Кроме того, было еще решение съезда князей в Любече в 1097 г.: «каждый да держит отчину свою». Если этот принцип был справедлив в отношении не только участников съезда, но и их потомков, то в Киеве должен был княжить Ярослав Святополчич. Таким образом, получается, что Владимир Мономах получил киевский стол в нарушение как принципа старшинства, так и отчинного принципа, но волеизъявлением самих киевлян. Причем не только бояр, но всех горожан. Владимир Всеволодович выдержал паузу, чтобы посмотреть реакцию горожан на попытки со стороны других князей занять киевский стол, и, когда убедился в благоприятном для себя исходе дел, отправился на княжение в Киев. Так замещение князем киевского стола и владение волостями в Киевской земле произошло по воле городской общины Киева.

Во-вторых, князьям в отношениях между собой надо было как-то обозначать волости по своему имени или имени отцов, чтобы отстаивать свои права на них перед князьями из других линий единого княжеского рода. Эти аргументы князей по отношению к конкурентам и попали на страницы летописей, поэтому делать вывод о безусловном праве князей по распоряжению волостями надо с осторожностью. Для монгольской эпохи безусловное распоряжение волостями волей князей можно считать состоявшимся, для домонгольской – с оговорками.

⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 467.

¹⁰ Политическая активность владимирцев впервые прослеживается после гибели Андрея Боголюбского, когда они размежевались с боярами – участниками заговора против князя, торжественно похоронив его в Успенском соборе. В отличие от ростовцев, суздальцев и переяславцев, община Владимира поддержала Михаила Юрьевича. Под давлением ростовского боярства, пригласившего в 1174 г. на княжение Мстислава и Ярополка Ростиславичей, владимирцы вынуждены были уступить. Но, даже принимая к себе на стол из ростовской руки Ярополка Ростиславича, владимирцы заключили с князем договор (Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 597–598). Следующий договор был заключен владимирцами в 1176 г. с Михаилом Юрьевичем после победы над Ростиславичами. Причем Михаил Юрьевич заключил также ряд с крестным целованием с побежденными ростовцами и суздальцами. После смерти Михаила Юрьевича владимирцы посадили у себя на столе Всеволода Юрьевича. Когда после окончательной победы над Ростиславичами и Глебом Рязанским князь попытался обойтись с пленными противниками с уважением, то столкнулся с жесткой волей владимирцев, требующих суровых мер для пленников, и вынужден был подчиниться. Деспотической системы правления в Северо-Восточной Руси, вопреки существующему мнению, в домонгольский период не наблюдается [13, с. 92–94]. Князь действует согласно ряду с горожанами.

Для описания подобных действий со стороны князя в домонгольское время использовался глагол «посадиша» или выражение «посла на стол», если это был значительный город со своим кафедральным собором. В данном же случае мы видим глагол «отда». Для убедительности наших слов мы можем обратиться к летописной статье 6685 (1177) г., содержащей данные о том, как Всеволод Юрьевич, поддерживаемый владимирцами, пытался договориться о мире и разделе княжения с Мстиславом Ростиславичем, опиравшемся на ростовских бояр. Когда речь зашла об определении судьбы Суздаля, то Всеволод предложил обратиться к мнению самих суздальцев в выборе себе князя¹¹. Естественно, что Суздаль, как спорный город не только между князьями, но и между общинами Ростова и Владимира, оказался в выгодном положении. Но само предложение Всеволода Юрьевича апеллировать к решению суздальцев говорит здесь об участии в политической жизни населения не только старших городов земли, но и пригородов. «на что же старейшии сдумают, на том же пригороды стануть»¹². Самоопределение суздальцев означало, в первую очередь, их переход под покровительство владимирской или ростовской общины, а уже

В 1212 г. Всеволод Юрьевич, столкнувшись с неповиновением старшего сына Константина, желавшего вернуть старшинство Ростову, собрал владимирцев и заключил с ними ряд о том, что они будут поддерживать его второго сына Юрия (Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 108).

Интересно, что когда в 1216 г. Константин победил Юрия на Липицком поле, то, казалось бы, он имел все возможности присоединить Владимира к Ростову, как писал в 1212 г. своему отцу. Однако Константин Всеволодович, понимая, что владимирцы ни за что не потерпят старшинство ростовцев, сел на стол во Владимире. После смерти Константина в 1218 г. Юрий Всеволодович, имея связи с владимирцами, без каких-либо проблем вернул себе власть во Владимире. Есть мнение, что Юрий Всеволодович вернул себе Владимир по договору с Константином, основанное на буквальном толковании сообщения летописи [19, с. 101]. Однако странно то, что победитель в Липицкой битве просит у разбитого им и бежавшего с поля боя налегке Юрия за своих сыновей (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 442). Старшему из сыновей Константина Васильку было на момент смерти отца около 10 лет, и можно подумать, что дело было в возрасте наследников. Однако в точно таком же возрасте в 1425 г. Василий II Васильевич заставил своего дядю Юрия Дмитриевича признать свое старшинство. Несоввершеннолетний тверской князь Дмитрий Михайлович совершает поход против Юрия Даниловича в 1311 г., в аналогичном возрасте Дмитрий Иванович изгоняет в 1362 г. из Владимира суздальского князя Дмитрия Константиновича (Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 159, 181, 246). Это говорит о том, что в начале XIII в. в условиях нестабильности отношений князь в Северо-Восточной Руси зависел от мнения сильнейшей городской общины.

Таким образом, владимирская община, являясь с 1174 г. активным субъектом политической жизни в Северо-Восточной Руси, взаимодействовала с действующими здесь князьями, заключала с ними договоры, заставляла князей учитывать свою волю.

¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 380–381.

¹² Там же. Стб. 377–378.

потом под руководство того или иного князя, которого признает старший город.

Еще убедительнее падение старшего города земли в результате нашествия можно увидеть в сопоставлении волостей, которые были разорены монголами и которых вторжение завоевателей коснулось только в окраинных частях. Многочисленные грамоты, фиксирующие отношения новгородской общины и князей, занимавших новгородский стол, ясно показывают, каким образом старший город защищал свою землю от самовластия князей. Эти же грамоты указывают на процессы произвольного действия князей во Владимирской земле, что новгородцы считали недопустимым у себя¹³.

Следующий этап изменения системы управления восточнославянских земель отмечен поездкой князя Ярослава Всеволодовича в 1243 г. к вернувшемуся из европейского похода хану Батю. Это поездка фактически означала признание власти монгольского императора со всеми вытекающими отсюда последствиями. Верховным правом власти в землях обладал теперь не русский княжеский род Рюриковичей и не старшие города в своих землях, а монгольский род Чингисидов в лице каракорумских императоров и сарайских ханов. Черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу, вернувшемуся со своей дружиной из Венгрии, было заявлено, что «не подобает вам жити на земли Батыеве и канове, не поклонившееся има»¹⁴. Батый, в свою очередь, признал родовое старшинство Ярослава Всеволодовича среди всех князей Рюриковичей¹⁵, но это признание имело большие последствия, как для единства всего княжеского рода, так и для отношения князей с городскими общинами.

Поездка князя Ярослава Всеволодовича к хану Батю означала изменение статуса всего княжеского рода. Если в домонгольское время сначала славянские, финно-угорские и балтийские родовые общины, а потом городские территориальные общины были объектами политики со стороны потомков Рюрика и их дружин, то теперь сам княжеский род стал объектом воздействия на него со стороны монголов.

С.М. Соловьёв, видевший в монголах источник воздействия на отношения князей не больший, чем в киевский период половцы [24, с. 6–7], упускал из виду обстоятельство, которого не было ранее. С признанием Ярославом Всеволодовичем своей зависимости от хана Батю и императора монголов произошло отторжение власти от всего рода Рюриковичей. И эту власть нужно было теперь получать «в Татарах».

¹³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 1–3, 6, 7, 9, 10, 14 и т.д.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 318–319.

¹⁵ Там же. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 470.

Таким образом, каждый князь в новых условиях мог не договариваться со старшим в роде князем или другими князьями о том, какой город он займет в качестве своего княжения, а получить его от монгольского хана, утвердившись ярлыком. Устанавливалась новая система управления, построенная по вертикальному принципу. Источником власти выступал каракорумский император, наделявший ею русских князей через сарайского хана или напрямую. В такой системе горизонтальные или родовые связи князей, поддерживаемые только церковными иерархами и соперничеством за власть с общинами старших городов, должны были разрушиться.

На следующий год после Ярослава Всеволодовича «в Татары» поехали внуки и сын Константина Всеволодовича¹⁶, которым по старым родовым счетам могло грозить лишение княжений со стороны Ярослава Всеволодовича, его братьев и сыновей. В 1245 г. к хану Батюю отправились Ярослав Всеволодович со своими братьями и потомками Константина Всеволодовича, что указывает на верные опасения последних и на начало разрушения родовых связей. С этого времени князья начали ездить «в Татары» чуть ли не каждый год.

Другим фактором, разрушавшим родовые связи князей, было ослабление общин старших городов, впрочем, как и пригородов. Гибель в период нашествия значительного количества горожан была первой единовременной причиной ослабления городских общин, ханская инвестиция в виде ярлыков на княжение стала второй постоянной причиной ослабления влияния городских общин, усиливающей расщепление между старшим городом и пригородами. «Земцы во всех владения Руси, кроме Новгорода, Пскова, Смоленска и Полоцких владений, волей-неволей должны были признавать своим князем того, кого назначит хан татарский» [3, с. 60].

Отсутствие конкуренции на власть со стороны общин старших городов делало ненужными крепкие родовые связи князей, которые могли теперь не опасаться вмешательства общины старшего города при занятии ими любого пригорода. Единственными соперниками князей стали сами князья по отношению друг к другу. Таким образом, установление жесткой вертикали в системе отношений монгольский император – русские князья – городские общины вело к постепенному разрушению горизонтальных связей, как среди князей, так и среди городских общин.

Изменения структуры древнерусского общества можно наблюдать в летописных терминах на примере Северо-Восточной Руси. С укреплением

¹⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 470.

княжеской власти по отношению к городским общинам в летописных статьях сокращается употребление термина «стол». В домонгольский период стол в Северо-Восточной Руси упоминается во Владимире, Ростове и Ярославле¹⁷, после нашествия – только во Владимире. Вместо него получает свое распространение известный со времени Любечского съезда князей 1097 г. термин «отчина»¹⁸.

Но в конце XI – начале XII в. «отчина» означала попытку княжеского рода Рюриковичей делить волости и распределять столы по своему усмотрению, без оглядки на мнение общин крупнейших городов. На практике это не всегда получалось. В середине XIII в. «отчина» приобрела свое полное значение: относительная организационная слабость городского населения и поддержка княжеской власти внешней силой сделали возможной передачу власти от отца к сыну мимо родных братьев. Например, по новому принципу перераспределения властных полномочий сын Константина Всеволодовича Владимир навсегда лишился возможности занять ростовское княжение, которое вопреки родовым лествичным правам занял внук Константина Борис Василькович. Сам Владимир Константинович остался на угличском княжении¹⁹.

Важнейшим признаком формирования новой системы княжеской власти явилось прекращение в 1240-х гг. (лествичного) перехода князей с одних городов на другие, соответствующие их родовому старшинству. Отчинный принцип начал распространяться и на старшинство в княжеском роде Рюриковичей. Святослав Всеволодович, занявший княжение во Владимире по старым родовым правам, был изгнан оттуда Андреем Ярославичем, заручившимся ханскими ярлыками²⁰ [22, с. 239]. Этот случай указывает на одно очень серьезное обстоятельство: Андрей Ярославич, опиравшийся на один из бывших пригородов Ростова или Владимира, сумел выбить Святослава Всеволодовича, княжившего хотя и в разоренном, но главном городе Северо-Восточной Руси. Это означало то, что владимирцы не стали поддерживать своего князя против Андрея Ярославича, получившего ярлык на владимирское княжение в ставке каракорумского императора²¹.

¹⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 442.

¹⁸ Там же. Стб. 256–257.

¹⁹ Там же. Стб. 472.

²⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 229; Там же. Т. 15. Рогожский летописец. М., 2000. Стб. 31.

²¹ Встречающееся в некоторых поздних летописях известие об изгнании из Владимира в 1248 г. Святослава Всеволодовича Михаилом Ярославичем Хоробритом маловероятно. Михаил Хоробрит был четвертым или пятым сыном великого князя Ярослава Всеволодовича. Чтобы сесть на великий стол во Владимире, ему нужно было нарушить

Впрочем, не стоит забывать и второе возможное условие того, почему старший в княжеском роде – Святослав Всеволодович – не смог противостоять Андрею Ярославичу. Это слабость владимирской общины, пострадавшей в ходе нашествия в 1237–1240 гг. намного сильнее, чем большая часть других городских общин Ростовской земли [22, с. 242–245, 252].

Монгольские завоеватели не стали подрывать высокий статус родового старшинства в русских князьях, представленного с 1169 по 1238 г. княжением во Владимире. Некоторое время монгольские правители даже поддерживали общерусские интересы владимирских князей в противовес политике Михаила Всеволодовича Черниговского и Даниила Романовича Галицкого, занявших неприязненную позицию по отношению к ним [Там же, с. 232–235, 239–241].

Однако сохранение великого княжения Владимирского в качестве важного государственного института общерусского значения было связано с методами и приемами монгольской политики, направленной на укрепление власти монгольских ханов в восточнославянских землях [6, с. 28–31; 7, с. 24–30]. Передавая великое княжение во Владимире то одному, то другому русскому князю, монголы преследовали сразу несколько целей. Во-первых, они усиливали борьбу русских князей между собой, ослабляя их в военном и политическом плане. Во-вторых, не считаясь с родовым старшинством князя, претендующего на Владимир, монголы ускоряли распад родовых связей среди потомков Всеволода Юрьевича. В-третьих, формируя конкуренцию за великое княжение, они создавали возможности максимально благоприятных условий для изъятия экономических ресурсов восточнославянских земель. Наконец, при посредстве великого князя монгольские правители обеспечивали безопасность своей западной границы (передавая княжение наиболее верному, с их точки зрения, вассалу), и порядок в подчиненных им землях (сообщая определенный материальный перевес владимирскому князю и подчиняя ему силы других князей).

Таким образом, великое княжение во Владимире перестало напрямую зависеть от родового старшинства занимавших его князей (из числа потомков Всеволода Юрьевича Большое Гнездо), но в силу сложившихся обстоятельств и целенаправленной политики монгольских ханов стало скорее определенным звеном в административном аппарате

по лестничному счету права не только своего дяди Святослава Всеволодовича, но и родных старших братьев – Александра и Андрея Ярославичей. Кроме того, князь должен был проигнорировать ярлыки хана Батые и каана Гуюка, данные Александру и Андрею. Можно предположить, что Михаил Хоробрит изгнал своего дядю из Владимира с санкции Андрея Ярославича, получившего ярлык на великое княжение в Каракоруме. Но летописи ничего не сообщают об этом.

Монгольской империи. Выдав ярлык на великое княжение во Владимире Андрею Ярославичу в обход старших князей – Святослава и Ивана Всеволодовичей, Владимира Константиновича и Александра Ярославича, монгольские правители показали, что не намерены считаться с порядком властвования, существовавшим ранее в восточнославянских землях. Попытка Андрея Ярославича в союзе с Даниилом Романовичем Галицким освободиться от монгольской зависимости привела к потере им великого княжения и передаче последнего Александру Ярославичу [9, с. 50–51, 59–61].

При Александре Ярославиче (1252–1263), относившемся достаточно лояльно к монголам, произошло закрепление отчинного принципа в системе управления Северо-Восточной Руси или разделение бывшей Ростовской земли, главным городом которой со времен Андрея и Всеволода Юрьевичей был Владимир, на княжества, передаваемые от отца к сыну.

С дальнейшим развитием отчинного принципа в период княжения во Владимире Ярослава Ярославича (1263–1272) наблюдалось новое явление в государственной жизни русских земель: князь при получении ярлыка на Владимир не переезжал в него, а оставался в своем отчинном городе. Ярослав Ярославич остался в Твери, соединяя власть в своей отчине с великим княжением во Владимире. Следующий великий князь Василий Ярославич (1272–1276) также остался в своей отчине – Костроме, управляя одновременно и землями великого владимирского княжения²² [22, с. 245]. Это же справедливо и в отношении всех последующих князей до великого московского князя Дмитрия Ивановича, который впервые передал великое княжение по наследству как свою отчину²³.

В период жизни сыновей Ярослава Всеволодовича, родившихся, кроме последнего – Василия (1241), до монгольского нашествия и воспитанных в системе старых родовых отношений, должны были господствовать и старые принципы занятия владимирского княжения. Действительно, за исключением княжения во Владимире Андрея Ярославича, великое княжение занималось братьями, хотя и с согласия монголов, но по очереди старшинства.

Не совсем перестали действовать и другие факторы, влиявшие на механизм власти. Городские общины, сильно пострадавшие в ходе монгольского вторжения в 1237–1240 гг., восстановили свои вечевые структуры, которые проявили себя в Ростове, Владимире, Суздале,

²² Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 33.

²³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М., 1950. С. 34.

Ярославле и иных городах в ходе антимонгольского восстания 1262 г.²⁴ Это событие показывает, что далеко не всегда и во всем городские общины Руси соглашались с навязываемой им монгольскими ханами политикой. Периодически оказывал неповиновение Новгород. Борьбу за великое княжение можно было вести также при поддержке горожан, как в своем отчинном городе, так и во Владимире [3, с. 60–61]. Поэтому князьям приходилось проявлять родовую солидарность и соблюдать старшинство при занятии великого княжения Владимирского, а монгольским правителям – соглашаться до определенной степени с существовавшим издревле в восточнославянских землях порядком передачи власти.

Продолжалась и деятельность православного духовенства, укреплявшая родовые связи князей и объединявшая русское общество в целом. Здесь уже указывалось на сужение географии при упоминании в летописных статьях термина «стол», которое можно объяснить падением в результате монгольского нашествия политического и религиозного значения старших городов как центров восточнославянских земель. В Ростовской земле «стола» упоминались во Владимире, Ростове и Ярославле²⁵. После разгрома городов армией хана Батые в 1237–1240 гг. «стол» упоминается только во Владимире. В 1238 г. «Ярослав сын Всеволода великого седе на столе в Володимери», в 1247 г. на владимирском столе мы видим Святослава Всеволодовича, а в 1249 г. – Андрея Ярославича²⁶.

Посаждение князя на стол означало наделение его властью. Церемонии посажения совершал митрополит или епископ данного города. Таким образом князь получал основание легитимности своей власти над городской общиной старшего города земли, его пригородами и волостями. При этом горожане целовали крест в верности князю. В отдельных случаях и князь со своей стороны целовал крест в соблюдении договорных основ своего правления в данном городе²⁷.

В новейшей историографии развернулась острая дискуссия по проблеме интронизации князей: с какого времени началось посажение князей на стол, что оно включало в себя [2, с. 13–18; 4, с. 5–16; 5, с. 17–35; 14, с. 99–107; 15, с. 86–94; 20, с. 102–112]. Оставив пока в стороне

²⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 476.

²⁵ Там же. Стб. 440, 442.

²⁶ Там же. Стб. 467, 471, 472.

²⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 321–322. В отношениях с Новгородом князья постоянно целуют крест в знак подтверждения ряда с городом.

подробный разбор мнения коллег по данному вопросу, отметим, что в целом, за редким исключением, осталось без внимания то обстоятельство, что посажение на стол имело смысл только для христианских общин. В условиях отсутствия твердых оснований своей власти князья пытались ее сакрализовать, апеллировать к христианской верности бояр, дружинников и всех горожан.

Предположительно в домонгольский период посажение на старейший киевский стол совершали митрополиты с согласия киевской общины, в Ростовской земле посажение на стол мог совершать ростовский епископ, а после 1214 г. – еще и владимирский. Посажение на стол было тем религиозным актом, который сглаживал противоречия городских общин и представителей княжеского рода Рюриковичей во властной сфере. Освящение княжеской власти церковными иерархами примиряло встречные тенденции в государственной системе земли, как сверху – со стороны князей, так и снизу – со стороны городских общинных структур.

Монгольское нашествие внесло существенные коррективы в эту религиозно-государственную связь князя и земли. Ослабление городских общин привело к тому, что изменилось соотношение княжеской и земской власти в пользу первой. Посажение на владимирский стол Ярослава Всеволодовича в 1238 г. и Святослава Всеволодовича в 1247 г. отличалось от подобных актов домонгольской эпохи, т.к. вместо двух встречных претензий на власть в государственной системе древнерусского общества стало преобладать иерархическое построение власти сверху, со стороны князя. Еще большее доминирование княжеской власти можно наблюдать в 1249 г., когда на владимирском столе, игнорируя своих дядей, старшего брата и, самое главное, владимирскую общину, оказался Андрей Ярославич.

В некоторое заблуждение может ввести статья Лаврентьевской летописи, содержащая в себе ростовские записи первых шести десятилетий XIII в., под 6760 (1252) г., где говорится о посажении на стол Александра Ярославича²⁸ [25, с. 517, 523]. Она написана в домонгольской традиции, когда не только князь, но и городская община выступали в качестве субъектов или носителей власти. Ростовский летописец, находившийся в среде с древними вечевыми традициями, бывшей главным центром сопротивления монгольской власти на Северо-Востоке Руси [22, с. 253, 259–260], отразил в этой статье идеальное, по его мнению, состояние княжеской власти в обществе.

²⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 473.

Однако Никоновская летопись, составители которой использовали архивы митрополитов всея Руси [16, с. 52–53], внеся небольшое дополнение, позволяет достаточно точно определить произошедшие изменения. По словам летописи, митрополит Кирилл посадил Александра Ярославича на великом княжении во Владимире «с пожалованием царёвым»²⁹. Таким образом, возникла взаимосвязь монгольской инвентуры и посажения князей на великий стол митрополитами. В данном случае нас интересует то, что укрепление княжеской власти по отношению к вечевым структурам сопровождалось появлением государственной надстройки, олицетворяемой монгольским ханами и возвышающейся над русскими князьями.

Со вступлением в политическую жизнь Северо-Восточной Руси после смерти Василия Ярославича в 1276 г. нового поколения князей, в сознании которых в силу сложившихся обстоятельств преобладали отчинные, а не родовые (лествичные) принципы формирования власти, должны были возникнуть противоречия между ближайшими претендентами на великое княжение во Владимире. Этому обострению борьбы за приращение власти между князьями способствовала децентрализация Монгольской империи, из которой в 1260-е гг. выделилась возглавляемая потомками хана Джучи Ордынская держава [8, с. 62]. В 1270-х гг. в улусе Джучи наметился второй после Сарая военно-политический центр под руководством темника Ногай, занимавшего со своими войсками причерноморские степи. В 1282 г. Ногай обозначил себя как независимый от сарайских ханов правитель, что послужило началом формирования двух политических союзов русских князей, ориентированных на разные центры монгольской власти [22, с. 269–271].

Единственной силой, сдерживающей противоречия между потомками Ярослава II Всеволодовича, был авторитет духовной власти в лице митрополита Кирилла. Сразу после смерти митрополита в ноябре 1281 г. [26, с. 205], наметившиеся среди князей тенденции приращения отчины проявили себя в борьбе за великое княжение Андрея Александровича Городецкого со своим старшим братом Дмитрием Александровичем Переяславским, продолжавшейся с некоторыми перерывами до смерти последнего в 1294 г. Это противостояние двух ближайших по родству князей показало степень разрушения единого в домонгольское время княжеского рода Рюриковичей, в котором даже представители разных линий в случае необходимости действовали согласованно. Поводом к началу войны послужило Костромское княжество, которое после смерти бездетного Василия Ярославича осталось без князя.

²⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 10. Никоновская летопись. М., 2000. С. 139.

По мнению ряда исследователей, оно, как выморочное, должно было поступить в ведение великого князя [19, с. 119; 21, с. 49]. Но в том-то и дело, что такого правила не существовало до этого момента.

В домонгольской Руси, где князья не были ни собственниками княжеств, ни монополистами в системе власти, подобного прецедента возникнуть не могло. В монгольский период, начиная с княжения Ярослава Всеволодовича и заканчивая княжением Василия Ярославича, новые отношения князей и городских общин, а также князей между собой проходили этап формирования. Когда сложилась система княжений, в которой каждый город и его округа закрепились в качестве отчины определенного князя, то возникла вероятность такой ситуации. Дмитрий Александрович, имея под рукой воинские силы своего Переяславского княжества и великого княжения Владимирского, имел больше возможностей присоединить Костромское княжество к своей отчине, чем другие князья.

Повторимся в том, что в историографии высказывалась мысль о присоединении выморочных княжеств к великому княжению. Однако это предположение опровергалось тем, что великим княжением распоряжались ордынские ханы и его нельзя было передавать по наследству. Это делало бессмысленной политику великих князей по присоединению этих княжеств к Владимиру [1, с. 3–5]. Поэтому великие князья, пользуясь своим превосходством в военном и экономическом отношении, которое им давало обладание великим княжением Владимирским над другими князьями, присоединяли новые владения к своим отчинам.

Другие князья, понимая, что растущий потенциал великого князя не позволит им в дальнейшем претендовать на обладание великим княжением Владимирским, старались всячески препятствовать тому, чтобы оставшиеся без князей отчины захватывал последний. Кроме того, их отчинные интересы указывали на то, что они сами претендовали на выморочные княжества, по крайней мере, на свою часть наравне с великим князем. В этом плане поражает резкий контраст, который существовал в политике перераспределения отчин между потомками Ярослава II Всеволодовича и между потомками Ивана Даниловича Калиты. Полное отсутствие какой-либо системы перераспределения отчин в первом случае привело к тяжелым последствиям для всей Северо-Восточной Руси.

Противоречия между князьями, возникшие в результате перехода от родовой системы управления единой Ростовской землей к разделению ее на отдельные княжества-отчины, касались и потомков Константина Всеволодовича. Именно среди них началась борьба за передел отчин в 1279 г., когда ростовский князь Дмитрий Борисович «поотнимал

волости у князя Михаила Глебовича Белозерского»³⁰. В 1281 г. отчинные интересы Дмитрия Борисовича столкнулись с подобными устремлениями родного брата Константина Борисовича, из-за чего у них началась «вражда велика». Великий князь Дмитрий Александрович, не желая резкого усиления ростовского князя за счет братьев, выступил вместе с ростовским епископом посредником в их примирении.

Сам великий князь Дмитрий Александрович решил укрепить свою власть в Новгороде. После Александра Ярославича Невского среди князей утвердилось мнение, что тот из них, кто обладает великим княжением, должен занимать новгородский стол [9, с. 51, 85]. Просто признания новгородцами власти великого князя Дмитрию Александровичу показалось мало. В Новгородской земле он в 1280 г. построил крепость Копорье, через которую контролировались водные и сухопутные пути к Новгороду с запада. «То обстоятельство, что на территории республики появлялся анклав, в котором распоряжался только князь, новгородцев никак не устраивало» [17, с. 25]. Зимой 1280–1281 гг. между великим князем и новгородцами вспыхнул конфликт, в котором последние пошли на временные уступки³¹. Однако вскоре ситуация изменилась.

Старейшая в восточнославянских землях новгородская городская община, в которой сохранилась домонгольская система управления, выражаемая в выборном характере государственных должностей и государственном единстве старшего города и его земли, старалась использовать противоречия князей для укрепления своего влияния на них, как это было и в других землях до монгольского нашествия. Растущая, вместе с присоединенными к Переяславлю землями, сила великого князя Дмитрия Александровича пугала новгородцев, издревле дороживших своей свободой и правом выбирать князей по собственному усмотрению.

У Новгорода вскоре нашелся союзник – родной брат великого князя Андрей Александрович Городецкий, понявший, что путь к приращению отчины лежит через обладание великим княжением. Городецкий князь отправился в Сарай и получил великое княжение при вооруженной поддержке монголов вопреки ставшей номинальной традиции родового старшинства³². Зимой 1282 г. Андрей Александрович был посажен на столе Новгорода. Но Дмитрий Александрович, вернув себе

³⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 77–78.

³¹ Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 323–324.

³² Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 78.

Переяславль и Владимир, пресек подвоз хлеба в Новгород и заставил Андрея Александровича снова бежать в Орду³³.

Попытка Дмитрия Александровича восстановить свою власть показала, что одностороннее умножение владений великого князя не нравилось не только Андрею Александровичу Городецкому, но еще Даниилу Александровичу Московскому и Святославу Ярославичу Тверскому, выступившими в 1282 г. со своими полками и новгородцами против него. По мнению В.А. Кучкина, причиной выступления московского и тверского князей была попытка великого князя Дмитрия Александровича увеличить свою власть за счет Дмитрова [18, с. 97]. Дело до битвы не дошло, и в результате был заключен мир. Но вскоре Дмитрию Александровичу пришлось вновь уступить своему брату – Андрею Городецкому, который привел из Орды новое войско. Не имея достаточных сил противостоять противникам, великий князь обратился к правителю Западной Орды – Ногаю, который находился во враждебных отношениях с сарайскими ханами [11, с. 133].

Поддержка Ногай помогла Дмитрию Александровичу вернуть себе великое княжение к 1283 г., но ему пришлось поделиться выморочным Костромским княжеством с Андреем Александровичем, где в качестве наместника находился боярин последнего³⁴. Еще С.М. Соловьев считал, что Кострому Андрей Александрович получил сразу после смерти князя-отчича Василия Ярославича в январе 1277 г. [24, с. 249]. Но, по мнению В.А. Кучкина, Костромское княжество перестало тогда существовать и вошло в состав великого княжения Владимирского. Когда Дмитрий Александрович вернул себе великое княжение Владимирское, то, по версии исследователя, Кострома также вернулась под его власть, где бояре великого князя убили Семена Тонильевича – любимого боярина Андрея Александровича [17, с. 24–25; 19, с. 119].

Но последняя версия содержит противоречие. Откроем источник: «Того же лета прииде из орды князь великий Дмитрей Александрович и взя любовь и смирился съ братомъ своимъ съ княземъ Андреемъ. Того же лета два боярина, Антон и Фофан, убиша княжимъ повелениемъ на Костроме Семена Тонильева, коромолника льстиваго»³⁵. Возникает вопрос: если Кострома отошла в состав великого княжения Владимирского и Дмитрий Александрович вернул ее в 1283 г. вместе с великим

³³ Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 325; Там же. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 154.

³⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 78–79.

³⁵ Там же. С. 79.

княжением себе, то что делает в Костроме боярин городецкого князя? И второй вопрос: почему любимый боярин Андрея Александровича не предпринял никаких мер для собственного спасения от людей великого князя? Можно предположить, что сообщения Симеоновской летописи идут не в хронологическом порядке, и тогда, согласно версии В.А. Кучкина, сначала люди великого князя напали на Кострому и убили наместника Андрея Городецкого. После чего произошло присоединение Костромского княжества к великому княжению и примирение Дмитрия и Андрея Александровичей. Однако источники не содержат никакой информации о вооруженной борьбе за Кострому.

Наиболее вероятной представляется следующая версия. Дмитрий Александрович признал Кострому за своим братом Андреем, чтобы погасить недовольство последнего потерей стола во Владимире и Новгороде. В Костроме в качестве наместника Андрея Городецкого сидел Семен Тонильевич. Когда великому князю стала поступать новая информация о враждебных действиях его родного брата, то Дмитрий Александрович, подозревая в любимце Андрея Александровича главного виновника своих бед, отправил двух своих бояр в Кострому. Так как у князей между собой на тот момент были мирные отношения, то Семен Тонильевич не подозревал в людях великого князя своих убийц и не предпринял никаких мер к своему спасению: ни путем вооруженной борьбы, ни бегством.

В дальнейшем Кострома снова окажется во власти Дмитрия Александровича, но произошло ли это сразу после вышеописанных событий, на очередном витке борьбы с Андреем Александровичем в 1285 г., или в 1293 г., когда в Костроме на княжении окажется сын великого князя – Иван Дмитриевич, это точно установить не представляется возможным³⁶. Наиболее вероятный вариант – последний. В начале 1290-х гг. Ногай, покровитель Дмитрия Александровича, находился на пике своего могущества, а сам великий князь проявлял высокую активность в вопросе расширения своей власти. Что и вызвало жалобы многих русских князей во главе с Андреем Александровичем Городецким в Орду хану Тохте – противнику Ногая.

Однако убийство людьми Дмитрия Александровича боярина городецкого князя стало прологом к продолжению борьбы князей за расширение своей власти. Андрей Александрович попытался в 1283 г. заручиться в борьбе с великим князем помощью новгородцев. Но городецкому князю не хватило сил удержаться в Новгороде, т.к. Дмитрия Александровича по-прежнему поддерживали воинские контингенты хана Ногая. Великий князь силой всей Низовской земли и войск Ногая заставил

³⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 527.

Андрея Александровича оставить новгородский стол, который занял сам зимой 1283–1284 гг.³⁷

В следующем 1285 г. Андрей Александрович, пытаясь вернуть себе власть, в третий раз привел из Орды «царевича», надеясь пошатнуть власть великого князя. Дмитрий Александрович не уступил, соединившись с московским и тверским князьями, изгнал ордынцев, и заставил Андрея Городецкого снова признать свою власть, захватив бояр последнего³⁸. Пока монгольский покровитель Дмитрия Александровича удерживал лидирующие позиции среди потомков хана Джучи, великий князь мог укреплять свое положение главного отчича Северо-Восточной Руси. В этот период только тверской князь Михаил Ярославич отстаивал свои отчинные права, не подчиняясь великому князю, что вызвало со стороны Дмитрия Александровича военный поход против Тверского княжества³⁹. В 1291 г., по мнению А.А. Горского, великий князь захватил Угличское княжество [10, с. 17]. Но многие другие князья, как показали последующие события, также искали возможности не подчиняться великому князю.

Изменение соотношения сил в Орде между Ногаем и Тохтой в пользу сарайского хана в первой половине 1290-х гг. сразу же ослабило положение великого князя, чем не преминули воспользоваться некоторые другие князья, также жаждавшие расширить свои отчины. Обращение последних за военной помощью в Сарай привело к вторжению в 1293 г. в Северо-Восточную Русь монгольского войска Дюдены (Тудана). Масштабы этой военной экспедиции и ее разрушающая сила, судя по данным летописей, были сопоставимы с монгольским нашествием 1237–1240 гг.⁴⁰ В результате данной кампании Андрей Александрович Городецкий снова занял новгородский стол, а его союзник – Фёдор Ростиславич Ярославский, бывший в это же время и смоленским князем, захватил Переяславль (Залесский) – отчину великого князя Дмитрия Александровича. Тем не менее, противодействие этим захватам со стороны Михаила Ярославича Тверского и Даниила Александровича Московского, опиравшихся на еще достаточно сильного хана Ногая, позволило великому князю Дмитрию Александровичу вернуть себе Переяславль [Там же, с. 20–24]. Несколько ранее князья проногаевской коалиции поддержали сына великого князя Ивана Дмитриевича,

³⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 325–326.

³⁸ Там же. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 246.

³⁹ Там же. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. С. 34; Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 81.

⁴⁰ Там же. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 82–83.

находившегося на княжении в Костроме. Последовавшая вскоре смерть Дмитрия Александровича не позволила ему в полной мере восстановить великокняжеские prerogatives.

Андрей Александрович Городецкий, ставший в 1294 г. великим князем владимирским, с полным основанием мог занимать новгородский стол. Но у него оставались претензии к Ивану Дмитриевичу Переяславскому, удерживавшему в составе своих отчин Костромское княжество, которым Андрей Александрович владел в 1283 г., т.е. до обострения отношений с Дмитрием Александровичем. Кроме того, как старший из оставшихся сыновей Александра Ярославича, он мог требовать передачи ему Переяславского княжества на основании того, что последнее держали великие князья одновременно с великим княжением Владимирским при Ярославе Всеволодовиче, Александре Ярославиче и Дмитрии Александровиче. Андрею Александровичу требовался повод для того, чтобы включить Переяславль в состав своих отчин, но из-за противодействия московского и тверского князей у него не хватало сил для приведения своего замысла в действие. Поэтому великий князь привлек к решению этого вопроса своих союзников – ярославского и ростовского князей, а также ордынских послов.

В 1296 г. во Владимире состоялся съезд русских князей, на котором в присутствии ханского посла Неврюя, владимирского и сарайского епископов в числе многих вопросов обсуждалась судьба Переяславля⁴¹. Андрею Александровичу удалось добиться некоторых уступок со стороны противодействующей коалиции князей. В его ведение перешла Кострома, где до 1303 г. на княжении находился сын великого князя Борис Андреевич⁴². Нет прямых указаний, что это случилось в 1296 г., а не ранее, сразу по получении Андреем великого княжения. Но есть данные о том, что в 1293 г., накануне Дюденевой рати, великий князь Дмитрий Александрович посадил в Костроме своего сына Ивана [19, с. 119]⁴³. Летописи ничего не сообщают о захвате Костромы во время похода Андрея Александровича 1293 г. вместе с ордынцами. Нет такой информации и после известия о смерти великого князя Дмитрия Александровича, когда в 1294 г. Андрей Городецкий стал великим князем не только с подачи хана Тохты, но и согласно русской традиции

⁴¹ Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 249; Там же. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. С. 363–364; Там же. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 181; Там же. Т. 10. Никоновская летопись. М., 2000. С. 171; Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 83–84.

⁴² Там же. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 85.

⁴³ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 527.

родового старшинства. Однако в летописях по итогам съезда князей 1296 г. есть указание о том, что закончилось противостояние Андрея Александровича с союзными ему князьями и коалиции Даниила Московского, Михаила Тверского и Ивана Переяславского дележом княжества⁴⁴. Великое княжение и новгородский стол уже были в руках Андрея Александровича. Следовательно, речь шла о Костромском княжестве, которое по требованию великого князя Иван Дмитриевич вынужден был уступить.

Однако Переяславское княжество по-прежнему было в руках Ивана Дмитриевича, что вело к продолжению вооруженной борьбы между великим князем и его противниками. Протекция хана Ногай и поддержка Даниила Александровича Московского и Михаила Ярославича Тверского позволили Ивану Дмитриевичу удержать Переяславль за собой [10, с. 26–27], несмотря на все меры, предпринятые великим князем Андреем Александровичем с целью захвата последнего.

Делая небольшое отступление, обратим внимание на возрождение в этот период практики княжеских съездов. После княжеского съезда в 1296 г. аналогичные собрания русских князей для решения спорных вопросов состоялись в 1300 г. в Дмитрове и в 1303 г. в Переяславле⁴⁵. По своему характеру эти съезды отличались от съездов времен князя Владимира Всеволодовича Мономаха и последующих съездов домонгольской эпохи, т.к. в более ранний период на этих съездах шла речь об общих интересах всего княжеского рода Рюриковичей, которому могла угрожать потеря власти над крупнейшими городскими общинами восточнославянских земель.

В конце XIII – начале XIV в. на княжеских съездах решались вопросы перераспределения власти между отдельными князьями-отчинниками. По верному замечанию С.М. Соловьёва, «на этих новых съездах каждый князь толковал отдельно о своих интересах и, уладивши дело с одним, мог не уладить с другим» [24, с. 142].

Однако между этими съездами было и нечто общее, выражающееся в слабости великокняжеской власти, неспособной противостоять тенденции распада. Неслучайно составители летописного свода митрополита Фотия, отразившегося в Софийской I летописи старшего извода, посчитали неудавшуюся попытку великого князя Андрея Александровича занять Переяславль за раздел собственно великого княжения⁴⁶.

⁴⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 83.

⁴⁵ Там же. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 85–86; Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 485–486.

⁴⁶ Там же. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. С. V, 364.

Великий князь, попытавшийся было перевести своего племянника с Переяславского княжества на другое, менее значимое, используя в своих интересах старые родовые отношения, столкнулся с отчинными проявлениями тверского, московского и переяславского князей, подавить которые у него не хватило сил. Более того, в период с осени 1296 г. до начала 1299 г. Даниил Александрович оспаривал у великого князя новгородский стол, на котором по приглашению новгородцев находился второй сын московского князя – Иван [18, с. 99–101].

Появление некоей перспективы должна была внушать Андрею Александровичу гибель в 1299 г. хана Ногая, положившая конец двоевластию в Орде [22, с. 276–277]. Упомянувшийся съезд князей в Дмитрове показал, с одной стороны, тенденцию к укреплению великокняжеской власти, т.к. Михаил Ярославич Тверской, не получив уступок со стороны Ивана Дмитриевича, стал союзником Андрея Александровича [10, с. 28]. Но, с другой стороны, он обнаружил явное нежелание хана Тохты поддерживать великого князя Андрея Александровича в укреплении своей власти. Таким образом, «раздел» великого княжения ввиду обладания Переяславлем князем Иваном Дмитриевичем продолжался⁴⁷.

Незадолго до своей смерти в 1302 г. Иван Дмитриевич на правах владельца отчины завещал Переяславское княжество московскому князю Даниилу Александровичу. После смерти Ивана Дмитриевича великий князь Андрей Александрович попытался захватить Переяславль, но его наместники были изгнаны оттуда московским князем. Поняв, что без ордынской помощи ему по-прежнему не овладеть Переяславлем, Андрей Александрович отправился в Сарай. Последовавшая вслед за этим в 1303 г. смерть Даниила Александровича Московского значительно ослабила позиции его сыновей в споре за великое княжение. Однако переяславский съезд князей снова показал нежелание хана содействовать Андрею Александровичу в укреплении великокняжеской власти присоединением Переяславля к великому княжению Владимирскому [22, с. 278–279]⁴⁸. Смерть в 1304 г. Андрея Александровича Городецкого, не сумевшего в полном объеме восстановить великокняжеские prerogatives, означала углубление кризиса, грозившего полным распадом Великороссии на отдельные несвязанные между собой княжества-отчины [23, с. 87].

⁴⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 85; Приселков М.Д. Троицкая летопись. (Реконструкция текста). 2-е изд. СПб., 2002. С. 349–350; Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 485–486.

⁴⁸ Там же. С. 485–486; Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 86; Приселков М.Д. Троицкая летопись. (Реконструкция текста). 2-е изд. СПб., 2002. С. 350–351.

Подводя итоги исследования отношений князей Рюриковичей в период от нашествия Батые до смерти в 1304 г. великого князя Андрея Александровича, можно отметить, что в них произошли серьезные изменения. Если в домонгольский период князья, даже из разных линий рода, несмотря на случавшиеся противоречия или конфликты, руководствовались общими интересами рода – интересами поддержания своей власти в русских землях в условиях растущей силы и субъектности городских общин, то после монгольского нашествия начался распад единого княжеского рода и переход от лестничного (по старшинству в роде) принципа передачи власти к отчинному – от отца к сыну.

Гибель значительного числа представителей городских общин, особенно старших городов земли, в 1237–1240-х гг. и поддержка ханскими ярлыками русских князей начиная с 1243 г., делали не столь нужными, как прежде, их горизонтальные связи. В период великого княжения Ярослава Всеволодовича, Андрея и Александра Ярославичей князья разделили единую (издревле Ростовскую, с 1176 г. – Владимирскую) землю на отдельные княжества-отчины, передаваемые от отца к сыну. Родовая, или лестничная, система сохранилась только в вопросе передачи великого княжения во Владимире. Однако и здесь произошли изменения. Князья, начиная с Ярослава Ярославича, при занятии великого стола во Владимире не оставались в нем, а правили из своего отчинного города. Неоднократно разоренный монголами Владимир не мог выступать опорой великокняжеской власти. Преимущество великому князю давало соединение в его руках двух княжеств – отчинного и великого Владимирского.

Формирование отчинного принципа передачи власти в Северо-Восточной Руси вело к изменению характера борьбы князей друг с другом. Если в домонгольский период князья стремились переместиться с менее значимого города на более значимый, то в новых условиях князья стремятся расширять территорию своего отчинного княжества, захватывая соседние земли. Обладание же великим княжением Владимирским в новых условиях давало преимущество в вопросе силового расширения своего (отчинного) княжества.

Вместе с тем, следует отметить, что родовая лестничная система в указанный период не ушла еще окончательно в прошлое. Во-первых, были городские общины, которые не испытали на себе ужасов монгольского нашествия: Новгород, Псков, Смоленск и др., и все домонгольские формы их взаимодействия с князьями сохранялись. Во-вторых, городские общины Северо-Восточной Руси, особенно те, которые меньше пострадали в ходе иноземного нашествия, имели тенденцию к восстановлению: в отдельных общинах на рубеже XIII–XIV вв.

источниками отмечены даже вечевые собрания. Естественно, что князья-Рюриковичи должны были учитывать эти обстоятельства, и при занятии великого стола во Владимире родовое старшинство пока за редким исключением соблюдалось.

Библиографический список / References

1. Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. [Averyanov K.A. Kupli Ivana Kality [Purchases of Ivan Kalita]. Moscow, 2001.]
2. Артамонов Ю.А. Об участии церкви в интронизации князей Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXXIII. М., 2021. С. 13–18. [Artamonov Yu.A. On the participation of the church in the enthronement of the princes of Ancient Rus. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekove*. Issue XXXIII. Moscow, 2021. Pp. 13–18. (In Rus.)]
3. Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси // Беляев И.Д. Земский строй на Руси. СПб., 2004. С. 21–160. [Belyaev I.D. The fate of thezemshchina and the election principle in Rus. Belyaev I.D. *Zemskiy stroi na Rusi*. St. Petersburg, 2004. Pp. 21–160.]
4. Виноградов А.Ю. Религиозный аспект церемонии вокняжения в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2. С. 5–16. [Vinogradov A.Yu. Religious aspect of the reigning ceremony in pre-Mongol Rus. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2022. No. 2. Pp. 5–16. (In Rus.)]
5. Гвозденко К.С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 17–35. [Gvozdenko K.S. The ceremony of princely enthronement in Rus' in the pre-Mongol period. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2009. No. 1. Pp. 17–35. (In Rus.)]
6. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды: (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. [Grekov I.B. *Vostochnaya Evropa i upadok Zolotoy Ordy: (na rubezhe XIV–XV vv.)* [Eastern Europe and the decline of the Golden Horde (at the turn of the 14th–15th centuries)]. Moscow, 1975.]
7. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. [Grekov I.B. *Ocherki po istorii mezhdunarodnykh otnosheniy Vostochnoy Evropy XIV–XVI vv.* [Essays on the history of international relations of Eastern Europe in the 14th–16th centuries]. Moscow, 1963.]
8. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. [Grekov B.D., Yakubovsky A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its fall]. Moscow, 1998.]
9. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. [Gorsky A.A. «Vsego esi ispolnena zemlya russkaya»: Lichnosti i mentalnost russkogo srednekovyia: Ocherki [“The Russian land is filled with everything”: Personalities and mentality of the Russian Middle Ages]. Moscow, 2001.]
10. Горский А.А. Москва и Орда. М., 2001. [Gorsky A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and Horde]. Moscow, 2001.]

11. Горский А.А. Ногай и Русь // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 130–155. [Gorsky A.A. Nogai and Rus. *Tyurkologicheskii sbornik 2001: Zolotaya Orda i ee nasledie*. Moscow, 2002. Pp. 130–155. (In Rus.)]
12. Горский А.А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016. [Gorsky A.A. *Srednevekovaya Rus. O chem govoryat istochniki* [Medieval Rus'. What the source essay]. Moscow, 2016.]
13. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. [Danilevsky I.N. *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.): Kurs lektsiy* [Russian lands through the eyes of contemporaries and descendants (12th–14th centuries): Lecture course]. Moscow, 2001.]
14. Иванова Е.Е. Церемония интронизации великого князя на Руси в период ордынского господства // Клио. М., 2021. С. 99–107. [Ivanova E.E. The enthronement ceremony of the Grand Duke in Rus' during the period of the Horde domination. *Clio*. Moscow, 2021. Pp. 99–107. (In Rus.)]
15. Кежа Ю.Н. Обряд интронизации полоцких князей (В контексте церемониального обряда Древней Руси) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 86–94. [Kezha Yu.N. The rite of enthronement of the Polotsk princes (In the context of the ceremonial rite of Ancient Rus'). *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities*. 2021. No. 1. Pp. 86–94. (In Rus.)]
16. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. [Kloss B.M. *Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [Nikon's Codex and Russian chronicles of the 16th–17th centuries]. Moscow, 1980.]
17. Кучкин В.А. Владимирское княжество в послемонгольское время // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2. С. 17–28. [Kuchkin V.A. Vladimir Principality in Post-Mongol Time. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2022. No. 2. Pp. 17–28. (In Rus.)]
18. Кучкин В.А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 93–107. [Kuchkin V.A. The first Moscow prince Daniil Alexandrovich. *Otechestvennaya istoriya*. 1995. No. 1. Pp. 93–107. (In Rus.)]
19. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. [Kuchkin V.A. *Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv.* [Formation of the state territory of North-Eastern Rus' in the 10th–14th centuries]. Moscow, 1984.]
20. Лавренченко М.Л. «Ты наш князь»: соглашения между городом и князем в Киевской летописи // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1. С. 102–112. [Lavrenchenko M.L. “You are our prince”: Agreements between the city and the prince in the Kyiv Chronicle. *Bulletin of Perm University. History*. 2023. No. 1. Pp. 102–112. (In Rus.)]
21. Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. [Lyubavsky M.K. *Obrazovanie osnovnoy gosudarstvennoy territorii velikorusskoy narodnosti. Zaselenie i obyedinenie tsentra* [Formation of the main state territory of the Great Russian people. Settlement and unification of the center]. Leningrad, 1929.]

22. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. СПб., 2002. [Nasonov A.N. «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. Istoriko-geograficheskoe issledovanie [“Russian land” and the formation of the territory of the ancient Russian state. Historical and geographical research]. St. Petersburg, 2002.]
23. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. [Presnyakov A.E. Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva [Formation of the Great Russian State]. Moscow, 1998.]
24. Соловьёв С.М. История отношений между русскими князьями Рюрика дома. М., 2003. [Solovyov S.M. Istoriya otnosheniy mezhdu russkimi knyazyami Ryurikova doma [History of relations between Russian princes of the Rurik house]. Moscow, 2003]
25. Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. [Shakhmatov A.A. Razyskaniya o russkikh letopisyakh [Research on Russian Chronicles]. Moscow, 2001.]
26. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII веков. М., 1989. [Shchapov Ya.N. Gosudarstvo i tserkov Drevney Rusi X–XIII vekov [State and Church of Ancient Rus’ of the 10th–13th centuries]. Moscow, 1989.]
27. Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. [Froyanov I.Ya. Nachala russkoy istorii. Izbrannoe [Beginnings of Russian history. Selected]. Moscow, 2001.]

Статья поступила в редакцию 11.04.2025, принята к публикации 29.05.2025
The article was received on 11.04.2025, accepted for publication 29.05.2025

Сведения об авторе / About the author

Медведев Александр Анатольевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва

Alexander A. Medvedev – PhD (History); associate professor at the Department of History of the Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University; associate professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow

E-mail: medvedev8@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-39-53

УДК 94

О.Г. Малышева

Московский городской педагогический университет,
129226, г. Москва, Российская Федерация

Московские городские власти и организация выборов в Государственную думу (1906–1907 гг.)

В статье анализируется опыт Московских городских властей по организации выборов в I и II Государственные думы Российской империи. Москва на тот момент имела внушительный опыт городского самоуправления, что сыграло важную роль в подготовке и проведении избирательных кампаний. Московские выборы в зарождавшийся всероссийский представительный орган прошли на высоком уровне при активном участии горожан. Избирательная активность москвичей была самой высокой. К опыту московского городского самоуправления начали обращаться городские головы из других регионов империи. Основной акцент автором сделан на изучении инициатив городских властей в деле организации выборов, в том числе предпринята попытка дать оценку личного вклада в избирательный процесс Московского Городского головы – Николая Ивановича Гучкова.

Ключевые слова: выборы в I Государственную думу Российской империи, выборы во II Государственную думу Российской империи, Государственная дума Российской империи, Московская Городская дума, Городская управа, московский Городской голова, Николай Иванович Гучков, московские избиратели в 1906–1907 гг.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Малышева О.Г. Московские городские власти и организация выборов в Государственную думу (1906–1907 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 39–53. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-39-53

© Малышева О.Г., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-39-53

O.G. MalyshevaMoscow City University,
129226, Moscow, Russian Federation

Moscow city authorities and the organization of elections to the State Duma of the Russian Empire (1906–1907)

The article analyzes the experience of Moscow city authorities in organizing elections to the I–II State Duma of the Russian Empire. At that time, the ancient capital had significant experience in municipal self-government, which played an important role in preparing and conducting electoral campaigns. The Moscow elections to the emerging all-Russian representative body were held at a high level, with active participation of the citizens. The electoral activity of Muscovites was the highest. City mayors from other regions of the empire began to turn to the experience of Moscow municipal self-government. The author focuses on studying the initiatives of the city authorities in organizing the elections, including an attempt to assess the personal contribution of the Moscow City Mayor, Nikolai Ivanovich Guchkov, to the electoral process.

Key words: elections to the I State Duma of the Russian Empire, elections to the II State Duma of the Russian Empire, State Duma of the Russian Empire, Moscow City Duma, City Council (Russian Empire), Moscow Mayor 9 Russian Empire, Nikolai Ivanovich Guchkov, Moscow voters in 1906–1907

FOR CITATION: Malysheva O.G. Moscow city authorities and the organization of elections to the State Duma of the Russian Empire (1906–1907). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 39–53. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-39-53

Введение

В начале XX в. в условиях первой революции 1905–1907 гг. Российская империя вступила на путь формирования представительных институтов. Так начался непродолжительный этап думской монархии, который завершился с ее падением в 1917 г.

Проблемы зарождения, становления и развития государственных дум Российской империи пользуются устойчивым исследовательским интересом и довольно хорошо изучены представителями гуманитарных наук. Несколько меньше разработан вопрос о проведении избирательных кампаний в регионах и городах с прямым представительством. Это в полной мере можно отнести к организации и проведению выборов в древней столице – Москве, что определяет новизну и актуальность исследования.

Для изучения особенностей организации и проведения избирательных кампаний в Москве автором был изучен комплекс архивных документов Московской городской думы и Городского головы, на плечи которых легла вся ответственность по организации и проведению избирательных кампаний в Государственную думу.

Ход и результаты исследования

К началу XX в. только два города Российской империи имели численность населения, превышающую миллион человек, – Санкт-Петербург и Москва.

С учреждением Государственной думы в 1906 г. местные власти были привлечены к организации и проведению выборов. Опыта подобного рода в российском обществе еще не было, трудности в деле организации выборного производства то и дело возникали даже перед верховной властью. Можно предположить, что в наиболее выигрышном положении оказались города, имевшие за плечами практический опыт проведения выборов в органы местного самоуправления. Среди таких городов, несомненно, лидировала Москва.

К этому времени московское городское самоуправление уже прочно стояло на ногах и имело за плечами внушительный опыт выборов в Городскую думу. И хотя Городовое положение 1892 г., действовавшее до 1917 г, было далеко не совершенным, поскольку жестко «оговаривало права городского самоуправления и в очередной раз сужало круг избирателей» [2, с. 164], применение его на практике, несомненно, способствовало накоплению опыта проведения выборов. Это играет важную роль при подготовке к предстоящим государственным выборам.

А.А. Савичев провел глубокий анализ историко-правовых аспектов городского самоуправления Москвы и Санкт-Петербурга в середине XIX – начале XX в. и пришел к интересным, на наш взгляд, выводам. Он, в частности, утверждает, что «опыт организации и проведения московских избирательных кампаний в этот период следует считать более успешным. Деление территории Москвы на избирательные участки, в отличие от Санкт-Петербурга, было введено уже на первых выборах. Как результат – избиратели были лучше знакомы с баллотируемыми лицами и друг с другом, могли согласовать кандидатуры и сделать более осознанный выбор» [9, с. 177].

Кроме того, принципы, лежавшие в основе формирования московских избирательных участков, выгодно отличались от таких же принципов в Санкт-Петербурге. «Сбалансированность избирательных участков как по численности электората, так и по количеству гласных, подлежащих избранию от каждого из этих участков» [Там же, с. 178], давало хорошие результаты. Неслучайно усилиями Городского головы эти принципы будут положены в основу московских выборов в Государственную думу.

Организация выборов в Государственную думу и подготовка к ним стала серьезным испытанием для местных властей. Не было ни органа, который бы руководил избирательным процессом на государственном уровне, ни единого дня голосования, ни опыта такой работы в целом. Естественно, что взоры местных властей незамедлительно обратились к столичному Петербургу, где разрабатывались все избирательные законы, правила проведения выборов, многочисленные разъяснения по то и дело возникавшим в ходе выборов вопросам. Из Москвы, Киева, Харькова, Пскова и других городов в Петербургскую Городскую управу полетели многочисленные обращения с просьбой разъяснить порядок выборов. Авторы обращений мотивировали это тем, что «она ближе, чем все другие общественные учреждения России, стоит к центральной власти, желающей создать для выборов определенное русло»¹. Однако те же самые затруднения испытывала и Петербургская Городская управа, а, следовательно, дать дельные советы не могла.

Московские городские власти решили начать подготовку к выборам в Государственную думу с выяснения количества жителей, которые могут воспользоваться избирательным правом. Необходимо напомнить, что существовала принципиальная разница между избирателями – москвичами по Городовому положению 1892 г., участвовавшими в выборах

¹ Хряпин К. Что необходимо знать избирателям в Государственную думу. Освещение различных фазисов избирательной кампании 1906–1907 гг. СПб., 1907. С. 3.

органов городского самоуправления, и избирателями в Государственную думу. В первом случае «избиратели формировались в основном из одной категории населения – домовладельцев, вес которых среди московских избирателей вырос... до 92%» [8, с. 105], общая численность их, по данным Л.Ф. Писарьковой, в этот период (1893) составляла 6260 чел., при общей численности жителей Москвы в 939 000 чел. [Там же, с. 107]. К моменту выборов в Государственную думу численность жителей Москвы составила уже 1 100 000 чел., а количество избирателей по закону становилось кратно больше. Последнее обстоятельство серьезно осложняло подготовительную работу, которую Московская Городская управа возложила на Статистический отдел Городской управы. Работа по составлению списков избирателей, проверка их статуса, информирование их о времени и месте предстоящих выборов была проведена на высоком уровне. Для заполнения необходимых недостающих сведений начался обход избирателей. В обходах участвовало 140 лиц, в т.ч. 25 с юридической подготовкой, необходимой для того, чтобы разбираться в документах на право владения недвижимостью.

После принятия избирательного закона от 11 декабря 1905 г. работа по составлению списков была продолжена, поскольку круг избирателей существенно расширился. Основным дополнением закона стало создание отдельной рабочей курии, хотя уполномоченные от рабочих, избирающие выборщиков, не подлежали внесению в общегородские избирательные списки.

Работы Статистического отдела Городской управы по составлению и печатанию дополнительных списков (после закона 11 декабря) заняли 74 дня (с 22 декабря 1905 г. по 5 марта 1906 г.). Всего с учетом предыдущей работы (18 августа – 20 октября) было затрачено 138 дней. Для такой трудоемкой работы эти сроки можно считать рекордно короткими.

На сегодняшний день существует множество оценок как избирательного законодательства, так и избирательной системы периода думской монархии. Многие исследователи отмечают ее изъяны, недостатки и несовершенство. Соглашаясь с этим, можно все-таки разделить точку зрения А.Н. Костюкова о том, что несмотря на отсутствие в избирательном праве таких принципов, как всеобщность и равенство, выборы были косвенными, многоступенчатыми, имели классовый и цензовый характер, «избирательная система была наиболее прогрессивной в российской истории до 1917 г.» [4, с. 20].

Москва при выборах в I и II Государственную думу относилась к 26 городам с прямым представительством, другими словами, наделена была отдельной нормой представительства (4 чел.). Организация и проведение выборов были возложены на органы городского самоуправления.

Убедительным представляется вывод Ю.Е. Белановской о том, что «в условиях законодательных и административных ограничений деятельности органов городского самоуправления Москвы успех многих начинаний обеспечивался в первую очередь благодаря энергии и предприимчивости городских голов, гласных и членов управ» [1, с. 39]. Практическая работа по выборному производству в древней столице осуществлялась под руководством Городского головы – Николая Ивановича Гучкова. Это был представитель известной династии московских купцов, промышленников и общественных деятелей.

Имя этого общественного и политического деятеля зачастую остается в тени его брата – Александра Ивановича Гучкова, яркого политика, основателя партии октябристов, председателя III Государственной думы, министра Временного правительства. Только «в 90-е гг. XX в. личность Н.И. Гучкова стала привлекать внимание исследователей, посвятившим ему небольшие статьи в справочных изданиях. В них в целом положительно оценивается деятельность Николая Ивановича в Городской думе, однако повторяется пущенная кадетами его характеристика как “брата по профессии”» [3, с. 3].

Довольно сдержанно оценивает Н.И. Гучкова признанный специалист по истории московского городского самоуправления Л.Ф. Писарькова. Она, в частности, приводит такую оценку: «Признавая в Н.И. Гучкове практический ум, способности и преданность городскому делу, современники, вместе с тем считали его человеком сухим, мелочным и эгоистичным, для которого превыше всего были собственные расчеты и собственное “я”» [7, с. 286]. При этом она признает его заслуги как крепкого хозяйственника и то, что «годы его правления были временем расцвета хозяйственной деятельности думы» [Там же, с. 288].

Нас прежде всего интересует роль Н.И. Гучкова в подготовке и организации столичных выборов на начальном этапе формирования избирательного законодательства в российский парламент. Он находился на посту Городского головы с 1905 по 1912 гг. и был не просто участником, но непосредственным организатором выборов в Государственные думы всех четырех созывов. Его вклад в этой части оказался поистине неоценимым.

С началом подготовки к думским выборам Н.И. Гучков с головой ушел в эту работу. Под его председательством с 21 декабря 1905 г. по 22 марта 1906 г. состоялось 10 заседаний, где обсуждался широкий спектр вопросов – от составления избирательных списков до выработки инструкции для производства выборов и подсчета голосов. Важно отметить, что Московская Городская дума на этом этапе выступала с важными инициативами в деле организации выборов. Так, из письма

Московского градоначальника Городскому голове Н.И. Гучкову от 5 марта 1906 г. узнаем, что министр внутренних дел П.А. Столыпин в ответ на обращение Гучкова разрешил в виде исключения «применение способа подсчета голосов при выборах, предложенного Советом Председателей избирательных комиссий» г. Москвы².

26 марта 1906 г. состоялось избрание выборщиков в Городское избирательное собрание. В этот день Н.И. Гучков лично объехал все избирательные участки и дал указания председателям избирательных комиссий о необходимости обеспечения правильности выборного производства и обеспечения порядка в помещении выборов. Процедура голосования была единообразной по всему городу. В соответствии со ст. 40 Положения о выборах от 6 августа 1905 г., выборы проводились закрытой подачей голосов посредством записок, которые приносились избирателями в готовом виде или заполнялись на установленном бланке в особо отведенном для этого месте (изоляторе). Случаи пользования изолятором были единичными, в абсолютном большинстве случаев избиратели являлись с заранее заготовленными записками.

В канцелярии Московской Городской думы сохранились разнообразные сведения о московских избирателях, принимавших участие в первых выборах. Сделанные по этим материалам подсчеты содержат, как нам представляется, важные сведения. Общее число избирателей по г. Москве после всех уточнений составило 56 428 чел.³ Участие в выборах приняли 41 731 чел. (74% от общего числа). Наибольшее число из них составляли избиратели от 30 до 39 лет (34,2%) и 40–49 лет (27,7%), что составило свыше 60% от общего числа. Избиратели этих возрастных категорий проявили наибольшую избирательную активность: из них приняли участие в голосовании 76 и 75,8% соответственно. Остальные категории избирателей-москвичей были существенно меньше: так, 15,5% от общего числа составляли избиратели в возрасте 50–59 лет, 13% – молодежь от 25 до 29 лет, около 5% – избиратели от 60 до 69 лет и менее 2% – свыше 70 лет. В целом участие в выборах в древней столице приняли 74% избирателей, внесенных в избирательные списки⁴. Надо сказать, что уровень избирательной активности москвичей заметно превышал аналогичные результаты в других городах, включая Санкт-Петербург: избирательная активность москвичей оказалась на четверть выше.

² Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179 (Московское городское общественное управление (Управа и Дума)). Оп. 21. Д. 2416. Л. 12.

³ Там же. Д. 2396. Л. 290.

⁴ Там же. Л. 291.

Среди избирателей-москвичей, не явившихся на первые выборы (14 697 чел., что составило 26%), самую многочисленную в процентном отношении группу представляли возрастные избиратели (свыше 70 лет) – 53%. Далее в порядке убывания следовали граждане от 60 до 69 лет и от 25 до 59 лет⁵. Существенное влияние на исход выборов это не оказало.

Всем избранным 160-и общегородским выборщикам канцелярией Московской Городской думы 7 апреля 1906 г. были разосланы особые опросные бланки для заполнения сведений об их звании, вероисповедании, возрасте, народности, образовании, занятиях, роде и размере избирательного ценза, постоянном месте жительства и пр. Сведения эти собирались для Министерства внутренних дел. Служащие канцелярии Московской Городской думы со всей ответственностью отнеслись и к сбору указанных данных, что позволяет нам сегодня понять состав выборщиков Московского городского избирательного собрания, определявших поименно депутатов первой Думы от Москвы. Самыми многочисленными среди них были почетные граждане города (23 чел.), дворяне (19), крестьяне (17), присяжные поверенные (15), мещане (14), врачи (13), статские советники (7). Среди выборщиков были разнообразные категории москвичей: один штабс-капитан, один подпоручик, по одному учителю, князю, свободному художнику, окончившему университет (во всяком случае, такие сведения они сообщили в анкете)⁶.

Выборы четырех членов Государственной думы от г. Москвы были назначены на 14 апреля 1906 г. 12 апреля Городской голова разослал всем 178 выборщикам (в т.ч. 18 от рабочих) именные уведомления о дне, месте и порядке выборов, а также часе их открытия.

Московское Городское избирательное собрание было открыто Н.И. Гучковым в помещении Московской Городской думы в присутствии 156 выборщиков от населения Москвы и 15 от рабочих (всего 171 чел. вместо 178). Участие в подаче записок приняло 169 чел. Трое из избранных членов Государственной думы принадлежали к составу преподавателей Московского университета (бывший профессор С.А. Муромцев и приват-доценты Ф.Ф. Кокошкин и М.Я. Герценштейн, причем двое из них, Муромцев и Герценштейн, были также гласными Московской Городской думы). Все трое – члены конституционно-демократической партии (кадеты). И.Ф. Савельев, избранный от рабочих, беспартийный, впоследствии присоединился к фракции

⁵ Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179 (Московское городское общественное управление (Управа и Дума)). Оп. 21. Д. 2416. Л. 287.

⁶ Там же. Д. 2396. Л. 313–314 об.

социал-демократов, к моменту выборов он был выборщиком от типографии московской газеты «Русские Ведомости»⁷.

Доверие, которое продемонстрировали москвичи к членам кадетской партии, было ожидаемым. Городской секретарь Николай Иванович Астров, сам член партии кадетов, по долгу службы находился в ходе выборов в Государственную думу в эпицентре событий. Позднее он так объяснял успех партии, говоря о кандидатах в Государственную думу: они были «совершенно готовыми политическими деятелями, с нужной эрудицией и обширными знаниями. Эти люди быстро нашли свои места в партиях и стали видными участниками в предвыборной кампании. Под их влиянием часто люди сами находили себя политически и примыкали к той или иной партии»⁸. Позднее он добавил: их имена «зазвучали по Москве, стали близкими, дорогими, нужными. Настроения, “ожидания” и надежды получили свое выражение в живых личностях, которые красноречиво, убежденно и убедительно излагали то, о чем еще так недавно нельзя было даже громко говорить»⁹. Победа кадетов на этих выборах оказалась полной.

На момент объявления вторых выборов в Государственную думу органы московского городского самоуправления уже имели определенный опыт такой работы. К тому же списки избирателей-москвичей уже были составлены и тщательно выверены в ходе подготовки к первым выборам, что позволяло сократить общие расходы на производство выборов. Действительно, из предварительного отчета о расходах по составлению и печатанию списков избирателей во вторую Государственную думу узнаем, что удалось сократить расходы на 38,6%. Этому же способствовало и то, что на эту работу отводилось на 17 дней меньше, чем при первых выборах, что также составило экономию средств¹⁰.

Несмотря на то, что выборы во вторую Государственную думу проводились менее чем через год после первых выборов, работа по уточнению списков избирателей предстояла значительная. Объяснялось это, прежде всего, тем, что усилиями министра внутренних дел П.А. Столыпина были внесены изменения и «разъяснения» в избирательный закон от 11 декабря 1905 г. Так, в одном из разъяснений по-новому толковалось понимание термина «квартира», наличие которой было условием допущения к выборам городских избирателей: под квартирой

⁷ Выборы по г. Москве в Государственную думу первого призыва. Отчет Московской городской управы. М., 1908. С. 39.

⁸ Астров Н.И. Воспоминания. М., 2000. С. 150.

⁹ Там же.

¹⁰ Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179 (Московское городское общественное управление (Управа и Дума)). Оп. 21. Д. 2402. Л. 11–11 об.

теперь следовало понимать жилье с отдельным ходом и рабочей кухней [5, с. 139]. Последнее обстоятельство, как следует из материалов Канцелярии Московской Городской думы, вызвало серьезные разногласия в его понимании. Так, «в Арбатском и Хамовническом участках понятие об отдельной квартире, занятие которой дает право на участие в выборах, толковалось очень широко (вплоть до номеров в меблированных комнатах и швейцарских под лестницей), а в Мещанском – очень узко (служебная квартира вообще не считалась отдельной)¹¹. Устранять эти разногласия и унифицировать понимание «жилья с отдельным ходом и рабочей кухней» предстояло Московской Городской думе и Городской управе.

Кроме того, с учетом неудачного опыта работы первой Думы, правительство предприняло попытку сформировать думское большинство еще на этапе выборов. Для этого было принято решение легализовать проправительственные партии. В результате легализованными оказались партии, занимавшие позиции правее кадетов («Союз 17 октября», «Союз русского народа» и др.). При этом специальная инструкция Министерства внутренних дел о выборах, принятая перед второй избирательной кампанией, легализованные партии ставила в исключительное положение: им и только им разрешалось в ходе предвыборной агитации использовать печатные бюллетени, свободно вести агитацию и т.д. [6, с. 33–34]. Это сильно обострило предвыборную обстановку в Москве, хотя не повлияло на исход выборов: абсолютную победу вновь одержали представители кадетской партии, что привело к росту политического противостояния в органах местного самоуправления.

Московские городские власти не оставляли попыток по улучшению и совершенствованию организации выборов на городском уровне, начиная с первых выборов в Государственную думу. С разрешения министра внутренних дел П.Н. Дурново они разработали специальную Инструкцию, которая развивала некоторые положения законодательных актов по выборам от 6 августа и 11 декабря 1905 г. и Инструкции по выборам, разработанной Министерством внутренних дел. Инструкция, разработанная в Москве, содержала некоторые положения, не входящие в министерскую Инструкцию, но не противоречившие ей. Зачастую они представляли собой дополнения, вносящие существенные улучшения в сложную процедуру выборов. К ним, в частности, относится успешно применяемый в Москве порядок предварительной выдачи

¹¹ Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179 (Московское городское общественное управление (Управа и Дума)). Оп. 21. Д. 2396. Л. 18.

избирательных билетов (§ 6–13 Инструкции). Предварительная раздача билетов оказалась значительно удобнее: при выдаче билетов можно было точно установить личность избирателя, вручить ему печатный текст Инструкции и порядок производства выборов, объявление о времени и месте выборов, в случае необходимости дать все разъяснения о порядке выборов. В результате абсолютное большинство московских избирателей этим воспользовались. В день выборов на избирательные участки без билетов явилось ничтожное количество избирателей, что позволило существенно сократить время на удостоверение личности избирателя¹².

Коренным отличием Инструкции по производству выборов по г. Москве стал порядок подсчета избирательных записок в день выборов. Опыт москвичей продемонстрировал всю выгоду и преимущества этого способа: почти во всех участковых избирательных комиссиях подсчет был закончен в первый же день без каких-либо затруднений и недоразумений¹³. Московские власти приложили все усилия, чтобы сохранить такой порядок и на следующие государственные выборы.

Министерская Инструкция по выборам от 24 февраля 1906 г. (ст. 25) предусматривала обязательную рассылку именных объявлений о времени и месте выборов вместе с бланками избирательных записок. Эта процедура была сложной и весьма затратной, а кроме того, далеко не всегда достигала цели. Отсутствие точных сведений о месте жительства избирателей вело к увеличению числа неврученных объявлений. Помимо этого, сам факт предъявления избирателем такого объявления на избирательном участке не означал автоматически, что это был именно тот избиратель, т.к. его можно было передать из рук в руки. Эту недоработку Министерской инструкции инициатива москвичей по предварительной выдаче билетов практически лишила всякого смысла, что помимо всего прочего сэкономило городу 3 тыс. руб.¹⁴

В результате скрупулезной работы, проделанной московскими властями по уточнению численности московских избирателей на выборах во II Государственную думу, выяснилось, что их стало меньше на 512 чел. (0,9%) и составило 54 908 чел. Избирательная активность на этих выборах сократилась весьма незначительно – на 1,5%¹⁵. Всего 72,6% московских избирателей приняли участие в выборах во вторую

¹² Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179 (Московское городское общественное управление (Управа и Дума)). Оп. 21. Д. 2396. Л. 32.

¹³ Там же. Л. 34.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179 (Московское городское общественное управление (Управа и Дума)). Оп. 21. Д. 2396. Л. 90, 290.

Думу¹⁶. Большинство московских выборщиков принадлежало к наиболее состоятельным классам московского населения.

На этот раз все четыре депутата Государственной думы от Москвы, избранные Городским избирательным собранием, были представителями кадетской партии: кн. П.В. Долгоруков, приват-доцент Московского университета А.А. Кизеветтер, В.А. Маклаков и Н.В. Тесленко. Все они играли в партии заметную роль.

Слух о том, что московские городские власти активно занимаются организацией и проведением выборов в Государственную думу, разошелся по стране. Косвенным подтверждением служат многочисленные обращения по широкому кругу вопросов на имя Н.И. Гучкова от коллег из самых разных городов. Приведем некоторые, поступившие весной и летом 1906 г. Городской голова Кутаиси Н.М. Лордкипанидзе (впоследствии ставший знаменитым советским писателем), в частности, спрашивал, «совместима ли должность Городского головы должности члена Государственной думы»¹⁷. Из ответа за подписью Н.И. Гучкова узнаем: «Министерством Внутренних дел разъяснено, что председатели и члены земских и городских управ в случае избрания их членами Думы должны оставить занимаемые должности. Для Городского головы прямых указаний не сделано. Полагаю, что разъяснение относится и к голове»¹⁸. Получив такие исчерпывающие разъяснения, кутаисский Городской голова буквально через три дня вновь телеграфирует Гучкову с просьбой дать разъяснения: «Не откажите сообщить мне еще следующие сведения: приговоренные за политическое преступление к лишению прав, но впоследствии восстановленные во всех правах в силу Особого Высочайшего повеления, могут ли быть избранными членом Государственной думы»¹⁹. На это Н.И. Гучков ответил: «Полагаю, по ст. 7 лица, восстановленные в правах, в выборах не участвуют»²⁰.

Вскоре последовал запрос от Киевской Городской управы следующего содержания: «Киевская Городская управа, по встретившейся необходимости, имеет честь просить сообщить в возможно скором времени, какое было число выборщиков в Москве для выборов в Государственную думу, и какая сумма израсходована на означенные

¹⁶ Выборы по г. Москве в Государственную думу второго призыва. М., 1908. С. 46–47.

¹⁷ Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179 (Московское городское общественное управление (Управа и Дума)). Оп. 21. Д. 2416. Л. 170.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179 (Московское городское общественное управление (Управа и Дума)). Оп. 21. Д. 2416. Л. 179.

²⁰ Там же. Л. 180.

выборы»²¹. На запрос незамедлительно последовал исчерпывающий ответ²².

Поступали в Москву и обращения другого свойства. Так, Городской голова Бобруйск Ф.Ф. Ковалевский выяснял у Н.И. Гучкова следующее: «По частным сведениям я узнал, что некоторые Городские управы, в том числе и Московская, получили от казны половину суммы, затраченной на подготовительные работы по выборам в текущем году в Государственную думу и на самые выборы при съездах городских избирателей. Ввиду изложенного и принимая во внимание, что в законе на этот предмет не имеется точных указаний, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, уведомить меня, по возможности в непродолжительном времени, действительно ли г. Москве возмещена казною часть расходов, в каком размере и если да, то чем руководствовалась Московская Городская управа, возбуждая ходатайство»²³. Ответ на этот щекотливый вопрос был подготовлен Н.И. Гучковым, о чем свидетельствует черновик, написанный им собственноручно. Он писал: «В ответ на Ваше отношение... имею честь сообщить Вам, что Московское Городское общественное управление не возбуждало перед правительством вопроса о возмещении расходов по выборам и никаких сумм от правительства для покрытия означенных расходов не получало, за исключением своевременно возмещенных городу казной на основании п. 21 раздела Высочайшего Указа 11 декабря 1905 года прогонных денег уполномоченным от рабочих, находящихся в Московской Губернии фабричных и торговопромышленных предприятий»²⁴.

Заключение

С началом функционирования Государственной думы в России в практику вошли избирательные кампании по выборам ее депутатов. Обязанность определения граждан, обладающих по законодательству избирательными правами, равно как и проведение самих выборов, легло на плечи местных властей. Избирательная практика в период думской монархии (четыре избирательных кампании) отличалась многообразием. Нами был изучен опыт выборов в две первые Государственные думы, накопленный в Москве – втором по численности населения городе Российской империи. Надо отметить, что органы Общественного

²¹ Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179 (Московское городское общественное управление (Управа и Дума)). Оп. 21. Д. 2416. Л. 220.

²² Там же. Л. 220–221.

²³ Там же. Л. 284.

²⁴ Там же. Л. 285.

управления древней столицы – Московская Городская дума и Городская управа, на наш взгляд, весьма в этом преуспели.

Среди предложенных и апробированных в ходе московских выборов в Государственную думу необходимо отметить целый ряд успешных наработок: особая тщательность по составлению избирательных списков, способы доставки именных бюллетеней, тщательный подбор участковых избирательных комиссий и их председателей, совершенствование самой избирательной практики в день выборов, а также подсчет голосов по результатам голосования. Особо следует отметить роль и личный вклад руководителей московского городского самоуправления: Городского головы Н.И. Гучкова, Городского секретаря Н.И. Астрова и др. Они нередко инициировали обращение к верховной власти, прежде всего, руководству Министерства внутренних дел, ответственного за выборы, с предложениями усовершенствования избирательного законодательства и избирательной практики. В ряде случаев их инициативы поддерживались, в отдельных случаях на их начинания сознательно не обращали внимания, не препятствуя их реализации.

На наш взгляд, этот малоизученный и несправедливо подзабытый опыт московских городских властей сегодня как никогда нуждается в изучении и осмыслении.

Библиографический список / References

1. Белановская Ю.Е. История Московского городского самоуправления: эволюция развития // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 5. С. 39–45. [Belanovskaya Yu.E. History of Moscow city self-government: Evolution of development. *RUDN Journal of Russian History*. 2009. No. 5. Pp. 39–45. (In Rus.)]
2. Виноградов В.Ю. Из истории московского городского самоуправления // Вестник РУДН. Серия: История России. 2004. № 3. С. 160–166. [Vinogradov V.Yu. From the history of Moscow city self-government. *RUDN Journal of Russian History*. 2004. No. 3. Pp. 160–166. (In Rus.)]
3. Воробьева Ю.С. Николай Гучков – московский городской голова. М., 2004. [Vorobyeva Yu.S. Nikolay Guchkov – moskovskiy gorodskoy golova [Nikolay Guchkov – Moscow city mayor]. Moscow, 2004. (In Rus.)]
4. Костюков А.Н. Выборность органов власти в Российской Федерации и российская дореволюционная цензовая система // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 1. С. 17–25. [Kostyukov A.N. Electivity of government bodies in the Russian Federation and the pre-revolutionary qualification system in Russia. *Law Enforcement Review*. 2018. Vol. 2. No. 1. Pp. 17–25. (In Rus.)]
5. Малышева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1907. М., 2018. [Malysheva O.G. Izbiratel'naya sistema i praktika Rossii v period dumskoy monarkhii 1905–1907 [Electoral system and practice of Russia during the Duma monarchy period 1905–1907]. Moscow, 2018.]

6. Малышева О.Г., Жильцов Ю.В. Избирательная кампания во II Государственную думу Российской империи в Москве // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2021. № 4 (44). С. 32–43. [Malysheva O.G., Zhiltsov Yu.V. Electoral campaign for the II State Duma of the Russian Empire in Moscow. *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series "Historical Sciences"*. 2021. No. 4 (44). Pp. 32–43. (In Rus.)]
7. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. [Pisarkova L.F. *Gorodskiye reformy v Rossii i Moskovskaya дума* [Urban reforms in Russia and the Moscow Duma]. Moscow, 2010.]
8. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863–1917 гг. М., 1998. [Pisarkova L.F. *Moskovskaya gorodskaya дума: 1863–1917 gg.* [Moscow City Duma: 1863–1917]. Moscow, 1998.]
9. Савичев А.А. Городское самоуправление Москвы и Санкт-Петербурга в середине XIX – начале XX вв.: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. [Savichev A.A. *Gorodskoye samoupravleniye Moskvу i Sankt-Peterburga v seredine XIX – nachale XX vv.: istoriko-pravovoye issledovaniye* [Urban self-government of Moscow and St. Petersburg in the mid-19th – early 20th centuries: Historical and legal research]. PhD dis. Moscow, 2021.]

Статья поступила в редакцию 10.03.2025, принята к публикации 25.04.2025
The article was received on 10.03.2025, accepted for publication 25.04.2025

Сведения об авторе / About the author

Малышева Ольга Геральдовна – доктор исторических наук, профессор; профессор Департамента истории Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет

Olga G. Malysheva – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of History of the Institute of Humanities, Moscow City University

E-mail: MalyshevaOG@mgpu.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-54-70

УДК 711.4-122«1960»

В.Н. ГорловМосковский государственный лингвистический университет,
119034 г. Москва, Российская Федерация

Социальное значение домов-комплексов в становлении коммунистических форм быта в 1960-е гг.

В статье рассматриваются задачи советской архитектуры в начале 1960-х гг. – создание таких типов зданий, которые наиболее полно отвечали бы социальным условиям строящегося коммунистического общества, способствовали воплощению в архитектуре развивающихся коммунистических форм организации быта. Решить эту задачу планировали на базе научных исследований и широких экспериментов. Осуществление программы построения коммунистического общества было непосредственно связано с высоким уровнем развития массовых общественных учреждений. Расселение в крупных домах с общественным обслуживанием, сама планировка, состав и взаиморасположение квартир и культурно-бытовых помещений должны были подорвать материальные основы мелкого домашнего хозяйства. Организованная сеть общественных учреждений должна была служить мощным фактором воздействия на образ жизни и сознание членов советского общества.

Ключевые слова: дом нового быта, общественное обслуживание, строительство коммунизма в СССР, экспериментальное строительство, коллективизм, жилой комплекс в СССР

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Горлов В.Н. Социальное значение домов-комплексов в становлении коммунистических форм быта в 1960-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 54–70. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-54-70

© Горлов В.Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

V.N. Gorlov

Moscow State Linguistic University,
Moscow, 119034, Russian Federation

Social significance of house complexes in the formation of communist forms of life in the 1960s

The article examines the tasks of Soviet architecture in the early 1960s – the creation of such types of buildings that would most fully meet the social conditions of the communist society being built, to promote the embodiment of developing communist forms of everyday life in architecture. It was planned to solve this problem on the basis of scientific research and extensive experiments. The implementation of the program for building a communist society was directly related to the high level of development of mass public institutions. Settlement in large buildings with public services, the layout itself, the composition and mutual arrangement of apartments and cultural and everyday premises were to undermine the material foundations of small households. An organized network of public institutions was to serve as a powerful factor influencing the lifestyle and consciousness of members of soviet society.

Key words: house of new life, public services, construction of communism in the USSR, experimental construction, collectivism, residential complex in the USSR

FOR CITATION: Gorlov V.N. Social significance of house complexes in the formation of communist forms of life in the 1960s. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 54–70. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-54-70

Проблема отношения архитектурной идеи и жизненной реальности с особенной остротой возникала на первых этапах истории советского зодчества, когда переустройство жизни после Октябрьской революции 1917 г. стало реальной задачей, связанной со становлением нового общества. Нужно было дать форму новым общественным функциям

и изменявшемуся быту. Жизнестроительство стало уже не утопией, рожденной профессиональными амбициями архитекторов, а потребностью нового социума. Новые потребности и типы общественных структур возникали в то время быстро, тогда как материальные возможности строительства в первые послереволюционные годы были ограниченными.

В этих условиях опережающее жизнь развитие архитектурной мысли было естественным процессом. Нужно было, исходя из целей построения социалистического общества и постепенно накапливаемого опыта, найти рациональные системы пространственной организации новых функций и создать художественный язык, позволяющий выразить новые идеи и новые понятия.

В 1920-е гг. конкретный опыт становления новых форм жизни еще не давал твердой основы для далеких экстраполяций в будущее. Место прогноза в большой мере занимало интуитивное предвидение, получавшее эмоциональную и субъективную окраску. Стремление подстегнуть ход времени, казавшийся чересчур медленным, вело к наивному (как мы понимаем сегодня) максимализму утопических предложений по преобразованию городов и перестройке быта.

Попытки создать четкие схемы в сфере профессиональных понятий и «извне» приложить их к тому, что в жизни еще не оформилось окончательно, давали лишь иллюзию радикального решения проблем. Так, ориентация во второй половине 1920-х гг. на создание домов-коммун, предполагавших отнюдь не подготовленное жизнью радикальное переустройство быта с его полным обобществлением, лишь задержала процесс разработки типа рациональной городской квартиры. Крайности идей, родившихся в профессиональной сфере, под давлением общественной критики приводились к жизненным реалиям [3, с. 40].

После окончания Великой Отечественной войны огромные силы и ресурсы были брошены на создание мощной строительной индустрии как важнейшего средства широкого развития массового строительства. Что же касается типов зданий, то их становление шло под влиянием повседневных практических запросов. В центре внимания была, в основном, количественная задача: максимум экономичного жилища, школ, больниц.

Разработка новых по своей социальной сущности типов жилых и общественных зданий особенно активно началась после Всесоюзного совещания строителей в 1954 г.¹ Задача состояла в том, чтобы способствовать воплощению в архитектуре развивающихся коммунистических

¹ Всесоюзное совещание строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов, строительного и дорожного машиностроения, проектных и научно-исследовательских организаций. М., 1955.

форм организации быта. Перспективы строительства материально-технической базы коммунистического общества определили направление дальнейшего развития и совершенствования всего градостроительства, всей системы и типов зданий, в особенности общественных.

С конца 1950-х гг. перед советской архитектурой ставилась задача создания таких типов зданий, которые наиболее полно отвечали бы социальным условиям строящегося коммунистического общества. Решить эту задачу планировали на базе научных исследований и широких экспериментов. Считалось, что только массовое строительство общественных учреждений может обеспечить всестороннее интеллектуальное и физическое развитие членов общества, подготовить их к высокопроизводительному общественному труду, как и к любимому занятию.

Чтобы понять направление развития системы культурно-бытового обслуживания и определяемых ею типов зданий, необходимо исходить из социальных основ нашего общества и той роли общественных учреждений, которую они были призваны играть в создании новых городов, новой среды для социальных процессов будущего. Осуществление программы построения коммунистического общества было непосредственно связано с высоким уровнем развития массовых общественных учреждений.

На определенном этапе (после того, как будут удовлетворены неотложные потребности в жилище) в условиях сокращенного рабочего дня общественные учреждения и здания должны были приобрести еще более важное значение. Считалось, что без развитых сетей общественных столовых, магазинов, предприятий хозяйственно-бытового обслуживания, учебных заведений, клубов, кинотеатров и т.п. невозможно удовлетворить растущие материальные и культурные потребности населения, невозможно перейти в будущем к коммунистическому принципу распределения. Чем рациональнее и с меньшими затратами труда было бы организовано культурно-бытовое обслуживание населения, тем больше людей можно было привлечь к общественно-полезному труду, тем больше оставалось бы времени для всестороннего развития личности и отдыха, тем выше была бы производительность труда.

В 1960-е гг. определение правильных соотношений в затратах труда на производство и обслуживание, высокие технические и эксплуатационные качества типов общественных зданий, механизация обслуживания становятся важнейшими задачами организации общественного труда.

Что касается роли общественных зданий в решении одной из главных проблем построения коммунистического общества – в раскрепощении женщины от гнета мелкого домашнего хозяйства путем перестройки

его в крупное общественное хозяйство, то эта роль становилась определяющей. В СССР не менее 10 млн работоспособных женщин были заняты в личном домашнем хозяйстве². Развитие новой системы культурно-бытового обслуживания должно было послужить базой для действительного освобождения женщины от тягот домашнего хозяйства, для общественного воспитания детей в духе коллективизма. Ф. Энгельс еще в 1845 г. в работе «Эльберфельдские речи» писал: «если вникнуть в детали домоводства, то тут особенно становятся видны преимущества общественного хозяйства. Какая масса труда и материалов растрачивается при современном раздробленном хозяйстве»³. Советские ученые подсчитали, что в домашнем хозяйстве ежегодно затрачивалось не менее 100 млрд человеко-часов преимущественно женского труда, что равно годовому бюджету времени почти 40 млн человек⁴.

Расселение в крупных домах с общественным обслуживанием, сама планировка, состав и взаиморасположение квартир и культурно-бытовых помещений должны были подорвать материальные основы мелкого домашнего хозяйства и делали его бессмысленным. Из этого следовало, что типы зданий и определенный порядок их взаимосвязи составляли одну из важных областей воздействия материальной среды на жизненный уклад общества.

Таково, можно сказать, всеобъемлющее значение системы общественных учреждений и важнейшей части их материальной базы – зданий, в которых они размещались. Система обобщественного культурно-бытового обслуживания населения и воспитания детей оказывала решающее влияние не только на планировочную структуру города, жилых районов и микрорайонов, но и на типы самих жилых домов. Одним из ведущих принципов с начала 1960-х гг. становится коллективная организация расселения в сочетании с интересами личности.

В то время как в промышленном и сельскохозяйственном производстве у нас безраздельно утвердилась общественная система, обобществление культурно-бытового обслуживания населения в городах находилось еще в стадии становления. Архитектурная организация крупного социалистического хозяйства в области быта и культуры должна была быть не утопической мечтой, а реальным проектом: время реализации было предreshено Программой КПСС, принятой на XXII съезде КПСС

² Харчев А.Г. Брак и семья в СССР (опыт социологического исследования). М., 1964. С. 253.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М., 1955. С. 542.

⁴ Синицын В. Формирование коммунистического быта // Коммунист. 1963. № 7. С. 71.

31 октября 1961 г. Основной целью программы было создание плана строительства коммунизма на 1961–1980 гг.⁵

Обобществление культурно-бытового обслуживания являлось одним из первых признаков коммунистического уклада жизни. В будущем это должно было вылиться в единую систему бесплатных общественных учреждений и предприятий обслуживания, полностью удовлетворяющих разнообразные потребности членов общества. Имеется в виду, в первую очередь, питание, снабжение, хозяйственно-бытовое обслуживание (стирка белья, уборка общих помещений, ремонт, чистка одежды и бытовой утвари и т.п.), дошкольное воспитание детей, школьное образование и воспитание, здравоохранение, физкультура и спорт, культурно-просветительская работа (клубная самодеятельность, кино, театры, выставки) [1, с. 76].

Общественное питание и хозяйственно-бытовое обслуживание в условиях современных, технически оснащенных предприятий должны были сократить затраты труда в десятки раз и, в итоге, обеспечить высокое качество. В решении этих задач архитектуре принадлежала важная роль. Приближение общественных столовых к производству и жилищу, концентрация и кооперирование предприятий общественного питания при обслуживании различных групп населения, внедрение современных технологий, – все это было призвано обеспечить успех общественного питания. Общественное воспитание детей в условиях коллектива, на научно-методической основе, при наличии высококвалифицированных воспитателей и педагогов, должно было дать несравненно более высокие результаты при меньших трудовых затратах. Полное удовлетворение потребностей в учреждениях здравоохранения (включая лечение, профилактику и отдых), физкультуры и спорта, культурно-просветительной работы и т.п. также должно было стать важнейшим результатом обобществления обслуживания.

Наиболее последовательную и принципиальную позицию в вопросах преобразования бытового уклада занимал академик С.Г. Струмилин. Его выступления в печати о перспективах коммунистической переделки быта были проникнуты верой в целесообразность и неизбежность процесса коллективизации бытового уклада⁶.

Но этим не исчерпывалась дискуссия, тем более, не решалась полностью проблема. Новая организация расселения и быта требовала надлежащих экономических предпосылок и новой материальной базы. Эта база, представляющая собой развитую систему сооружений, должна

⁵ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.

⁶ Струмилин С.Г. Избранные произведения. М., 1964.

была пройти процесс становления – стадию научных исследований и апробацию в жизни. Обобществление питания, хозяйственно-бытового обслуживания и воспитания детей в будущем должно было завершить «отпочковывание» от индивидуального домашнего хозяйства тех бытовых функций, которые целесообразно было объединить. Это должно было стать закономерным процессом эволюции функциональной структуры жилища от многоотраслевого хозяйственно-бытового типа к жилищу в собственном смысле слова с ограниченными бытовыми функциями.

Наряду со строительством традиционных типов зданий должен был начаться переход к массовому строительству различных типов коллективных жилых комплексов, преобразование существующего фонда жилых и культурно-бытовых зданий применительно к более высокому уровню обобществления культурно-бытового обслуживания. Структура жилых комплексов и городов должна была измениться в целом на основе принципов коллективного расселения и коммунистического уклада жизни, объем общественного сектора городов – увеличиться и достигнуть объема жилищного фонда.

По расчетам экономистов и социологов, в домах-комплексах с полным обобществлением культурно-бытового обслуживания создавались наиболее благоприятные условия для увеличения доходного бюджета семей именно за счет общественных фондов, к которым следует отнести: медицинское (профилактическое и лечебное) обслуживание, а также уход за больными и престарелыми (медицинский пункт); физкультурно-оздоровительные мероприятия (спортивные площадки, бассейн); организацию рационального и диетического питания с учетом возрастных групп; бесплатные культурно-просветительские мероприятия – художественная самодеятельность, лекции, показ научно-популярных и хроникальных фильмов и т.д. (зрительный зал, кружковые комнаты)⁷.

Во многих проектах перспективных типов жилых домов была отражена точка зрения на будущее расселение и на будущую организацию общественного обслуживания. Эти идеи были отражены в ряде проектов и теоретических проработок по домам нового быта Центрального научно-исследовательского института экспериментального проектирования жилища (ЦНИИЭП жилища), во многих проектах открытого конкурса на идею дома-комплекса с населением в 2 тыс. чел. (например, проект авторского коллектива Киевского зонального научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального

⁷ Белопольский Я.Б. Прогрессивные пути развития архитектуры жилища // Архитектура СССР. 1971. № 2. С. 23–29.

проектирования Государственного Комитета по архитектуре и градостроительству при Госстрое СССР (КиевЗНИИЭП), в проектах закрытого конкурса «Застройка экспериментального жилого района в Юго-Западной части Москвы», разработанных совместно ЦНИИЭП жилища и Московский институт типового и экспериментального проектирования (МИТЭП), в экспериментальных проектах авторского коллектива Ленинградского зонального научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий Государственного Комитета по архитектуре и градостроительству при Госстрое СССР (ЛенЗНИИЭП) и других институтов⁸.

Композиционные особенности формирования жилых массивов при многоэтажной застройке получили свое дальнейшее развитие и конкретизацию в ряде экспериментальных работ, в частности, представленных в 1963–1964 гг. на конкурс проектов жилого дома с коллективным обслуживанием на 2 тыс. чел., проведенный в 1965 г. Комитетом по гражданскому строительству и архитектуре совместно с Союзом архитекторов СССР. Материалы этих конкурсов публиковались в печати. МИТЭПом разрабатывались различные варианты решения сетей обслуживания, обеспечивающие значительную гибкость структурной организации жилых образований⁹.

В начале 1960-х гг. многие проектные организации приступили к разработке жилых комплексов с развитым общественным обслуживанием для строительства в Москве, Баку, Норильске, в Якутии. Значительный интерес представляла также работа проектных организаций Прибалтики по трансформации сетей культурно-бытового обслуживания. В Риге в 1960-х гг. было разработано два таких проекта. В одном из вариантов проекта района Аплотциемс-Яуимилгравис система обслуживания была принята в условиях 20-этажной застройки. На берегу озера Киш строился многоэтажный жилой дом-башня, в котором разместили учреждения коммунально-бытового обслуживания и детский сад. Это позволило высвободить площади под озеленение и повысить плотность застройки района [5, с. 164–165].

В 1960-е гг. Норильск был крупной площадкой для разработки смелых архитектурных идей. Проекты жилых комплексов на 1500–2000 жителей были разработаны для монопроизводственных предприятий заполярных районов. Были разработаны несколько типов комплексов

⁸ Овчинников А.А. Жилище будущего // Советская архитектура. 1964. № 16. С. 14–15.

⁹ Кузьмин В., Козлов И., Колчин А. Система обслуживания населения столицы // Строительство и архитектура Москвы. 1966. № 5. С. 19–21.

с различной планировочной организацией. Данные проекты получили название «поляры», которое подразумевало жилой комплекс заполярных районов Крайнего Севера СССР. Композиционно это соединение в одном комплексе индивидуального жилища, первичного блока общественного обслуживания и крытого двора для коллективного отдыха, спорта и общения населения в зимний период. Жилой дом-комплекс с крытым внутренним двором – это уже новый элемент застройки. В плане традиционной застройки Норильска – это замкнутый контур со светопрозрачным покрытием – ни мороза, ни ветра, ни снегозаносов [9, с. 98–99]. Идея эта не была новой. Для Крайнего Севера существовало несколько предложений такого рода, наиболее интересное из которых принадлежало К.Н. Агафонову, предложившему в 1960 г. проект дома нового типа, в котором планировалось разместить всю необходимую инфраструктуру и зимний сад¹⁰.

Дом-комплекс на тысячу жителей для Норильска был спроектирован в 1964 г. Он включал два шестизэтажных корпуса, между которыми располагался зимний сад под крышей. Прозрачное перекрытие летом раздвигалось, а зимой – оберегало от непогоды. В одном из зданий разместились школа, физкультурный центр, в другом – административные учреждения и учреждения обслуживания¹¹.

Экспериментальный жилой комплекс «Поляр «Пирамида»» в 1963 г. проектировался для условий Крайнего Севера. Комплекс объединял под своей крышей жилище, необходимые общественные и техническую зоны, спортивные и культурные учреждения, зимний сад.

Экспериментальный дом-комплекс «Снежногорск», предназначенный для персонала Усть-Хантайской ГЭС на р. Хантайка в Красноярском крае, был разработан в институте ЛенЗНИИЭП (головной организации страны по Северу) в 1967 г. по заданию дирекции строящейся Усть-Хантайской гидроэлектростанции. В доме были тесно соединены жилище и учреждения общественного обслуживания. Объем и состав обслуживающих помещений этого интересного здания определен условиями его островного положения и значительным удалением от ближайших городов. В жилом комплексе на 1 тыс. жителей вокруг зимнего сада располагались Совет дома, школа, детский сад-ясли, плавательный бассейн, блок медицинского обслуживания, блоки бытового и торгового обслуживания, клуб. В 1967 г. проект «Снежногорск» был утвержден

¹⁰ Агафонов К.Н. Жилой дом для арктического побережья // Архитектура СССР. 1960. № 2. С. 19–20.

¹¹ Труниньш Я., Шипков А.И. Экспериментальный проект жилого комплекса в Норильске // Архитектура СССР. 1965. № 7. С. 38–40.

Советом министров СССР и представлен Госгражданстроем на Всемирной выставке «Экспо-67» в Монреале [6, с. 12–14].

Утвержденное в 1964 г. Госкомитетом по гражданскому строительству и архитектуре проектное задание пос. Айхал было принципиально новым градостроительным предложением для застройки в суровых условиях Крайнего Севера. Весь поселок представлял собой максимально компактный жилой комплекс с полным культурно-бытовым обслуживанием, состоящий из двух групп жилых домов, связанных между собой, и общественным центром с крытыми галереями. Дома расположены меридионально, что обеспечивало наилучшую инсоляцию квартир. Инженерные коммуникации расположены в галереях, что исключало дорогостоящие работы по их прокладке. Общественный центр также представлял собой единый комплекс, объединенный зимним садом [4, с. 101–103].

Заслуживает внимания экспериментальное строительство дома нового быта в 10-м квартале Новых Черемушек в Москве, который был построен в 1965–1971 гг. Коллективом мастерской № 3 МИТЭП (руководитель архитектор Н.А. Остерман, консультировал академик С.Г. Струмилин) был разработан проект жилого комплекса с развитыми формами общественного обслуживания. В доме нового быта был заложен принцип «самодостаточности» жилого образования и работы культурных и хозяйственно-бытовых учреждений по системе «замкнутого баланса» с расчетом на обслуживание только населения данного дома-комплекса. Весь строй жизни, вся основная культурная, общественная и хозяйственно-бытовая деятельность населения дома замыкалась внутри «своего» соседского жилого образования. Этот проект предусматривал широкую кооперацию жильцов дома-комплекса в области управления, снабжения, хозяйственного и культурного обслуживания. Все это превращало дом этого типа в замкнутый, самоуправляющийся социальный и хозяйственный организм, т.е. в своего рода «дом-поселок».

Принятая проектом развернутая номенклатура помещений общественного назначения и демократическая форма самоуправления комплексом были направлены одновременно на активизацию общественно-политической жизни граждан, объединенных по признаку совместного проживания, на преобразование сознания людей в духе коллективизма. Основой общественной жизни наряду с производством становилось развитие соседских контактов. Сам факт территориальной близости (соседства) признавался достаточным основанием для возникновения устойчивого бытового коллектива. В литературе эти идеи были развиты академиком С.Г. Струмилиным¹².

¹² Струмилин С.Г. Наш мир через 20 лет. М., 1964.

Авторы отнюдь не считали предложенную схему оптимальной, а тем более единственной. Поиски новых форм организации жилья и быта потребовали длительных и серьезных усилий многих коллективов. Поле для творческой работы в этой области открывалось самое широкое. К составлению социально-экономических обоснований проекта были привлечены представители примерно 30 различных НИИ, организаций и ведомств, в т.ч. экономисты, философы, психологи, статистики, специалисты в области организации общественного питания, здравоохранения, спорта и физкультуры, педагоги, юристы, работники культурно-просветительского обслуживания, технологи различных предприятий службы быта и др.

Отличает этот проект от «домов-коммун» не только более совершенная социально-экономическая сущность, но и уровень технического решения задачи, несравненно более высокий, чем тот, которым отечественная архитектура располагала в 1920–1930-е гг.

Необходимость организации удобных и экономичных связей между жилыми этажами корпусов с помещениями обслуживания в первом этаже и двухэтажным блоком, соединяющим корпуса, побудила принять коридорную схему планировки. В квартирах дома нового быта были запроектированы небольшие подсобные помещения. При 16-этажных жилых корпусах общая численность населения комплекса в количестве 2–2,5 тыс. чел. являлась минимально приемлемой¹³.

Главную часть культурно-просветительского центра занимает зал универсального назначения с широкоэкранной установкой. Здесь предполагалось проводить киносеансы, спектакли самодеятельности, собрания, спортивные занятия. Рядом располагались библиотека с читальным залом и громадный зимний сад-фойе – место для отдыха, тематических выставок, танцев, детских игр. Имелись также комнаты для занятий различных кружков, студии, фотокинолаборатория, радиопузел, оранжерея.

Наиболее ответственной и сложной являлась организация сети общественного питания. В балансе времени индивидуальное приготовление пищи, покупка продуктов занимали большое место. В доме с обслуживанием затраты времени на питание были сокращены до 1,21 часа на человека в сутки¹⁴. Выигрыш свободного времени был весьма существенный. Необходимо учитывать, что в Программе КПСС указывалось: «Снижение цен на продукцию общественного питания будет опережать снижение цен на продовольствие в торговой сети. Благодаря всему

¹³ Остерман Н.А., Петрушкова А.В. Жилой дом-комплекс с общественным обслуживанием // Архитектура СССР. 1965. № 7. С. 14–15.

¹⁴ Там же. С. 16.

этому общественное питание в течение 10–15 лет сможет занять преобладающее место по сравнению с питанием в домашних условиях»¹⁵. Следовательно, чем шире будет развита сеть общественного питания, тем благоприятнее это скажется на бюджете семьи. Авторы проекта не сомневались, что при хорошей организации общественного питания оно, несомненно, превзойдет по качеству и широте ассортимента домашнее приготовление пищи. Им будут заниматься высококвалифицированные специалисты, использующие современную технику в таком объеме, который в условиях индивидуального домашнего хозяйства трудно реализовать практически.

Предполагалось, что центральный столовый зал в утренние и дневные часы будет использован частично для диетического питания, для питания детей, возвращающихся из школы, а также пенсионеров, проживающих в комплексе. В вечернее время зал столовой предполагалось использовать как кафе. Наряду с этим, на каждом жилом этаже устраивалась столовая на 18–20 посадочных мест с кухней-догоотовочной. Такая организация сети общественного питания приближала ее к жилью: среднее расстояние от квартиры до столовой сокращалось до 20–25 минут. Если кто-то этого не хотел, он мог приготовить обед в своей комнате, где имелись электроплита и вытяжной шкаф. В конечном счете, у семьи была возможность самой выбрать то, что ей наиболее выгодно и удобно с точки зрения качества, экономии времени, объема домашнего труда и рациональной организации режима дня¹⁶.

Одной из важнейших бытовых функций является воспитание подрастающего поколения. Считалось, что преимущества в этом смысле имеет коллективистическая форма организации быта. Решение этих задач было предусмотрено в Программе КПСС, в которой сказано: «Коммунистическая система народного образования основывается на общественном воспитании детей. Воспитательное влияние семьи на детей должно все более органически сочетаться с их общественным воспитанием»¹⁷.

На примыкающем участке квартальной территории уже имелись школа и детский сад-ясли, которые, наряду с другими объектами 10-го квартала, должны были обслуживать дом-комплекс. Занятия с детьми в нем по будним дням должны были быть организованы во внешкольное и вечернее время, а по воскресным – в дневное. Для детей дошкольного и младшего школьного возраста был организован

¹⁵ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 393.

¹⁶ Остерман Н.А., Петрушкова А.В. Жилой дом-комплекс с общественным обслуживанием // Архитектура СССР. 1965. № 7. С. 16.

¹⁷ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 414.

детский центр. В его составе – комната физкультуры, бассейн для обучения плаванию, зал подвижных игр, помещение для игр малышей. Дети в возрасте от 11 до 18 лет могли пользоваться универсальным залом, открытым плавательным бассейном, комнатами кружковых занятий и т.п. Был проработан вопрос о режиме дня для детей различного возраста¹⁸. Предполагалось, что руководить работой с детьми будет на общественных началах специальный коллектив воспитателей.

Коллективизм быта, организация самоуправления, работа по формированию коммунистического сознания проживающих в большей мере исключали изоляцию отдельно взятой семьи от влияния коллектива. При возникновении трудностей, связанных с воспитанием ребенка, меры общественного воздействия могли быть приняты своевременно. Территориальная близость мест проведения досуга молодежи допускала как прямой, так и косвенный контроль взрослого населения и общест-венности.

Важное место в системе дома-комплекса занимало медицинское обслуживание. Определялось оно, конечно, не только наличием в доме врачебного персонала, а всей организацией быта на новой основе. Соответственно, намечались широкие мероприятия по предупреждению и сокращению заболеваний, по борьбе за продление жизни человека. Исходя из этого, проектанты при активном участии научных работников Института организации здравоохранения им. Н.А. Семашко и санитарно-эпидемиологической станции Москвы приняли решение об организации в комплексе «центра здоровья». В доме были предусмотрены кабинеты терапевта, стоматолога, педиатра, невропатолога, хирурга-онколога, акушера-гинеколога, офтальмолога и отоларинголога. Кроме того, имелись процедурная, водолечебница с душевым и ванным залами, зал для оздоровительно-физкультурных мероприятий, физио- и электро-терапии. В условиях дома-комплекса предусматривалась диспансеризация. Это означало, что, если человек не является на очередной диспансерный прием сам, общественными мерами воздействия его заставят это делать [2, с. 23].

В доме-комплексе предстояло многое сделать для выполнения указаний Программы КПСС о том, чтобы физкультура и спорт прочно вошли в повседневный быт людей. Увеличение расхода времени на самообразование и учебу было учтено ежедневной возможностью работы в библиотеке-читальне и комнатах для занятий (в Программе партии было указано, что особенно значительным выигрыш свободного

¹⁸ Остерман Н.А., Петрушкова А.В. Жилой дом-комплекс с общественным обслуживанием // Архитектура СССР. 1965. № 7. С. 18.

времени окажется для семейных женщин: время на домашний труд сократится для них более чем в два раза)¹⁹.

Должны были уменьшаться затраты на приобретение мебели, бытовые электроприборы в связи с их общественным использованием. Ожидалось ощутимое сокращение расходов на транспорт, в связи с тем что многие предприятия культурного, спортивного, лечебного, коммунального и других видов обслуживания находятся непосредственно в здании [8, с. 77–79].

Коллектив архитекторов вместе с работниками актива МГК ВЛКСМ пришел к выводу о целесообразности объединения жителей комплекса в добровольную общественную организацию по его эксплуатации – «Союз дома нового быта». Главной целью такого союза должна была стать рациональная организация здорового быта своих членов, основывающаяся на сочетании коллективных форм его организации с индивидуальными, воспитания их в духе норм и правил коммунистического общежития, решению этических и иных конфликтов между членами союза [7, с. 81].

Авторы проекта предполагали создать коллектив нового типа – объединение по месту жительства. Успех эксперимента зависел, прежде всего, и от осознанного желания людей стать членами нового коллектива. В данном случае предполагалось в контингенте жильцов дома смоделировать в уменьшенном масштабе население Москвы – выдерживать процентное соотношение московского населения по возрастному, образовательному составу, социальной структуре, количеству тех или иных семей и т.д.

У архитекторов дома-комплекса было мнение, что при массовом строительстве подобных зданий их экономика окажется и более эффективной. Но это должен был показать эксперимент. Экономисты, социологи, архитекторы считали, что экономику домов с таким обслуживанием нужно рассматривать шире – не только с позиции единовременных и эксплуатационных затрат.

При новой организации быта, обеспечивающей наблюдение за здоровьем человека, организацией режима и пр. можно было с достаточной уверенностью говорить о росте трудовой активности, уменьшении заболеваемости и т.д. Общее гармоническое развитие человека, рост его культуры, использование дополнительно образующегося благодаря рационализации быта свободного времени – факторы, не поддающиеся прямому учету, но, тем не менее, важнейшие.

¹⁹ Кравчинская И.П., Тимяшевская М.В., Яницкий О.Н. Развитие сети общественных зданий в связи с изменением бюджета времени трудящихся // Архитектура СССР. 1966. № 3. С. 45–48.

При коллективной форме ведения домашнего хозяйства многие управленческие функции должны были перейти от государства непосредственно к самим трудящимся, в результате чего производительным трудом сможет заняться еще какая-то часть населения. Дома-комплексы с максимальным обобществлением обслуживания рассматривались в будущем как необходимый элемент застройки жилых районов.

Хотелось бы сказать и о положительном влиянии заложенных в проект коллективистических форм быта. Коллективизм и товарищеская взаимопомощь должны были превратиться в норму существования, внутреннюю потребность человека. Уважение к любому виду общественно-полезного труда будет воспитываться обязательным для всех трудом на общественных началах. Конкретное отражение должно получить решение таких, например, вопросов коммунистической морали, как забота каждого о сохранении общественного достояния – в данном случае здания комплекса.

Интересен был вопрос и о принципах заселения подобных комплексов. Что было предпочтительнее: люди с одного предприятия или работающие в различных местах? Казалось бы, при условии заселения дома работающими на одном предприятии легче наладить быт с помощью именно этого предприятия. Однако авторам проекта представлялось более правильным заселять в такие здания людей, работающих в разных организациях, разных профессий и квалификации, разных областей знания, техники, культуры. Быт в этом случае, вероятно, организовать было сложнее, зато он должен оказаться и интереснее, и многограннее.

В 1960-е гг. много внимания уделялось одновременно жилищным вопросам и вопросам обслуживания. Как они должны были сочетаться? Какое должно быть соотношение общественного обслуживания и самообслуживания в личном домашнем хозяйстве?

Эксперимент с домами нового быта в СССР в 1960-е гг. не был завершен. Причина этому – экономическая дороговизна данных проектов. Эксплуатационные и строительные расходы по дому нового быта были чрезмерно велики, а для обслуживания жителей дома требовалось содержать огромный персонал. Видимо, сказалось и устойчивое неприятие к коллективному хозяйствованию в коммунальных квартирах, через которые прошло большинство советских граждан. В дальнейшем был опубликован ряд статей и книг советских социологов, в которых эксперимент, в основном, подвергался критике. Их авторам принцип общения людей на основе совместного проживания казался уязвимым. Соседство как форма общения, заложенная в доме нового быта, противопоставлялось

общению на основе труда и производства. Сегодня дом нового быта в Черемушках в Москве стал обычным общежитием для студентов и преподавателей МГУ имени М.В. Ломоносова.

Необходимо отметить, что проблема предвидения образа жилища будущего особенно сложна и многогранна. Вряд ли можно представить однозначный ответ на этот постоянно возникающий вопрос. Вместе с тем, это не исключает, а, наоборот, предусматривает необходимость научного прогнозирования основных тенденций развития жилища, жилой среды в более емком толковании понятия, на обозримые отрезки времени. Сложен и важен вопрос о функциональных и композиционных взаимосвязях архитектуры жилища будущего с ранее сложившейся застройкой и, что не менее существенно, с практикой жилищного строительства сегодняшнего дня.

В будущем неизбежны изменения типа жилища, которые коснутся состава квартир, этажности зданий, системы планировки и расположения жилых домов. Оптимальная с точки зрения экономики вместимость общественных зданий, с одной стороны, и требование обеспечить наикратчайшие связи жилища с учреждениями повседневного пользования – с другой, – таковы важнейшие критерии, влияющие на формирование жилой среды сегодняшнего и завтрашнего дня.

Библиографический список / References

1. Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущёва // Диалог. 1991. № 5. С. 76. [Barsukov N. Hrushchev's communist illusions. *Dialog*. 1991. No. 5. P. 76. (In Rus.)]
2. Борисовский Г.Б. Архитектура, устремленная в будущее. М., 1977. [Borisovskiy G.B. *Arhitektura, ustremlyennaya v budushchee* [Architecture aimed at the future]. Moscow, 1977.]
3. Иконников А.В. Архитектурная идея и жизненные реальности // Архитектура СССР. 1975. № 1. С. 39–42. [Ikonnikov A.V. Architectural idea and life realities. *Arhitektura SSSR*. 1975. No. 1. Pp. 39–42. (In Rus.)]
4. Карташева К.К. Обслуживание населения жилых комплексов Крайнего Севера. М., 1972. [Kartasheva K.K. *Obsluzhivanie naseleniya zhilykh kompleksov Krajnego Severa* [Servicing the population of residential complexes in the Far North]. Moscow, 1972.]
5. Матусевич Н.З., Товбин А.Б., Эрмант А.В. Ориентиры многообразия. Л., 1976. [Matusевич N.Z., Tovbin A.B., Ermant A.V. *Orientiry mnogoobraziya* [Landmarks of Diversity]. Leningrad, 1976.]
6. Меерсон А.Д. Жилище ближайшего будущего // Архитектура СССР. 1973. № 7. С. 12–14. [Meerson A.D. Housing of the Near Future. *Arhitektura SSSR*. 1973. No. 7. Pp. 12–14. (In Rus.)]
7. Мышковский Я.И. Жилища разных эпох. М., 1975. [Myshkovskiy Ya.I. *Zhilishcha raznykh epoh* [Dwellings of different eras]. Moscow, 1975.]

8. Патрушев В.Д. Использование свободного времени общества. М., 1978. [Patrushev V.D. Ispolzovanie svobodnogo vremeni obshchestva [Use of free time of society]. Moscow, 1978.]
9. Урванцев Н.Н. Открытие Норильска. М., 1981. [Urvancev N.N. Otkrytie Norilsk [Discovery of Norilsk]. Moscow, 1981.]

Статья поступила в редакцию 28.01.2025, принята к публикации 12.03.2025
The article was received on 28.01.2025, accepted for publication 12.03.20

Сведения об авторе / About the author

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры исторических наук и архивоведения Института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет

Vladimir N. Gorlov – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of Historical Sciences and Archival Science of the Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University

E-mail: gorlov812@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-71-88

УДК 321.15

Н.И. Левин

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Система городского управления Colonia Urbs Iulia Nova Carthago в I в. до н.э. (по эпиграфическим данным)

В статье рассмотрено развитие городской магистратуры Нового Карфагена (позднее – Colonia Urbs Iulia Nova Carthago) в течение I в. до н.э. Исследование основано на эпиграфических надписях, составленных магистратами Нового Карфагена, эпиграфике кампанских городов Италии и других надписей из городов римской Испании. Особое внимание уделено городской магистратуре Нового Карфагена, представленной в форме кваттуорвирата или дуумвирата, в связи с чем проанализирована историографическая дискуссия по этой проблеме. Представлена роль Цезаря в формировании системы магистратур Нового Карфагена и правового статуса города, также рассмотрены основные формы местной городской магистратуры – дуумвират, эдилитет и квестура, уделено внимание значению префекта как замещающей должности в системе городской магистратуры. В заключение сделан вывод, что Colonia Urbs Iulia Nova Carthago можно рассматривать как типичный пример реализации способов римского городского управления на территории испанских провинций.

Ключевые слова: романизация, испанские провинции, римская колония Новый Карфаген, городская магистратура в римских колониях, дуумвиры, кваттуорвиры, colonia, municipium, локальное римское право

© Левин Н.И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Левин Н.И. Система городского управления Colonia Urbs Iulia Nova Carthago в I в. до н.э. (по эпиграфическим данным) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 71–88. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-71-88

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-71-88

N.I. Levin

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The urban management system of Colonia Urbs Iulia Nova Carthago in the 1st century BC (according to epigraphic data)

The article examines the development of the urban magistracy of New Carthage (later – Colonia Urbs Iulia Nova Carthago) during the 1st century BC. The study is based on epigraphic inscriptions compiled by the magistrates of New Carthage, epigraphy of the Campanian cities of Italy and other inscriptions from the cities of Roman Spain. Special attention is paid to the most important urban magistracy of New Carthage, presented in the form of a quattuorvirate or duumvirate, in connection with which the historiographical discussion on this issue is analyzed. As a result of the study, the role of Caesar in the formation of the magistracy system of New Carthage and the legal status of the city was analyzed, the main forms of local city magistracy – duumvirate, aedilition and questura – were also considered, attention was paid to the importance of the prefect as a substitute position in the city magistracy system. It is concluded that Colonia Urbs Iulia Nova Carthago can be considered as a typical example of the implementation of Roman urban management methods in the Spanish provinces.

Key words: romanization, Spanish provinces, Roman colony of New Carthage, city magistracy in Roman colonies, duumvirs, quattuorvires, colony, municipium, local Roman law

FOR CITATION: Levin N.I. The urban management system of Colonia Urbs Iulia Nova Carthago in the 1st century BC (according to epigraphic data). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 71–88. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-71-88

В период завоевания Пиренейского п-ова римские власти поощряли выведение колоний на территорию испанских провинций. Эта политика преследовала несколько целей. Во-первых, снижение социальной напряженности внутри римской гражданской общины (*civitas*) за счет оттока обезземеленных граждан позволяло стабилизировать политическую ситуацию в общине. Во-вторых, создание системы контроля над местными племенами и «форпостов» римского присутствия в Испании приводило к формированию единого культурного пространства в средиземноморском регионе. После упразднения Латинского союза в 338 г. до н.э., по мнению Е. Седрика, Рим перешел к новой политике объединения вокруг себя разрозненных италийских, а позднее и других племен в форме основания колоний. Главной задачей колоний всегда оставалось удержание захваченных территорий под римской властью и романизация местного населения, хотя последнее как цель римлянами никогда не осознавалось [18, р. 104]. Отмеченные причины привели к основанию множества римских колоний в Ближней и Дальней Испании. Среди них особо выделяется Новый Карфаген, который, как и Испания вообще, стал «экспериментальной площадкой» римлян по выработке методов и способов управления захваченными территориями. Один из этих методов – формирование и развитие системы городского управления – является предметом настоящей статьи.

Римско-италийская иммиграция в Испанию началась еще до образования провинций и поначалу была, скорее, стихийным процессом, чем государственной целенаправленной политикой, чьи истоки некоторые авторы усматривают в традиционной римской практике конфискации одной трети завоеванных земель у покоренных народов [35, р. 139–140] и поселении на отнятых землях римских и италийский колонистов. Причины иммиграции исследователи видят в тех же социально-экономических условиях развития Рима и Италии, которые складывались при выведении колоний на юг Италии в III–II вв. до н.э. [4, с. 124–130], но, как отмечает А.В. Юдин, в период Второй Пунической войны и после нее появляется практика основания поселений за пределами Италии не только в соответствии с сенатскими постановлениями, но по частной инициативе римских военачальников [7, с. 85–86]. Основателями Тарракона считаются братья Сципионы (*colonia Tarracon, Scipionum opus*:

Plin. H.N. III. 3. 21), Италики, созданной как лазарет для раненых римских воинов¹, – Публий Сципион Африканский, а образование Кордубы в середине II в. до н.э. связывают с консулом Марком Клавдием Марцеллом, находившимся в Дальней Испании в 152/151 гг. до н.э.²

Во второй половине I в. до н.э. выведение колоний было эффективным способом романизации завоеванной территории. Этот метод широко использовал Юлий Цезарь, основавший несколько десятков колоний в римских провинциях, в т.ч. на территории Испании [14, р. 96–106]. Одной из самых значимых колоний стал город, который после захвата Сципионом в 209 г. до н.э. [24, р. 40–41] (Liv. XXVIII. 42. 5)³ римляне стали называть Новым Карфагеном по аналогии с его предыдущим названием на пунийском языке: Qart Hadasht – ‘Новый Город’.

Новый Карфаген был основан по приказу Гасдрубала в 226 г. до н.э. Изначально город существовал, видимо, в форме двух независимых поселений: местного коренного населения и выходцев из северной Африки и пунов (в древнем квартале Нового Карфагена обнаружена керамика из территории современного Туниса, которой пользовались племена Северной Африки и пуны, см: [36, р. 610–613]). После захвата города римлянами сюда активно приезжали италики для добычи серебра и прочих металлов на местных рудниках⁴ [5, с. 287], также переезжали иберы из других поселений испанских провинций, поскольку Новый Карфаген стал важным связующим звеном Пиренейского п-ва в торговле с Римом [4, с. 123–124].

Дискуссия о столичном статусе Нового Карфагена не дала однозначного результата. Еще в XIX в. Э. Хюбнер выдвинул ставшую сегодня классической теорию о том, что столицей Hispania Citerior стал Новый Карфаген в 197 г. до н.э. в результате создания на территории Пиренеев провинциального управления и оставался таковым до 27 г. до н.э., когда столицей стал Тарракон в рамках административной реформы Августа [32, р. 183–186]. Этой концепции придерживался Г. Альфёльди, разделяет ее и Э. Конде Герри [12, р. 24–25, 35, 55; 19, р. 110–116].

¹ App. Hisp. 38: «Сципион поселил в городе, который в честь Италии он называл Италикой, демобилизованных вследствие ран воинов» (пер. С.П. Кондратьева).

² Strabo. III. 2. 1: «Наибольшей славы и могущества достигла Кордуба, основанная Марцеллом...» (пер. Г.А. Стратановского).

³ Ливий ошибочно относит взятие Нового Карфагена к 210 г. до н.э., когда Сципион высадился в Эмпорионе, поэтому в статье приведена традиционная дата взятия города.

⁴ S(ocietas) | a(rgentifodinarum) | I(lucronensis) (HER 2010. 212); S(ocietas) a(rgentaria) II(lucronensis) (HER 2011. 390); Strabo. III. IV. 6: «После Абдеры идет Новый Карфаген... самый могущественный из городов этой страны; он прекрасно укреплен, обведен отличными стенами, имеет гавань, озеро и серебряные рудники, о которых я уже сказал» (пер. Г.А. Стратановского).

Напротив, ряд современных исследователей склонны считать Тарракон изначальной столицей Ближней Испании. Л. Амела Вальверде отмечает, что, начиная со 197 г. до н.э., Тарракон стал фактической столицей [13, р. 47–48] (та же точка зрения: [44, р. 115–130]), что видно из нескольких пассажей о пребывании в городе Цезаря и затем Августа для устройства дел в провинции⁵. И. Аральяс Моралес вообще отрицает существование понятия «столица» применительно к республиканским реалиям римских провинций и предлагает считать Тарракон «политико-административным центром» провинции [15, р. 294–295] в связи со статусом резиденции наместника. Нахождение наместника провинции и его вспомогательного аппарата в городе не подтверждает автоматически столичный статус города, например, Страбон замечает, что наместник проводил зимнее время на побережье и организовывал судопроизводство в Новом Карфагене и Тарраконе, поскольку эти города являлись центрами конвентов⁶ (Х. Руис де Арбулио Байона отмечает, что судебные округа были названы по главным городам конвентов, и четыре конвента (Тарраконский, Ново-Карфагенский, Цезаре-Августанский и Клунийский) входили в судебную юрисдикцию Тарракона, как столицы провинции [45, р. 35–36]. С точкой зрения подчинения *conventus Carthaginensis* не согласны другие авторы [41, р. 95]).

В связи с высоким значением Нового Карфагена при римлянах как политико-административного центра Ближней Испании [41, р. 96], а также и его важной экономической ролью в регионе [40, р. 96–97] необходимо обратиться к проблеме развития его городской магистратуры.

От периода Республики практически не дошли сведения о городской системе управления Нового Карфагена [9, р. 140]. Несколько эпиграфических надписей первой половины I в. до н.э., которые являются отчетами магистратов о деятельности в период отправления магистратуры, свидетельствуют о наличии городской магистратуры: *Heisce m|agistris | coira(r)unt| C(aius) Poplici(us) C(ai) f(ilius) | L(ucius) Cervi(us) L(uci) f(ilius) (CIL II. 3433)*. Вероятно, это имена магистратов, прямой обязанностью

⁵ Caes. B.C. II. 21. 6–7: «Там в ожидании Цезаря собрались посольства почти от всей Ближней Провинции. Точно так же, отличив от имени государства и от себя некоторые общины, он оставил Тарракон и прибыл сухим путем в Нарбон и затем в Массилию» (пер. М.М. Покровского); Suet. Aug. 26. 3: «Не всегда он вступал в должность в Риме: четвертое консульство он принял к Азии, пятое – на острове Самосе, восьмое и девятое в Тарраконе» (пер. М.Л. Гаспарова).

⁶ Strabo. III. IV. 20: «Что касается самого наместника, то он проводит зиму в приморских местностях, вершит суд, особенно в Новом Карфагене и Тарраконе» (пер. Г.А. Страбановского); Plin. H.N. III. 3. 18: «Что касается Ближней Испании, она ныне разделена на семь округов: [Ново]-Карфагенский, Тарраконский, Цезаре-Августанский, Клунийский, Астурский, Люкенский, Бракарский» (пер. Б.А. Старостина).

которых являлась забота и попечение о городе, о чем свидетельствует поставленный здесь глагол *curare* в архаической форме, являющийся формулярным для таких надписей. Следующая надпись тоже указывает на институт магистратуры и отмечает такую функцию местных магистратов, как строительство общественных сооружений: *mag(istri) pilas III et | fundament(a) ex caement(o) faci(undas) | coeravere* (CIL II. 3434), в которой предписание к действию выражено тем же глаголом *curare*. Таким образом, обслуживание общественных зданий по поручению городского сената (совет декурионов) тоже входило в обязанности местных магистратов. Датированные второй половиной I в. до н.э. надписи⁷ упоминают легата пропретора провинции, который не относился к системе городского управления Нового Карфагена, а являлся наместником провинции в случаях пророгации полномочий и останавливался в городе для управления провинцией [1, с. 7–10].

Исходя из вышеприведенных надписей доавгустовского периода, нельзя однозначно определить форму городской магистратуры. Часть исследователей склоняется к тому, что после завоевания Рим упразднил систему управления Нового Карфагена, заменив ее римской городской магистратурой (см. о дискуссии [42, р. 276–278]), но вопрос о существовании в Новом Карфагене какой-либо городской системы управления до сих пор неясен. При основании города Гасдрубал возвел в нем царский дворец⁸ (остатки дворца обнаружены в ходе археологических раскопок, см. [39, р. 18]), что с некоторой долей вероятности позволяет говорить о прямом управлении и отсутствии городских институтов власти в Новом Карфагене (после поражения Карфагена в Первой Пунической войне Гасдрубал проводил экспансионистскую политику в отношении иберийских племен для восстановления финансов Карфагенской республики вследствие потери Сицилии, и основание Нового Карфагена было одним из способов контроля за местными племенами. Точно так же до этого поступил Гамилькар, основав Акру Левку, см. [Ibid., р. 16–17]).

Ю.Б. Циркин полагал, что после римского завоевания здесь возникла характерная для городов Кампании магистратура – кваттуорвират [3, с. 152], тогда как типичным институтом власти в римских колониях

⁷ P(ublio) Silio leg(ato) pro | pr(aetore) patrono | colonei (CIL II. 3414); Herius C(ai) f(ilius) Hispa[.] | leg(atus) pro pr(aetore) pr[ovinciae] (HEp 1993. 250); [Q(uintus) Cassius C(aii) f(ilius) Long]linus | q(uaestor) | pro | pr(aetore) aedem[Aesculapi] | lacum (?) for[nices] | cola | ante | aedem | ex pecunia [sua f(aciendum) c(uravit)] (HEp 2008. 90.a¹).

⁸ Polyb. X. 10. 8: «Противолежащий этому холм на западной стороне похож на него по виду; здесь находится великолепный царский замок, сооруженный, как говорят, Гасдрубалом в то время, когда он домогался царской власти» (пер. Ф.Г. Мищенко).

являлся дуумвират. Причины возникновения кваттуорвирата в системе городского управления Ю.Б. Циркин видел в сильном итальянском влиянии на местные органы власти и большом притоке мигрантов из Италии и римских откупщиков, которые приезжали в Новый Карфаген и приносили в местное общество свои традиционные порядки, в т.ч. и такой элемент политической жизни, как магистратура, состоящая из четырех должностных лиц [3, с. 153–155].

Современные исследователи едины во мнении о присутствии в Новом Карфагене высокого процента итальянского населения, а также признают его участие в политической жизни города, как и в разработке рудников с целью обогащения [47, р. 1095–1096], но полностью согласиться с мнением Ю.Б. Циркина нельзя. От конца III и II вв. до н.э. не дошло ни одной надписи, подтверждающей существование кваттуорвирата, нет их и в императорскую эпоху, на что справедливо указывал Х. Гальстерер, отмечая, что появление этой магистратуры в городе обозначает предоставление ему статуса муниципия [26, р. 807–811]. В конце I в. до н.э. Новый Карфаген стал колонией, а не муниципием, поэтому кваттуорвирата в его системе магистратур возникнуть не могло. На основе анализа надписей из городов Нарбонской Галлии А. Деграсси предположил, что под кваттуорвиратом имеются в виду дуумвиры и эдилы, руководящие муниципиями [49, р. 225–226]. К тому же в эпиграфике кампанских городов кваттуорвиры фиксируются только во второй половине I в. до н.э.⁹, что засвидетельствовано, например, в Гераклеийской таблице, в которой был определен круг обязанностей магистратов, в частности, дуумвиров и кваттуорвиров¹⁰.

⁹ См. некоторые надписи: M(arcus) Porcius M(arci) f(ilius) L(ucius) Sextilius L(uci) f(ilius) Cn(aeus) Cornelius Cn(aei) f(ilius) | A(ulus) Cornelius A(uli) f(ilius) IIIIvir(i) d(e) d(ecurionum) s(ententia) f(aciundum) loca(ve)r(unt) (CIL X. 800); Cuspis T(iti) f(ilius) M(arcus) Loreius M(arci) f(ilius) | IIIIvir(i) L(ucius) Sept<i=U>m(ius) L(uci) f(ilius) | D(ecimus) Claudius D(ecimi) f(ilius) IIIIvir(i) ex | pe<c=Q>unia publica d(e) d(ecurionum) | s(ententia) f(aciundum) curaverunt (CIL X. 938); [N(umerius)] Cluvius M(ani) f(ilius) | IIIIvir | [C]audi IIvir | Nolae IIIIvir | quinquennal(is) | [C]al(ibus) de suo faciund(um) | coeravit idem restituit | Iovi O(ptimo) M(aximo) sacr(um) (CIL X. 1572); N(umerius) Cluvius M(ani) f(ilius) duumvir | Nolae IIIIvir quinq(uennalis) [C]al(ibus) | duumvir [quinquennal(is)] | <c=K>apuae macellu[m] curavit(?) (CIL X. 1573); P(ublio) Pescennio P(ubli) f(ilio) | Secundo IIIIvir(o) i(ure) d(icundo) | quod agrum Lucan(um) | recipiavit sine | i<m=N>pensa rei publicae | sen(atus) cons(ulto) (CIL X. 3917); Fal(erna) Quartus IIIIvir [.] | [.]us L(uci) f(ilius) Fal(erna) (CIL X. 3921); L(ucius) Sora(nus) L(uci) f(ilius) | L(ucius) Arrius M(arci) f(ilius) | IIIIvir(i) pr(aetores) d(e) s(enatus) s(ententia) | term(inandum) c(uraverunt) (CIL X. 3923).

¹⁰ Quicumque in municipiis colonis praefecturis foris conciliabulis civium Romanorum IIviri IIIviri erunt aliove quo nomine magistratum potestatemve suffragio eorum, qui cuiusque municipi coloniae praefecturae fori conciliabuli erunt, habebunt: ne quis eorum quem in eo municipio colonia praefectura foro conciliabulo in senatum decuriones conscriptosve legito neve sublegito neve copiato neve recitandos curato, nisi in demortui damnateive locum eiusve, qui confessus erit, se senatorem decurionem conscriptumve ibi h. l. esse non licere (T. Heracleen. 83).

Таким образом, приведенные надписи не позволяют сделать вывод о существовании в Новом Карфагене магистратуры в форме кваттуорвирата, который кампанские иммигранты принесли бы на новое место жительства вместе со своим привычным образом жизни, тем более что кваттуорвират возникает, по всей видимости, во второй половине I в. до н.э., когда появляется ряд регулирующих устройств провинциальных городов законов, таких, как *tabula Heraclensis* и *tabula Bantina*, и отмечен только в муниципиях, в связи с чем возникает вопрос о правовом статусе Нового Карфагена.

При Цезаре в Испанию выводили два типа колоний: колонии солдат и поселения колонистов-пролетариев [2, с. 288–295, 300–301]. Ветеранские колонии выводились в поддержавшие сторону Помпея в гражданской войне 49–45 гг. до н.э. города в качестве наказания [3, с. 150–151], в результате чего происходила конфискация у местной общины земель, основание на них поселений колонистов и упразднение местных городских органов власти.

Статус колонии с преобладанием пролетариев или же предоставление прав муниципия служили скорее наградой за проявленную лояльность и поддержку цезарианцев. В 46 г. до н.э. войска Гнея Помпея младшего осадили Новый Карфаген. Некоторые исследователи рассматривают это как успешный захват города и контроль над ним со стороны помпеянцев в течение 46–45 гг. до н.э., но П. Бердовски убедительно показал, что город захвачен не был, поскольку прямая информация в письменных источниках об этом отсутствует и данные археологии и нумизматики не подтверждают штурма и захвата города.

Предположение об успешной осаде Нового Карфагена строится на серии монет, которую связывают с легатами Помпея младшего [16, р. 180–183]¹¹. Наоборот, Дион Кассий сообщает, что город не собирався добровольно сдаваться, за что и был осажден¹². После победы в битве при Мунде 17 марта 45 г. до н.э. Цезарь провел лето в Новом Карфагене для отправления правосудия вместе со своим внучатим

¹¹ Л. Амела Вальверде, Л. Керчин и ряд других исследователей считают, что Новый Карфаген был взят в результате осады города и контролировался Гнеем Помпеем младшим, т.к. связывают монеты RPC I. 469 и 470, отчеканенные дуумвирами квинквенналами на монетном дворе Нового Карфагена, с Помпеем и его легатами и датируют их временем примерно конца 50-х – середины 40-х гг. I в. до н.э., хотя четких доказательств, как и вообще твердой датировки монет из Нового Карфагена, нет.

¹² Dio. XLIII. 30. 1: «Когда воины это сделали, выздоровевший Помпей переплыл на противоположный берег материка и легко, по их воле, захватил некоторые города (ведь они страдали из-за произвола властей, и немало было тех, кто надеялся на Помпея из-за славы его отца и поэтому его приветствовали). Карфаген же, не желающий сдаться, Помпей осадил» (пер. Ю.Б. Циркина).

племянником Гаем Октавием¹³. Э. Конде Герри склоняется к тому, что получение статуса колонии связано с фактом пребывания Цезаря в городе [19, р. 130–136], после которого, как предполагает Э. Руис Вальдерас, он дал городу статус колонии без выведения контингента колонистов [46, р. 9–10]. В этой связи М.К. де ла Эскосура Бальбас высказывает предположение, что Цезарь предоставил Новому Карфагену статус латинской колонии, не выводя на эти земли колонистов, а *colonia civium Romanorum* город стал только при Августе, который после окончания Кантабрийских войн 29–19 гг. до н.э. поселил своих ветеранов в Новом Карфагене [21, р. 430].

Также ряд исследователей связывают статус Нового Карфагена в качестве колонии *Urbs Iulia Nova Cartago* с архитектурным строительством при Цезаре, когда в городе были возведены форум, театр и амфитеатр, считая это признаком дарования городу статуса колонии и, в целом, преобразования его архитектурного облика на римский манер [3, с. 149; 46, р. 85].

Напротив, Х.М. Абаскаль и А. Эхеа Виванкос полагают, что город стал колонией уже в 54 г. до н.э. при Помпее, что следует из анализа проведенной в городе денежной эмиссии и перечня римских фамилий, которые во второй половине I в. до н.э. стали занимать должности местных магистратов [11, р. 32]. К их точке зрения присоединяются С.Ф. Рамальо Асенсио и Е. Руис Вальдерас, исходя из факта сооружения общественных цистерн (*lucus*) в Новом Карфагене в середине I в. до н.э., полагая проведение системы водоснабжения одной из первых задач магистратов после предоставления городу статуса колонии (в 2005 и 2007 гг. в результате археологических раскопок были обнаружены древнеримские строительные блоки с надписью *lucus*, что свидетельствует о строительстве системы водоснабжения в городе, см. [41, р. 98–99]; о связи гидротехнических сооружений с правовым статусом колонии Новый Карфаген см. [22, р. 111–115]). Схожий пример можно обнаружить в надписи из кампанского города Требула Балиенсис, упоминающей сооружение кваттуорвирами водных цистерн по решению совета

¹³ Nic. Dam. Vit. Aug. XII. 26–27: «В Карфаген Цезарь прибыл для того, чтобы к нему получили доступ люди, добивавшиеся этого. И к нему обращались очень многие: одни ради судебного разбирательства своих тяжб с кем-либо, другие по делам общественно-го значения, иные, чтобы получить от него награду за свои доблестные поступки. Кроме того, обращались к нему многие военачальники. Обращаются к Цезарю и закинфцы, на которых было подано много жалоб и которые нуждались в поддержке. Октавиан заступился за них и, поговорив откровенно и очень разумно с Цезарем, снял с них обвинения; он отпустил их домой, радостно прославляющих его и называющих его своим спасителем. С тех пор к нему стало приходить много других людей, прося покровительства, и он всех их удовлетворял...» (пер. Е.Б. Веселого).

декурионов: [M(arcus) Marius N(umeri) f(ilius) Sophus] | [M(arcus) Rufrius N(umeri)] f(ilius) Cimber | [IIIvir(i) qui]n(quennales) aquam | [adduc(endam)] lacus f(aciendos) ex | [d(ecreto) d(ecurionum)] c(uraverunt) (CIL X. 4561).

Таким образом, правовой статус Нового Карфагена точно не установлен. Факт его наличия признан исследователями, но обстоятельства и датировка остаются до сих пор нерешенными. Монументальную архитектуру и городские коммуникации можно рассматривать как общий признак повышения статуса города и предоставления ему прав римской колонии, но это могло быть сопряжено и с общим ростом урбанизации испанских городов в течение второй половины I в. до н.э. и особенно в период правления Августа [37, р. 338]. Также пребывание Цезаря в Новом Карфагене летом 45 г. до н.э. и отправление здесь правосудия не дает твердых оснований для гипотезы о даровании городу статуса колонии. На сегодняшний день имеющиеся в нашем распоряжении источники не предоставляют свидетельств, позволяющих точно определить год, в котором Новый Карфаген стал *colonia Urbs Iulia Nova Carthago*.

Самые ранние надписи, содержащие употребление слова *colonia* по отношению к Новому Карфагену, датируются 20-ми гг. до н.э. и упоминают патрона колонии¹⁴. От эпохи Августа дошло большое количество надписей с упоминанием ряда городских магистратур и декурионата, указывающих на статус Нового Карфагена в качестве колонии¹⁵. В единственной надписи упомянут квестор пропретор, отвечающий за строительство сооружений¹⁶. Аналогично в единственной дошедшей до нас надписи отмечен эдил: Maecius C(ai) f(ilius) Vetus | aug(ur) aed(ilis) murum | p(edes) LX f(aciendum) c(uravit) i(dem)q(ue) p(robavit) [10, р. 158]. Более подробно охарактеризовать права и обязанности квесторов и эдилов в рамках городской магистратуры Нового Карфагена в течение I в. до н.э. не представляется возможным, но следует обратить внимание на упоминание квинквенналов в ряде надписей.

¹⁴ P(ublio) Silio leg(ato) pro | pr(aetore) patrono | colonei(!) (CIL II. 3414); M(arco) Ag(rippae) | L(uci) f(ilio) co(n)s(uli) [III quinq(uennali?)] | patron[o] coloni] (AE 2017. 550).

¹⁵ См. некоторые из них: Regi Iubae reg[is] | Iubae filio regis | Iempsalis n(epoti) regis Cau[dae] | pronepoti regis Masinissae | pronepotis nepoti | IIvir(o) quinq(uennali) patrono | coloni (CIL II. 3417); C(aius) Pr [IIviris(?)] | L(ucius) Fabius [Ver]gilius C(ai) f(ilius) [aediles] | [tur]ris XI portam mur(um) [a fundame]nteis d(e) [s(ua) p]ecunia f(aciendum) c(uraverunt) i(dem) q(ue) p(robaverunt)] (CIL II. 3427); de] decur(ionum) sentent(ia) f(aciendum) [c(uravit?)] (CIL II. 3431).

¹⁶ inus q(uaestor) pro pr(aetore) aedem [Aesculapi] | [lacum(?)] for[n]ices cola ante aedem ex pe<c=Q>unia [s(ua) f(aciendum) c(uravit)]... (CIL II. 3421).

Квинквенналы избирались из числа бывших дуумвиров, входивших в состав *ordo decurionum*, на срок пять лет. Их функцией было обновление списка граждан колонии и проведение ценза в местном городском совете, по итогам которого они составляли *album*, т.е. список членов совета, куда были кооптированы бывшие магистраты колонии [48, р. 428–429]. В надписях эти магистраты представлены как *duumviri quinquennales* [27, р. 93–94]. Два дуумвира квинквеннала известны по семисам, эмитентом которых являются Гай Валерий Руф и Секст Юлий Пол[...] (RPC I. 167, 168). На аверсе этих монет изображен Август, а на реверсе – ковш, кисточка для окропления, боевая секира и гребешок. Монеты датируются 24 г. до н.э., а надпись на реверсе указывает на дуумвиров квинквенналов: «C VAR RVF SEX IVL POL PIVIR Q». Эти монеты были найдены в Гадесе и Картее, и традиционно считается, что они отчеканены в Новом Карфагене местными магистратами [27, р. 72–73], но Д.К. Дженкинс подверг критике это предположение. По его мнению, эти монеты не соответствуют характеру чекана на монетном дворе в Новом Карфагене, поскольку являются нетипично чистыми и правильными в сравнении с другими образцами местной монетной чеканки. Исследователь находил соответствие между этими семисами и монетами из колонии Цельсы, расположенной неподалеку от Нового Карфагена [33, р. 72–73]. Приведенные надписи и монеты датируются 20-ми гг. I в. до н.э., поэтому ввиду отсутствия источников для первой половины I в. до н.э. нельзя в полной мере утверждать существование дуумвиров квинквенналов в Новом Карфагене.

Еще одной важной должностью в системе городской магистратуры являлись префекты. Известна одна надпись неустановленной датировки из Нового Карфагена, упоминающая префекта: *pr(aefectus) Ilvir quinq(uennalis) publice | qui et vixit et cecidit r(ei) p(ublicae) c(ausa) | quanti fuerit inter suos et vivo | silia P(ubli) fili[a]* (CIL II. 3435). Должностные полномочия дуумвира префекта определены были только Цезарем в *lex Rubriade Gallia Cisalpina*¹⁷ [20, р. 426], датированным периодом между 49 и 42 гг. до н.э., по которому жителям Цизальпийской Галлии были предоставлены права римского гражданства. Сама должность впервые упомянута в качестве замещающего магистрата лица в *lex Osca Tabulae Bantinae*¹⁸ в период перед началом Союзнической войны 91–88 гг. до н.э. [38, р. 509–510]. Эта же должность отмечена и в надписи из Гадеса:

¹⁷ См., например: *qua de re operis novi nuntiationem Ilvir IIIvir praefectusve eius municipi non remisit* (L. Rub. d. G. C. 4).

¹⁸ *Praetor sive praefectus post hac Bantiae erit...* (Bantin. 5).

L(ucius) Fabius L(uci) f(ilius) | Gal(eria) Rufinus | Ilvir praef(ectus) | iur(e) dic(undo) ab | decurionibus | creatus d(ecreto) d(ecurionum) (CIL II. 1731), датированной после 49 г. до н.э. – времени предоставления жителям Гадеса прав римского гражданства (о дискуссии по вопросу предоставления Гадесу статуса колонии или муниципия см. [2, с. 310; 17, р. 235; 23, р. 64, 409; 25, р. 136–144]).

Praefectus iuri dicundo, упомянутый в последней надписи, в случае замещения дуумвира отправлял правосудие в колонии и управлял ей. М. Кроуфорд считает префектов «эффективным конституционным механизмом», который по своему содержанию близок к институту интеррекса [20, р. 425–426]. Упоминание в надписи: pr(aefectus) Ilvir quinq(uennalis)... (CIL II. 3435) должности префекта позволяет отнести его к системе городского управления Нового Карфагена. Но время возникновения должности префекта точно определить нельзя, можно только отметить, что он появляется во второй половине I в. до н.э.

Говоря об обязанностях дуумвиров, в первую очередь необходимо обратить внимание на две надписи¹⁹, которые содержат сведения о строительстве дуумвирами Марком Кальпурнием Бибулом и Гнеем Корнелием Луци стен вокруг города по решению совета декурионов. Еще ряд надписей содержит предписание декурионата магистратам построить общественные здания, поручение по строительству которых дано одновременно дуумвирам, эдилам и авгуру квинквенналу²⁰. Дополнительно к этому одна надпись сообщает, что государственные здания строились по решению местного городского совета с имущественной ответственностью возглавляющих город магистратов²¹. Приведенные надписи демонстрируют реализацию норм локального права в Новом Карфагене, причем такая практика была широко распространена и в других римских колониях.

Типичным примером реализации этих норм в колониях римского права является закон 105 г. до н.э. города Путеолы в Кампании. В тексте закона изложена структура управления городом и функции государственных органов власти. Согласно уставу Путеолы, колонией руководили

¹⁹ M(arcus) Cal[purnius] 3] | Bibulu[s mur(um) long(um) p(edes) 3] | faciu[n]dum coeravit i(dem)q(ue) p(robavit)] (CIL II. 3422); Cn(aeus) Cornelius | L(uci) f(ilius) Gal(eria) Cinna | Ilvir | murum long(um) p(edes) CII | ex d(ecreto) d(ecurionum) f(aciendum) c(uravit) i(dem)q(ue) p(robavit) (CIL II. 3425).

²⁰ M(arcus) Cornelius M(arci) f(ilius) | Gal(eria) Marcellus aug(ur) | quinq(uennalis) murum a porta | Popilia ad turr<e=I>m | proximam ped(es) CXLVI et | ultra turr(em) p(edes) XI d(ecreto) d(ecurionum) f(aciendum) c(uravit) i(dem)q(ue) p(robavit) (CIL II. 3426); C(aius) Pr Ilvir(?) | L(ucius) Fabius Ver[gilius] C(ai) f(ilius) [aediles] | [tur]ris XI portam mur(um) [a fundame]nteis d(e) [s(ua) p(ecunia) f(aciendum) c(uraverunt) i(dem)q(ue) p(robaverunt) (CIL II. 3427).

²¹ a re p(ublica) d(ecreto) d(ecurionum) | s(ua) p(ecunia) d(edit) (CIL II. 3432).

два высших магистрата – дуумвиры, избиравшиеся сроком на один год. Круг их обязанностей был довольно широк и включал строительство и ремонт общественных сооружений, финансовый контроль в этой сфере, прием выполненных работ по общественному благоустройству и т.д.²² В свою очередь, деятельность дуумвиров контролировал местный сенат, состоящий из бывших местных магистратов. Они принимали решение о качестве выполненных работ, выявляли финансовые нарушения в ходе строительства, причем правомочным могло считаться только коллективное решение не менее 2/3 членов местного сената (L. Libitin. Puteolana. II), т.е. наличие кворума было обязательным условием реализации норм локального права в колониях [8, с. 179].

Текст закона ПUTEОЛ также содержит нормы частного права, такие как заключение договора подряда на выполнение строительства, перечисление условий его выполнения, состав материалов, размер сооружений и прочее, а также санкции за нарушение условий договора. Хотя они и не обозначены напрямую, замечает А.В. Юдин, это следует явным образом из заключительной части источника о поручении имуществом в размере 1500 сестерциев с каждого из подрядчиков²³ [8, с. 178]. Аналогичные нормы прослеживаются в надписях Нового Карфагена – финансовых отчетах магистратов (CIL II. 3421–3427)²⁴, но в них не упомянута сумма поручительства магистратов.

²² Quot cuiq(ue) ex is rebus qui h(ac) l(ege) utiq(ue) praeber(e) o(portebit) praeberi uolet, denuntiat(o) denuntiat(um)ue cura to manc(ipi) ejus public(o) socioue ejus eiue ad q(uem) e(a) r(es) q(ua) d(e) a(gitur) p(ertinet) aut s(i) is praesens non erit ad eum loc(um) | quem libitinae exsercend(ae) gratia conduct(um) constitut(um)ue habeb(it), quo die quoq(ue) loc(o) quam | quem r(em) ei praeberi uolet; et ita denuntiat(um) erit tum is manc(eps) sociusue ejus isue ad q(uem) e(a) r(es) q(ua) d(e) a(gitur) pertinet, ei qui primum denuntiauer(it) et deinceps reliquis ut quisq(ue) denuntiauer(it), nisi si funus decurion(is) funusue aceruom denuntiat(um) erit cui prima curand(a) erint, reliquor(um) autem fu nerum ordo seruand(us) omnesq(ue) res quae ex h(ac) l(ege) praestand(ae) erunt mitter(e) praeber(e) quae praeb(endae) erunt. Suspendiosum cum denuntiat(um) erit ead horad is soluend(um) tollend(um) curato; item seruom seruamue si ante h(oram) X diei denuntiat(um) erit ead die tollend(um) curato, si post X, poster(a) d(ie) a(n)te h(oram) II (L. Libitin. Puteolana. II).

²³ Si [aduversu l(egem)] manc(eps) sociusue ejus isue ad q(uem) e(a) r(es) q(ua) d(e) a(gitur) p(ertinet) fecerit itaue qui [non fecerit] | [ea praescrip]ta ab eo capite comprehens(a) tum is in res sing(ulas) in aerar(ium) co[lon]iae] | [--- multam inf]erre debeto HS C n(ummum) earumq(ue) multarum magistratum pign[eris] | [captio exacti]oq(ue) esto (L. Libitin. Puteolana. III).

²⁴ inus q(uaestor) pro pr(aetore) aedem [Aesculapi] | [lacum(?) for]nices cola ante aedem ex pe<c=Q>unia [s(ua) f(aciendum) c(uravit)] | MM[.]FIO | PAV[3]MENTA[1]O | VNIA[.]A ICA (CIL II. 3421); M(arcus) Cal[purnius 3] | Bibulu[s mur(um) long(um) p(edes)] | faciun[dum] coeravit i(dem)q(ue) p(robavit)] (CIL II. 3422); L(ucius) Aemilius M(arcus) f(ilius) M(arcus) nep(os) Quir(ina) Rectus domo Roma | qui et Carthaginensis et Sicellitan(us) et Assotan(us) et Lacedaemon(ius) | et Argivus et Bastetanus scrib(a) quaestorius scrib(a) aedilicius civis | adlectus ob honorem aedilitatis hoc opus testamento suo fieri iussit (CIL II. 3423); L(ucius) Aemilius M(arcus) f(ilius) M(arcus) nepos Quir(ina) Rectus | domo Roma qui et Carthag(inensis) et Sicellitanus | et [A]ss[ot]an(us) et Laced[ae]monius et Argiv(us) et Ba[s]titanus | et scriba

Таким образом, о системе городского управления Нового Карфагена не дошло ни одного сведения от конца III и II вв. до н.э., а первые надписи с упоминанием магистратов датируются 80-ми гг. I в. до н.э., но в них не обозначена форма магистратуры, в которой магистраты осуществляли управление городом, – кваттуорвират или дуумвират. Определение правового статуса Нового Карфагена также вызывает сложность, и однозначно установить дату предоставления статуса колонии нельзя. В этом вопросе имеются две основные тенденции: фактом получения статуса колонии некоторые исследователи считают урбанизацию города – строительство общественных зданий, системы водоснабжения и форума [11, р. 32; 22, р. 111–115; 41, р. 98–99], а другая часть ученых полагает приобретение городом статуса колонии после победы Цезаря в битве при Мунде, когда он провел лето 45 г. до н.э. в Новом Карфагене, отправляя правосудие [3, с. 149; 19, р. 130–136; 46, р. 85]. Однозначно согласиться ни с одной из гипотез нельзя, поскольку отсутствуют прямые источниковые сведения о статусе Нового Карфагена, а первые подтверждающие его колониальный статус надписи датируются только временем Августа. Став колонией, по всей видимости, в период правления Августа, Новый Карфаген получил название *Colonia Urbs Iulia Nova Carthago*.

Магистратура в Новом Карфагене отправлялась в форме дуумвирата – ординарной городской магистратуры, воспроизводящей модель управления римской *civitas*. В обязанности дуумвиров входило управление общественной собственностью колонии (например, строительство и ремонт зданий или сооружений), за что они несли имущественную ответственность, а также организация раз в пять лет ценз местного городского совета – декурионата, получая в надписях название дуумвиров квинквенналов. Также в эпиграфике встречается префект – замещающее дуумвира лицо в случаях его отсутствия в городе, права и обязанности префекта были определены в Гераклеийской таблице и законе Рубрия для Цизальпийской Галлии.

quaestorius scribe aedilicius civis | adlectus ob honorem aedilitatis concordiae | decurionum testamento suo fieri iussit | L(ucius) Aemilius Senex heres sine deductione | XX (vicesimae) vel tributum ex CCL libris argenti fecit (CIL II. 3424); Cn(aeus) Cornelius | L(uci) f(ilius) Gal(eria) Cinna | Ilvir | murum long(um) p(edes) CII | ex d(ecreto) d(ecurionum) f(aciendum) c(uravit) i(dem)q(ue) p(robavit) (CIL II. 3425); M(arcus) Cornelius M(arci) f(ilius) | Gal(eria) Marcellus aug(ur) | quinq(uennalis) murum a porta | Popilia ad turr(e)=I>m | proximam ped(es) CXLVI et | ultra turr(em) p(edes) XI d(ecreto) d(ecurionum) f(aciendum) c(uravit) i(dem)q(ue) p(robavit) (CIL II. 3426); C(aius) Pr[Ilviris(?)] | L(ucius) Fabius [3 Ver]gilius C(ai) f(ilius) [aediles] | [tur]ris XI portam mur(um) [a fundame]nteis d(e) [s(ua) p(ecunia) f(aciendum) c(uraverunt) i(dem)q(ue) p(robaverunt) (CIL II. 3427).

В результате, городская система управления колонии Новый Карфаген развивалась в рамках общего направления романизации испанских провинций и распространения римской модели городского управления, когда при предоставлении городу статуса в рамках римского права в нем создавались римские городские магистратуры для управления местным обществом. В этом случае городскую систему Colonia Urbs Iulia Nova Carthago можно рассматривать как типичный пример реализации римского городского управления и римского локального права на территории испанских провинций.

Библиографический список / References

1. Дементьева В.В. Римский республиканский проквестор: определение понятия // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 5–10. [Dementieva V.V. Roman Republican proquestor: Definition of the concept. *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2014. No. 4. Pp. 5–10. (In Rus.)]
2. Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1976. [Utchenko S.L. Yulij Cezar [Julius Caesar]. Moscow, 1976.]
3. Циркин Ю.Б. Римская колония Новый Карфаген // Вестник Древней истории. 1981. № 4. С. 145–152. [Tsirkin Yu. B. Roman colony of New Carthage. *Vestnik Drevney istorii*. 1981. No. 4. Pp. 145–152. (In Rus.)]
4. Циркин Ю.Б. Римская колонизация в Испании // Античный полис: проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества / отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб., 1995. С. 122–134. [Tsirkin Yu.B. Roman colonization in Spain. E.D. Frolov (ed.). St. Petersburg, 1995. Pp. 122–134. (In Rus.)]
5. Циркин Ю.Б. Древняя Испания. СПб., 2000. [Cirkin Yu.B. Drevnyaya Ispaniya [Ancient Spain]. St. Petersburg, 2000.]
6. Юдин А.В. Цели основания римских колоний в 199–192 гг. до н.э. // Античный вестник: сборник научных трудов / под ред. А.А. Елагиной. Омск, 2002. Вып. VI. С. 82–90. [Yudin A.V. The goals of the founding of the Roman colonies in 199–192 BC. *Antichniy vestnik*. A.A. Elagina (ed.). Omsk, 2002. Issue VI. Pp. 82–90. (In Rus.)]
7. Юдин А.В. Названия римских колоний V–II вв. до н.э. // В поисках древности: история древности и археология. Труды II и III межвузовских конференций молодых ученых памяти профессора В.Ф. Семенова / сост. С.В. Литвиненко, А.Б. Давыдова. М., 2005. С. 236–243. [Yudin A.V. The names of the Roman colonies of the V–II centuries BC. *V poiskah drevnosti: istoriya drevnosti i arheologiya. Trudy II i III mezhvuzovskih konferentsiy molodykh uchenykh pamyati professora V.F. Semenova* S.V. Litvinenko, A.B. Davydov (eds.). Moscow, 2005. Pp. 236–243. (In Rus.)]
8. Юдин А.В. Lex operum Puteolana как источник по истории развития римского права в колонии римских граждан эпохи Поздней Республики // В поисках древности / сост. С.В. Литвиненко, А.Б. Давыдова. М.,

2006. Вып. 2. С. 176–185. [Yudin A.V. Lex operum Puteolana as a source on the history of the development of Roman law in the colony of Roman citizens of the Late Republic era. *V poiskakh drevnosti*. S.V. Litvinenko, A.B. Davydov (eds.), Moscow, 2006. Issue 2. Pp. 176–185. (In Rus.)]
9. Abascal Palazón J.M. La temprana epigrafía latina de Carthago Nova. *Roma y el nacimiento de la cultura epigráfica en occidente*. F. Beltrán Lloris (ed.). 1995. Pp. 139–149.
10. Abascal Palazón J.M., Ramallo Asensio S.F. La ciudad de Carthago Nova: la documentación epigráfica. 1997. Vol. 1.
11. Abascal Palazón J.M. La fecha de la promoción colonial de Carthago Nova y sus repercusiones edilicias. *Revista del Museo Arqueológico Municipal de Cartagena*. 2002. No. 1. Pp. 21–44.
12. Alföldy G. Tarraco. *Fòrum. Temes d'història i d'arqueologia tarragonines*. 1991. Vol. 8. Pp. 7–91.
13. Amela Valverde L. Tarraco Tardorepublicana. *Hispania antiqua*. 2015. No. 39. Pp. 47–70.
14. Amela Valverde L. Las colonias “Cesarianas” del mediodía Peninsular. Una síntesis. *Hispania antiqua*. 2016. No. 40. Pp. 85–117.
15. Arrayas Morales I. Tarraco, capital provincial. *Gerión*. 2004. No. 22–1. Pp. 291–303.
16. Berdowski P. Was Carthago Nova captured by Gnaeus Pompeius in 46 B.C.E. and Sextus Pompeius in 44 B.C.E. *Aevum*. 2019. No. 93. Pp. 175–190.
17. Bernal Casasola D. Gades. *Ciudades Romanas de Hispania II*. Cities of Roman Hispania II. Roma–Bristol, 2022. Pp. 227–240.
18. Cedric Y. The founding and function of Roman colonies. *The Classical World*. 1959. Vol. 52. No. 4. Pp. 104–107.
19. Conde Guerri E. La ciudad de Carthago Nova: La documentación literaria (Inicios-Julioclaudios). Murcia, 2003.
20. Crawford M.H. Roman towns and Their Charters: Legislation and experience. *Social complexity and the development of Towns in Iberia, from the Copper Age to the Second Century AD*. B. Cunliffe, S. Keay (eds.). Oxford, 1995. Pp. 421–430.
21. De la Escosura Balbás M.C. Epigrafía y onomástica en la colonia latina de Carthago Nova. *Revista de Historia Antigua*. 2018. No. 36 (2). Pp. 427–462. DOI: 10.5209/GERI.61888
22. Egea Vivancos A. Ingeniería hidráulica en Carthago Nova: Las cisternas. *Mastia*. 2003. No. 2. Pp. 109–127.
23. Fernández Camacho P. La imagen de Cádiz en los textos griegos y latinos: Un análisis filológico-literario. Tesis doctoral. Universidad de Cádiz, 2012.
24. Fernández Rodríguez D. La toma de Carthago Nova por Publio Cornelio Escipión: ¿leyenda o realidad? *POLIS. Revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad Clásica*. 2005. No. 17. Pp. 31–72.
25. Francisco J., Neila R. El municipio romano de Gades. Cádiz, 1980.
26. Gasco J. Reviewed: Galsterer H. Untersuchungen zum römischen Städtewesen auf der Iberischen Halbinsel. *Latomus*. 1975. T. 34. No. 3. Pp. 807–811.
27. Gozalbes García H. La moneda provincial Hispana de Valeria depositada en el Museo de cuenca. *Palaeohispanica*. 2018. No. 18. Pp. 73–104.
28. Hispania Epigraphica. 1997. Vol. 7 (2001).

29. Hispania Epigraphica. 2008. Vol. 17 (2011).
30. Hispania Epigraphica. 2010. Vol. 19 (2013).
31. Hispania Epigraphica. 2011. Vol. 20 (2014).
32. Hübner E. Römische Herrschaft in Westeuropa. Berlín, 1890.
33. Jenkins G.K. Carthago Nova or Ilici? *Museum Notes (American Numismatic Society)*. 1958. Vol. 8. Pp. 71–74.
34. L'Année épigraphique. 2017. (2020).
35. MacKendrick P.L. Roman Colonization. *Phoenix*. 1952. Vol. 6. No. 4. Pp. 139–146.
36. Martín Moreno R., Hernández Prieto E. Iberos de Qart Hadasht: cives novae Carthaginis. *El oriente de occidente: fenicios y púnicos en el área Ibérica. VIII edición del coloquio internacional del CEFYP en Alicante*. F. Prados Martínez, F. Sala Sellés (eds.). 2017. Pp. 609–624.
37. Martínez Mera J. Consideraciones sobre la actuación política de César en Hispania. *Gallaecia: revista de arqueología e antigüidade*. 1999. No. 18. Pp. 327–345.
38. Melchor Gil E., Torres-González V.A. Los praefecti “municipales” a la luz de la documentación conservada en la Hispania romana: reflexiones y principales testimonios sobre una promagistratura cívica. *Gerión*. 2018. No. 36 (2). Pp. 507–535.
39. Noguera Celdrán J.M., Madrid Balanza M.J. Carthago Nova: fases e hitos de monumentalización urbana y arquitectónica (siglos III AC – III DC). *Espacio, Tiempo y Forma*. 2014. No. 7. Pp. 13–60.
40. Noguera Celdrán J.M. Carthago Nova. *Ciudades Romanas de Hispania. Cities of Roman Hispania*. 2021. Pp. 351–364.
41. Ramallo Asensio S.F., Ruiz Valderas E. Carthago de Hispania, emporio comercial del Mediterráneo occidental. *Simulacra Romae II. Rome, les capitales de province (capita prouinciarum) et la création d'un espace commun européen. Une approche archéologique*. R. González Villares, J. Ruiz de Arbulo (eds.). 2010. Pp. 95–110.
42. Rickman G.E. Roman cities in Spain. Reviewed: Galsterer H. Untersuchungen zum römischen Städtewesen auf der Iberischen Halbinsel. *The Classical Review*. 1974. Vol. 24. No. 2. Pp. 276–278.
43. Roman Provincial Coinage. URL: <https://rpc.ashmus.ox.ac.uk> (date accessed: 14.03.2025).
44. Ruiz de Arbulo Bayona J. Tarraco, Carthago Nova y el problema de la capitalidad en la Hispania citerior republicana. *Miscel·lània arqueològica a Josep M. Recasens*. Tarragona, 1992. Pp. 115–130.
45. Ruiz de Arbulo Bayona J. Tarraco capital de conventus y de la provincia Hispania citerior. Una aproximación a sus funciones y a su urbanismo público como modelo escenográfico en relación con las ciudades romanas valencianas. *Ciudades Romanas Valencianas*. M.H. Olcina Domènech (ed.). 2013. Pp. 32–53.
46. Ruiz Valderas E. Cartagena – Colonia Urbs Iulia Nova Carthago. Roma, 2017.
47. Soler Huertas B., Noguera Celdrán J.M. Urban development and monumentalisation in the Roman colony Urbs Iulia Nova Karthago (Cartagena, Hispania Citerior). *Roma y las provincias: modelo y difusión*. 2011. Vol. II. Pp. 1095–1105.

48. Torres González V.A. Los duunviros quinquenales de la Hispania romana: reflexiones sobre los testimonios de los magistrados locales. *Le strutture locali dell'Occidente romano. Atti del I Seminario Italo-Spagnolo Diuturna Civitas (L'Aquila, 4–6 maggio 2022)*. A cura di E. García Fernández, E. Melchor Gil, S. Sisan. Roma, 2023. Pp. 427–450.
49. Zovatto P.L. Rec.: Degrassi A. Quattuorviri in colonie romane e in municipi retti da duoviri. *Accademia nazionale dei Lincei*. 1950. No. 2. Pp. 225–226.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025, принята к публикации 01.05.2025

The article was received on 18.03.2025, accepted for publication 01.05.2025

Сведения об авторе / About the author

Левин Никита Игоревич – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова; ассистент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Nikita I. Levin – postgraduate student at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages; assistant lecturer at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Moscow

E-mail: n.i.levin98@gmail.com

С.С. Сингх¹, В.П. Константинов²

¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
115191 г. Москва, Российская Федерация

² Независимый исследователь,
299001 г. Севастополь, Российская Федерация

Потерянный пиратский кодекс конца XVII в.: статьи соглашения и фундаментальные принципы организации банды Генри Эвери

В данном исследовании впервые переведены и вводятся в научный оборот статьи соглашения, регламентировавшего жизнь команды морских разбойников, возглавляемых легендарным пиратом Генри Эвери. Кодекс Эвери был опубликован в книге лондонского издателя Эдварда Мидвинтера «История и жизнь самых знаменитых пиратов и их команд...» (1725), но до сих пор не привлекал внимания исследователей. В качестве необходимого контекста охарактеризован ряд других пиратских кодексов, получивших большую популярность благодаря книге капитана Чарльза Джонсона «Всеобщая история пиратов» (1724). Анализ пиратского кодекса Генри Эвери, а также его сопоставление с наиболее близким к нему по тексту кодексом Бартоломью Робертса, показал, что кодекс Эвери куда более соответствует реалиям той эпохи (в т.ч. зафиксированным в судебных материалах), нежели известный широкому кругу исследователей кодекс Робертса. Можно утверждать, что кодекс Генри Эвери, по всей видимости, действительно был составлен после мятежа на корабле «Карл II» и, благодаря частым контактам между пиратскими командами, мог стать образцом для ряда кодексов морских разбойников в начале XVIII в.

Ключевые слова: пиратский кодекс, пират Генри Эвери, капитан Чарльз Джонсон, «Всеобщая история пиратов», Эдвард Мидвинтер, Золотой век пиратства

Благодарности. Авторы выражают признательность А.А. Щеголяеву, Т.М. Гусевой и И.Д. Наумову за помощь в подготовке этой статьи.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сингх С.С., В.П. Константинов В.П. Потерянный пиратский кодекс конца XVII в.: статьи соглашения и фундаментальные принципы организации банды Генри Эвери // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 89–107. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-89-107

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-89-107

S.S. Singh¹, V.P. Konstantinov²

¹ Saint Tikhon's Orthodox University,
Moscow, 115191, Russian Federation

² Independent researcher,
Sevastopol, 299001, Russian Federation

The lost pirate code of the late 17th century: Articles of agreement and fundamental principles of Henry Every's Gang

In this research, for the first time, the articles of the agreement regulating the life of a crew of sea robbers led by the legendary pirate Henry Every are translated and introduced into scientific circulation. The Every Codex was published in the book "The History and Lives of all the most Notorious Pirates, and their Crews" by the London publisher Edward Midwinter (1725), but it has not attracted the attention of researchers so far. A number of other pirate codes are described as a necessary context, which became very popular thanks to Captain Charles Johnson's book "A General History of Pirates" (1724). An analysis of the Henry Every pirate code, as well as its comparison with the Bartholomew Roberts code, which is closest to it in text, has shown that the Every code is much more consistent with the realities of that era (including those recorded in court materials) than the Roberts code known to a wide range of researchers. The results of the study suggest

that the Henry Every code, apparently, was indeed compiled after the mutiny on the ship “Charles II” and, due to frequent contacts between pirate crews, it could become a model for a number of codes of sea robbers at the beginning of the 18th century.

Key words: pirate code, pirate Henry Every, Captain Charles Johnson, A General History of the Pirates, Edward Midwinter, the Golden Age of Piracy

Acknowledgments. The authors express their gratitude to A.A. Shchegolyaev, T.M. Guseva, and I.D. Naumov for their assistance in preparing the article.

FOR CITATION: Singh S.S., Konstantinov V.P. The lost pirate code of the late 17th century: Articles of agreement and fundamental principles of Henry Every's Gang. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 89–107. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-89-107

Необходимость упорядочить внутреннюю жизнь корабля и команды, очевидно, возникла тогда же, когда возникло и само мореплавание. Издавна существовали многочисленные нормативно-правовые акты, на основании которых выстраивалась работа и быт моряков [12, с. 179]. Не были исключением и экипажи пиратских кораблей. Жизнь команды регламентировалась четкими правилами (включающими также меры ответственности за их нарушение [10, с. 56]), которые кодифицировались и фиксировались письменно в т.н. «конституциях», или «пиратских кодексах».

Важно отметить, что подобные нормативно-правовые акты не имели единого названия: их попеременно называли «пиратским сводом правил», «параграфами ассоциации», «кодексом братства» или «кодексом побережья» [1, с. 206]. Поэтому, чтобы упорядочить терминологию, мы будем использовать название «пиратский кодекс» для любого свода правил, а термином «статья» обозначать отдельные элементы, пункты и положения рассматриваемых кодексов.

В данной статье впервые в отечественной историографии переведен и введен в научный оборот пиратский кодекс легендарного морского разбойника конца XVII в. Генри Эвери.

Как писал один из первых историков пиратства капитан Чарльз Джонсон, пираты создавали кодексы для укрепления своего сообщества и «установления полного взаимопонимания»¹. Считая кодекс залогом взаимной безопасности, пираты верили, что соблюдать его «в общих интересах, если иметь желание сохранить единство столь отвратительного сообщества»².

¹ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 297.

² Там же.

Каждая команда разрабатывала свой собственный свод правил, однако пиратские кодексы демонстрировали сильное сходство [10, с. 57; 23, с. 261]. Это объясняется тем, что частое взаимодействие между командами пиратов приводило к взаимному обмену информацией, способствовавшей структурной общности документов [10, с. 58]. По подсчетам М. Редикера, более 70% англо-американских пиратов, действовавших в период между 1716 и 1726 гг., могли быть связаны с одним из трех пиратских капитанов: Бенджамином Хорниголдом, Джорджем Лоутером или Эдвардом Лоу [16, с. 267]. Таким образом, в той мере, в какой пиратский кодекс являлся профессиональным сводом правил, он возник в результате взаимодействия и обмена информацией между пиратами [10, с. 58].

Важно также подчеркнуть, что кодекс составляли на собрании команды и закрепляли в нем фундаментальные пиратские принципы [1, с. 207], главными из которых являлись прозрачная и гибкая система оплаты, справедливый дележ добычи, правила поведения во время боя, наказания за трусость и дезертирство, недопущение конфликтов, жульничества и воровства внутри сообщества.

При включении новых статей в кодексы обязательно требовалось их единогласное одобрение членами пиратской команды [10, с. 58]. Но как показывала практика, пираты обычно правили лишь второстепенные тактические статьи кодекса (мера наказания, степень участия каждого в ходе боя), оставляя без изменений основные положения (дележ добычи, утвержденную систему оплаты и пр.). Закрепляя принятие статей, пираты нередко клялись на Библии [Там же], но иногда приносили присягу и «положив руку на боевой топор из-за отсутствия Библии», как это было в банде капитана Джона Филипса³. В свою очередь, в шайке Робертса при вступлении в братство новичкам «подносили на блюде пистолет и текст устава, заставляя подписывать его и тем самым отказываться от честного образа жизни»⁴. При этом статус насильственно рекрутированных моряков на пиратских кораблях был разным. Некоторых заставляли подписать пиратские кодексы, других не принуждали к этому, но тогда они не имели права голоса в делах компании [10, с. 76; 24, с. 79–81]. Данное положение, прежде всего, касалось музыкантов. В ходе судебного слушания по делу команды Робертса «суд посчитал, что применение принуждения очевидно, если речь идет о музыкантах, набираемых насильно»⁵.

³ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 489.

⁴ Там же. С. 374.

⁵ Там же. С. 377.

Спорным, по нашему мнению, является утверждение британского исследователя С.К. Альенде, что «большинство кодексов представляли собой устные договоренности, потому что, записанный на бумаге, он становился железным доказательством принадлежности к пиратскому братству, а этого было достаточно, чтобы оказаться на виселице» [1, с. 207]. Данное ошибочное суждение, на наш взгляд, вытекает из неверного понимания текста Ч. Джонсона, неоднократно утверждавшего в своей книге об устном пересказе статей договора, «поскольку подписанный и заверенный клятвами оригинал был выброшен за борт, об остальном содержании документа можно только гадать, и вполне возможно, что там имелись статьи, настолько ужасные, что их можно было раскрыть только тем, кто соглашался их соблюдать»⁶. Другими словами, устный пересказ статей кодекса никак не свидетельствует о том, что большинство кодексов представляли собой устные договоренности. Дабы избавиться от столь очевидной улики и не попасть на виселицу, пираты действительно старались избавляться от подписанных и заверенных клятвами оригиналов, но делали это в экстренных случаях и под давлением обстоятельств. При этом кодекс не переставал быть записанным на бумаге, иначе вовсе бы нивелировались задокументированные случаи принуждения к подписанию кодексов насильственно рекрутированных моряков.

Важно также отметить, что «в случае возникновения сомнений, касающихся отдельных статей договора, или же в связи с их нарушением кем-либо создавалось особое жюри для разъяснения смысла статей и вынесения решения в случае тех или иных разногласий»⁷.

Когда несколько пиратских кораблей объединялись для проведения совместной экспедиции, они создавали общее соглашение, устанавливающее условия их партнерства [10, с. 58], как, например, в командах Джорджа Лоутера и Эдварда Лоу, где «в результате был составлен и подписан договор, причем без предъявления взаимных полномочий и соблюдения ненужных формальностей»⁸. В зависимости от количества участников пираты могли выбрать себе commodore и старались даже закрепить вновь образованный союз неким подобием «слова чести»⁹, если такой фразеологизм вообще применим к пиратским сообществам. Капитан Чарльз Джонсон приводит достаточно примеров, что на практике такие союзы были недолговечными по причине своенравия,

⁶ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 300.

⁷ Там же.

⁸ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 454.

⁹ Там же. С. 243.

неуживчивости, а то и вовсе корыстного предательства лидеров пиратских банд¹⁰.

В общем, при всей неоднозначности сопутствующих обстоятельств, пиратский кодекс оставался гибким и изменчивым, но, в то же время, жестким и непримиримым. Это была система, открытая переменам, но одновременно и стабильная. Он обеспечивал порядок среди хаоса, навязывал правила непокорным и заставлял верить колеблющихся [1, с. 208].

Благодаря капитану Джонсону в распоряжении исследователей оказалось несколько документов, содержащих сведения о правилах, которыми руководствовались пираты при создании своих преступных сообществ. «Это “законы”, принятые в группах Бартоломео Робертса (1719), Джорджа Лоутера (1721) и Джона Филипса (1723), и упоминание о подписании устава группой капитана Уорли. Они позволяют очертить контуры социального устройства пиратских групп и, вместе с тем, ощутить нравственный подтекст противоречивых коллизий, сопровождавших корабельную жизнь», – отмечал российский историк Д.Н. Копелев [8, с. 448].

Похожего представления о трех пиратских соглашениях, ставших доступными историкам благодаря книге Джонсона, но с поправкой на имя знаменитого английского писателя Даниеля Дефо (якобы принявшего псевдоним капитана Чарльза Джонсона), придерживался и американский историк Ж.Л. Рогожинский: «“Общая история” Даниеля Дефо приводит положения законов Бартоломео Робертса (1719), Джорджа Лоутера (1721) и Джона Филипса (1723). Известны также законы Едварда (так в тексте. – *Авт.*) Лоу (1722). По этим законам преступлениями считались драка, дезертирство, трусость, жульничество в игре, небрежность в обращении с огнем, взятие на борт женщин и мальчиков» [12, с. 180].

Удачное объяснение такому пониманию количества доступных кодексов можно найти в трудах профессора экономики П.Т. Лисона: «Есть два бесспорных “короля” первоисточников, относящихся к пиратству. Первый – “Всеобщая история пиратов” капитана Ч. Джонсона, опубликованная в двух томах: первый – в 1724 г., второй – в 1728 г. Вторым важным источником является книга “Пираты Америки” А. Эксквемелина, впервые опубликованная на голландском языке в 1678 г. и переведенная на английский в 1684 г.» [10, с. 193]. Книга А.О. Эксквемелина «Пираты Америки», посвященная событиям XVII в., не является

¹⁰ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 66, 243–244, 444.

предметом данного исследования, поэтому обратим внимание на первое «короля первоисточников».

«Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами, а также их нравы, порядки и управление с самого их начала и появления на острове Провиденс в 1717 г. и до сего 1724 года»¹¹ капитана Чарльза Джонсона впервые вышла в мае 1724 г. в лондонском издательстве Ч. Ривингтона. По словам Д. Кордингли, она была небольшая, форматом всего в 1/8 листа (*octavo*, или «восьмушка»), имела простой кожаный переплет и выглядела довольно скромно по сравнению с Библиями и сочинениями на религиозную тему, украшенными роскошными переплетами и преобладавшими на полках магазина¹². В реестре лондонской “Stationers’ Company” («Почтенная компания торговцев канцелярскими принадлежностями и изготовителей газет»), обладавшей монопольным правом на регистрацию в Англии авторских прав на печатную продукцию, в записи от 24 июня 1724 г. клерком Дж. Волфом были зарегистрированы авторские права журналиста Н. Миста на книгу капитана Чарльза Джонсона [15, с. 21–38]. В ней содержались биографии пиратских капитанов, чьи имена были у всех на слуху, а их происхождения относились к тогда еще совсем недавнему прошлому¹³.

В августе 1724 г. лондонский издатель Т. Уорнер выпустил второе издание книги капитана Чарльза Джонсона, исправленное и дополненное «жизнеописаниями» капитана Джона Филиппса и капитана Фрэнсиса Сприггса. В 1725 г. тем же издателем было выпущено третье издание, куда Чарльз Джонсон включил биографию капитана Смита, он же Джон Гоу. И, наконец, в 1728 г. в типографии лондонского издателя Т. Вудворда капитан Чарльз Джонсон опубликовал второй том “The History of the Pyrates”¹⁴, где излагалась довольно сложная и лишенная хронологической последовательности реконструкция рейсов европейских пиратов к Мадагаскару и в Индийский океан [12, с. 92]. К сожалению, во втором томе не обошлось без вымышленных историй и надуманных «жизнеописаний» отдельных пиратов, в частности, французского капитана Оливье Миссона, капитана Льюиса, ирландского пирата Джона Корнелиуса, а рассказы о Томасе Тью и прочие мадагаскарские эпизоды, хоть и были основаны на исторических фактах, но сильно

¹¹ A General History of the Robberies and Murders of the most notorious Pyrates, and also Their Policies, Discipline and Government, From their first Rise and Settlement in the Island of Providence, in 1717, to the present Year 1724. L., 1724.

¹² Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 10.

¹³ Дефо Д. Всеобщая история пиратства. СПб., 2009. С. 5.

¹⁴ В то время слово *pirates* писалось не через *i*, а через *y* (*pyrates*).

приукрашены, в т.ч. и вымышленными диалогами с вождями туземцев [12, с. 92–93].

В историографии можно встретить утверждения отдельных специалистов о том, что расширенное двухтомное издание было выпущено в 1726 г.¹⁵ Такая точка зрения ошибочна. Несмотря на то, что на титульной странице второго тома не был указан год публикации, тем не менее в разделе приложений (Appendix), где содержались материалы, дополняющие информацию первого тома, было опубликовано письмо, адресованное автору Дж. Эвансом о пирате Джоне Мартеле и датированное 2 февраля 1728 г.¹⁶

В начале XVIII в. газеты каждый день приносили новые известия о пиратских набегах и попытках властей противостоять растущей угрозе. Достаточно сказать, что число пиратов в те годы оценивалось от 1000 до 2000 человек, что существенно превышало численность населения многих колониальных городов¹⁷. Например, в Чарлстоне, с которым связан один из самых ярких эпизодов биографии легендарного пирата Эдварда Тича (Черная Борода)¹⁸, проживало всего около 500 чел. [9, с. 324]. Нашумевшие судебные процессы в Лондоне собирали толпы людей на берегу Темзы в Доке Казней, приходивших посмотреть, как повиснут в петлях морские разбойники. По некоторым подсчетам, в один лишь период с 1716 по 1726 гг. в британской метрополии и ее колониях было повешено не менее 500 пиратов¹⁹. Книга, посвященная столь актуальной теме, не могла не стать бестселлером. Первый тираж быстро разошелся, в течение полутора лет вышли еще два издания, а также были выполнены переводы на голландский (1725) и французский (1725) языки.

М. Сконхорн, редактировавший полное издание «Всеобщей истории пиратов» 1972 г.²⁰, собрал практически все документы, которые могли бы послужить источником для материалов, включенных Джонсоном в свою книгу²¹. Помимо опубликованных судебных отчетов о процессах над пиратами, проводимых Адмиралтейским судом, Джонсон использовал материалы, опубликованные в *Applebee's Journal*, *The British Journal*, *The Daily Post*, *The London Gazette*, *The London*

¹⁵ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 11.

¹⁶ Johnson Ch. The History of the Pyrates. Vol. II. L., 1728. P. 335.

¹⁷ Подробнее об оценке численности пиратов и местного населения см.: [9, с. 323–325].

¹⁸ Подробнее об эпизоде см.: Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII. М., 2009. С. 97–98.

¹⁹ Дефо Д. Всеобщая история пиратства. СПб., 2009. С. 6.

²⁰ Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates. L., 1972.

²¹ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 17.

Journal, Mist's Weekly Journal, а также The Weekly Journal и British Gazette. В них довольно часто встречались перепечатки материалов из газет, выходивших на островах Вест-Индии и в американских колониях. Особо следует отметить газету The Boston News Letter, наиболее полно рассказывавшую о деятельности пиратов.

Учитывая успех, сопутствовавший изданию «Всеобщей истории пиратов», а также оказанное ею влияние на последующие поколения писателей и кинематографистов, представляется весьма необычным то обстоятельство, что до сих пор исследователи не пришли к общему знаменателю в установлении личности автора. По словам британского историка Д. Кордингли, не найдено ни одного некролога, относящегося к капитану Чарльзу Джонсону²². Установлено лишь, что авторские права на первое издание были зарегистрированы на издателя еженедельника Mist's Weekly Journal Н. Миста, но литературный стиль изложения и частые отступления с различными морализаторскими рассуждениями, по мнению американского филолога Дж.Р. Мура, очень характерны для творчества Даниеля Дефо²³, с которым Мист сотрудничал около 8 лет, в период с 1717 по 1724 гг. Их тесная дружба прервалась на почве политических разногласий, когда выяснилось, что Дефо «незаметно для издателя, пользуясь полным его доверием и имея в своих руках почти весь литературный материал, поступавший в журнал, смягчал направленные против правительства статьи, вычеркивал в них все резкие места, сам помещал статьи в духе господствовавшей тогда партии вигов и превратил таким образом журнал Миста, считавшийся самым крайним органом якобитов и защищавший прерогативы королевской власти, в сравнительно безвредный для правительства журнал консервативного направления» [6, с. 68].

Как уже отмечалось, благодаря «Всеобщей истории пиратов» в распоряжении историков оказалось несколько документов, содержащих сведения о правилах, которыми руководствовались пираты при организации своих банд. Это «законы» (или пиратские кодексы), принятые в командах Бартоломью Робертса (1719), Джорджа Лоутера (1721) и Джона Филипса (1723). Но был еще один пиратский свод правил, который до сих пор не был должным образом введен в научный оборот. Речь идет о кодексе английского пирата Генри Эвери по прозвищу Долговязый (Henry Every alias Bridgman) – под таким именем пират вошел

²² Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 17.

²³ Там же. С. 19. Подробнее см.: Moore J.R. Defoe in the Pillory and Other Studies. Bloomington, 1939.

в историю, о чем свидетельствует судебный отчет, опубликованный лондонским издателем Дж. Эверингемом в 1696 г.²⁴

Бывший пленник шайки Эвери голландец Адриан Ван Брук, автор брошюры «Жизнь и приключения капитана Джона Эвери, известного английского пирата» (*The life and adventures of Capt. John Avery, the famous English pirate*), утверждал, что Эвери родился в 1653 г.²⁵ Согласно сведениям Ч. Джонсона, «Эвери родился в западной части Англии, недалеко от Плимута, в Девоншире»²⁶. Его пиратская карьера прослеживается с 1694 г., когда он нанялся первым помощником на 40-пушечный фрегат «Карл II» (*Charles the Second*)²⁷. По другим данным, полученным из письма Эвери, оставленного им на о. Анжуан (из состава архипелага Коморских о-вов) и датированного 28 февраля 1695 г., это было 46-пушечное судно [13, с. 55]. Утверждение Джонсона о 30-пушечном корабле «Герцог» (*Duke*)²⁸ принято считать недостоверным.

Судно находилось под командованием капитана Ч. Гибсона²⁹. Фрегат был снаряжен за счет арматоров (инвесторов) из Бристоля по просьбе испанских властей для борьбы с французскими контрабандистами и пиратами в Америке³⁰. Прибыв в испанский порт Ла-Корунья, иначе называемый Groi («Пах»), в составе эскадры Дж. Хублона, «Карл II» восемь месяцев простоял там без дела. Не получая жалованья, моряки в конце концов устроили заговор и 7 мая 1694 г. взбунтовались. Бунтовщиков возглавил Эвери [4, с. 231–232].

²⁴ The Tryals of Joseph Dawson, Edward Foreseith, William May, William Bishop, James Lewis and John Sparkes, for several Piracies and Robberies by them committed, in the Company of Every the Grand Pirate, near the Coasts of the East-Indies, and several other Places on the Seas. Giving an Account of their Villainous Robberies and Barbarities. At the Admiralty Sessions, begun at the Old-Baily on the 29th of October, 1696, and ended on the 6th of November. L., 1696. P. 10.

²⁵ Broeck A. The life and adventures of Capt. John Avery, the famous English pirate. L., 1709. P. 2.

²⁶ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 59.

²⁷ The Tryals of Joseph Dawson, Edward Foreseith, William May, William Bishop, James Lewis and John Sparkes, for several Piracies and Robberies by them committed, in the Company of Every the Grand Pirate, near the Coasts of the East-Indies, and several other Places on the Seas. Giving an Account of their Villainous Robberies and Barbarities. At the Admiralty Sessions, begun at the Old-Baily on the 29th of October, 1696, and ended on the 6th of November. L., 1696. P. 10.

²⁸ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 59.

²⁹ The Tryals of Joseph Dawson, Edward Foreseith, William May, William Bishop, James Lewis and John Sparkes, for several Piracies and Robberies by them committed, in the Company of Every the Grand Pirate, near the Coasts of the East-Indies, and several other Places on the Seas. Giving an Account of their Villainous Robberies and Barbarities. At the Admiralty Sessions, begun at the Old-Baily on the 29th of October, 1696, and ended on the 6th of November. L., 1696. P. 10.

³⁰ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 59.

С этого момента члены экипажа корабля «Карл II» вступили на стезю морских разбойников. Пиратство предоставляло огромной массе «отверженных» возможность вырваться из бессмысленного монотонного существования, выплеснуть сдерживаемую социальными ограничениями жизненную энергию и проявить себя [7, с. 547]. Поэтому пираты даже именовали себя «лордами»³¹, а в своей устрашающей риторике и поведении, по мнению американского исследователя П.И. Арнаутова, часто старались походить на коронованных особ [14, с. 88–94]. Указанными причинами можно объяснить и появление в 1720 г. нашумевшей книги «Король пиратов: Рассказ о знаменитых авантюрах капитана Эвери, мнимого короля Мадагаскара» (*The King of Pirates: Being an Account of the Famous Enterprises of Captain Avery, the Mock King of Madagascar*), своего рода автобиографии Эвери, изложенной в двух больших письмах, авторство которой, тем не менее, исследователи приписывают Дефо [12, с. 263].

Моряки, впрочем, отдавали себе отчет в последствиях, которыми было чревато занятие пиратством. Если человек ставил подпись под договором, то он словно отрезал себе обратную дорогу и не мог покинуть своих «братьев».

До сих пор историки располагали крайне скудными сведениями о пиратском кодексе, принятом в команде мятежников на борту корабля «Карл II», переименованного в «Фантазию» (*Fancy*)³² и ходившего под руководством нового капитана Эвери. Немецкий исследователь Х. Нойкирхен, например, лишь отмечал, что «по примеру флибустьеров мятежники выработали устав, после чего Эвери, прозванный командой Длинным Беном, поднял якорь и направился к Мадагаскару» [11, с. 196]. Информацию Нойкирхена почти дословно цитируют в своих работах Р. Белоусов [3; 4] и И.Е. Гусев [5]. К сожалению, на этом сведения в отечественной историографии исчерпываются.

Нами было проанализировано множество работ, посвященных истории пиратства, и когда речь в книгах заходила о деятельности Эвери, авторы проявляли поразительную солидарность в неведении относительно его пиратского кодекса. Между тем, начиная свою преступную деятельность на новом для себя поприще морских разбойников, члены экипажа не могли не согласовать фундаментальные пиратские принципы, связанные с системой оплаты, дележом добычи, мер принудительного воздействия за трусость или дезертирство, должны были продумать порядок общежития на корабле с недопущением конфликтов

³¹ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 271.

³² Дефо Д. Всеобщая история пиратства. СПб., 2009. С. 277.

внутри сообщества и пр. Но таких сведений нет ни в книге капитана Ч. Джонсона (1724), ни в брошюре А. Ван Брука (1709). Молчит об этом и предполагаемый автор «Короля пиратов» (1720) Даниель Дефо.

И все же кодекс Эвери был опубликован в 1725 г. в книге лондонского издателя Э. Мидвинтера ("The History and Lives of all the most Notorious Pirates, and their Crews, from Capt. Avery, who first settled at Madagascar, to Capt. John Gow, and James Williams, his Lieutenant, Etc. who were hang'd at Execution Dock, June 11, 1725, for Piracy and Murther; and afterwards hang'd in Chains between Blackwall and Deptford. Giving a more full and true Account than any yet Published, of all their Murthers, Piracies, Maroonings, Places of Refuge, and Ways of Living. Adorn'd with Twenty Beautiful Cuts, being the Representation of each Pirate. To which is prefix'd, An Abstract of the Laws against Piracy" – 'История и жизнь самых знаменитых пиратов и их команд, от капитана Эвери, который впервые поселился на Мадагаскаре, до капитана Джона Гоу и Джеймса Уильямса, его лейтенанта и проч., которые были повешены в Доке Казней 11 июня 1725 г. за пиратство и прочие преступления, а затем вывешены в цепях между Блэкволлом и Дептфордом. Тут представлен наиболее полный и правдивый отчет, чем когда-либо публиковавшиеся, обо всех их преступлениях, пиратстве, высадках на необитаемых островах, а также их схроны и образ жизни. Украшена двадцатью красочными гравюрами, изображающими каждого пирата. К тексту прилагается Краткое изложение законов о борьбе с пиратством'). Книга была выпущена без указания имени автора, но именно этот аноним и предложил читателям предмет нашего исследования – пиратский кодекс, принятый в банде Эвери после мятежа на борту «Карла II» (как и у Джонсона, в издании Мидвинтера судно ошибочно называется «Duke»). Обратимся непосредственно к тексту книги, который приведен в нашем переводе.

Не успел капитан уйти (имеется в виду высадка капитана Ч. Гибсона на берег. – С.С., В.К.), как мятежники создали совет, на котором единогласно признали своим капитаном Эвери, главного зачинщика заговора; он принял это решение со всей возможной скромностью, оправдываясь своей неопытностью в море. Но делал это так искусно, что еще больше укрепил разбойников в правильности выбора. «Господа, – сказал он, – у нас хороший корабль, и мы – команда смелых моряков. Нас более 160 человек, способных сразиться с любым судном в мире; и вы все понимаете, что уже поздно оглядываться назад; то, что мы сделали, – это поступок, с которым мы должны жить или умереть; давайте все будем сплоченными и едины в действиях, и я не сомневаюсь, что в скором

времени мы станем богатыми. Предлагаю сперва отплыть на Мадагаскар, где [мы] сможем укрыться и дожидаться известий, предусматривающих отход от дел, когда сочтем нужным остановиться». На что все ответили: «Согласны». «Но погодите, – продолжил Эвери. – Необходимо установить некий порядок среди нас для лучшего управления кораблем». Через несколько дней писарем корабля были составлены статьи соглашения, копию которых, интереса ради, я предлагаю вам.

1. Каждый имеет право на свободный доступ к провизии и спиртным напиткам, за исключением случаев нехватки продовольствия, и тогда оно распределяется поровну между всей командой.
2. Если кто-либо обманет команду на сумму в один доллар³³ в серебре, драгоценностях или деньгами, то будет высажен на берег какого-нибудь необитаемого острова, что называется Марунированием.
3. Огни и свечи должны быть погашены в восемь часов вечера.
4. Содержать свои орудия, pistols и сабли в чистоте и пригодности к службе.
5. Ни одной женщине не позволено находиться среди нас в переодетом виде или иным каким образом под страхом смерти тому, кто совершит данное злодеяние.
6. Покинувшим судно или место боя на борту во время сражения – смерть или Марунирование.
7. Никаких драк на корабле; ссоры должны решаться на берегу при помощи сабли и пистоля.
8. Никто не смеет говорить о роспуске команды, пока каждый не получит 1000 фунтов стерлингов; а если кто-то потеряет конечность, то получит компенсацию из общего фонда.
9. Капитан и квартирмейстер получают по две доли от приза; боцман и канонир – по одной с половиной доле; все остальные офицеры – по одной доле с четвертью.

Создание этих статей заняло довольно много времени, прежде чем все они были согласованы. Но, несмотря на все прения, их в конце концов подписали, хотя отказ от женщин противоречил интересам многих³⁴.

³³ Речь о большой серебряной монете. Подобные монеты первоначально чеканились в божемском городе Йоахимсталль и называлась «йоахимсталер». Впоследствии их стали называть «талер», а в разных регионах существовали аналогичные монеты: «далер», «дальдер», «доллар» «песо», «пиастр», «экю» и др.

³⁴ The History and Lives of all the most Notorious Pirates, and their Crews, from Capt. Avery, who first settled at Madagascar, to Capt. John Gow, and James Williams, his Lieutenant, Etc. who were hang'd at Execution Dock, June 11, 1725, for Piracy and Murther; and afterwards

Данная книга хорошо известна исследователям истории пиратства, ибо двадцать красочных гравюр портретов знаменитых пиратов, которыми была украшена работа, можно встретить практически в каждой иллюстрированной книге о пиратстве. По традиции ее авторство приписывают капитану Чарльзу Джонсону, но это, на наш взгляд, является ошибкой. Книги отличаются как именами одних и тех же героев, так и подробностями отдельных событий.

Отсутствие информации о кодексе Эвери в трудах исследователей можно объяснить тем, что в последующих изданиях книги «История и жизнь самых знаменитых пиратов и их команд...» содержание пиратского кодекса было опущено и заменено кратким известием о его наличии, как это показано в третьем издании Э. Мидвинтера 1729 г.:

«Но погодите, – говорит Эвери. – Необходимо установить некий порядок среди нас для лучшего управления кораблем». Статьи соглашения были составлены в течение нескольких дней писарем корабля. Эвери обещал им много добычи, и все они в конце концов согласились, хотя отказ иметь женщин на борту был очень тягостным для многих из них»³⁵.

Стоит также отметить, что в третье издание Мидвинтера были дополнительно включены биографии пиратов Джона Аптона и Сэмюэла Джонстона³⁶, которых, например, не было в четвертом издании 1726 г. книги капитана Чарльза Джонсона, вышедшем в лондонской типографии Т. Вудворда. Как мы указывали, именно Вудворд выпустил и второй том Джонсона (1728), где этих имен также не было. В то же самое время новые биографии пиратов, опубликованные Джонсоном во втором томе, не удостоились внимания издателя Мидвинтера в 1729 г. Уже из одного этого момента можно сделать определенный вывод, что за изданием книг «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учиненных самими

hang'd in Chains between Blackwall and Deptford. Giving a more full and true Account than any yet Published, of all their Murthers, Piracies, Maroonings, Places of Refuge, and Ways of Living. Adorn'd with Twenty Beautiful Cuts, being the Representation of each Pirate. To which is prefix'd, An Abstract of the Laws against Piracy. L., 1725. Pp. 7–9.

³⁵ The History and Lives of all the most Notorious Pirates, and their Crews, from Capt. Avery, who first settled at Madagascar, to Capt. John Gow, and James Williams, his Lieutenant, Etc. who were hang'd at Execution Dock, June 11, 1725, for Piracy and Murther; and afterwards hang'd in Chains between Blackwall and Deptford. And in this Edition continued down to the present Year 1729. Giving a more full and true Account than any yet Published, of all their Murthers, Piracies, Maroonings, Places of Refuge, and Ways of Living. The Third Edition. Adorn'd with Twenty Beautiful Cuts, being the Representation of each Pirate. To which is prefix'd, An Abstract of the Laws against Piracy. L., 1729. P. 6.

³⁶ Ibid.. Pp. 121–132.

знаменитыми пиратами...» (1724) капитана Чарльза Джонсона и «История и жизнь самых знаменитых пиратов и их команд...» (1725), выпущенной издателем Э. Мидвинтером, вероятно, стоят разные авторы. Хотя книги во многом и похожи. Мы допускаем, что ими могли быть Н. Мист и Дефо, чья дружба и многолетнее сотрудничество прервались в конце 1724 г. Второй том Джонсона с вымышленными биографиями пиратов мог опубликовать Дефо, литературный стиль которого четко прослеживается в публикации. А за изданием в типографии Мидвинтера мог стоять менее талантливый писатель, но очень хороший журналист Н. Мист. Над первыми двумя изданиями книги Джонсона 1724 г. они, возможно, до разрыва отношений работали вместе.

Анализируя фундаментальные принципы и статьи пиратского кодекса Эвери (1694), можно отметить, что на первый взгляд они идентичны положениям, принятым в банде Робертса (1719)³⁷. Исключение составляет отсутствие в кодексе Эвери статьи, запрещающей игру в карты или кости на деньги, а также одиннадцатой статьи положений Робертса, определяющей пребывание на борту корабля музыкантов. Последней статьи, регламентирующей труд музыкантов, не было и в кодексе Робертса на страницах первого издания книги Джонсона³⁸. Кроме того, в банде Робертса было запрещено пребывание на борту не только женщин, но и мальчиков, о которых в кодексе Эвери ни слова.

Схожесть двух кодексов может подвести читателей к мысли, что перед ними два одинаковых документа. Только кодекс Эвери краток, а статьи соглашения в шайке Робертса более информативны, их количество больше и сами они наполнены дополнительным содержанием. Но как уже отмечалось, пиратские кодексы возникли в результате взаимодействий и обмена информацией между пиратами, поэтому частое повторение одних и тех же положений в соглашениях является нормой. Если же предположить, что это один и тот же документ, то изначально, на наш взгляд, он мог принадлежать команде Эвери, хоть кодекс Робертса и был опубликован на год раньше. Текстологический анализ построения фраз и использование в статьях различных терминов показывают, что мы имеем дело не с копированием одного и того же документа, а с его возможным пересказом. Причем кодекс Робертса был дополнен пояснениями и вполне мог быть построен на фундаменте, которым и являлся кодекс Эвери. Тем более, что пиратская

³⁷ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 297–300.

³⁸ Johnson Ch. A General History of the Robberies and Murders of the most notorious Pyrates, and also Their Policies, Discipline and Government, From their first Rise and Settlement in the Island of Providence, in 1717, to the present Year 1724. L., 1724. Pp. 169–172.

деятельность Робертса началась спустя более чем 20 лет после известных походов Эвери.

В защиту нашей точки зрения также добавим, что еще должным образом не изучено судебное дело в отношении шайки Эвери, как будто выпавшем из поля зрения исследователей. Чего не скажешь о суде над командой Робертса, содержание которого передано в книге Джонсона³⁹. При его рассмотрении выявляются интересные и противоречивые подробности.

Так, например, согласно кодексу Робертса, драки на борту корабля были запрещены, однако в свидетельских показаниях экипажа упоминаются случаи, когда боцман корабля У. Мэйн «избивал кое-кого из матросов за недостаточную расторопность при грабеже»⁴⁰, что недопустимо в их свободном и равноправном преступном сообществе. К побоям прибегал и Дж. Скирм, помощник Робертса и командир корабля «Рейнджер», когда матросы неправильно или нечетко исполняли его команды⁴¹. Кроме того, в кодексе Робертса никак не отражается привилегированное положение т.н. «палаты лордов», члены которой имели власть над остальными пиратами⁴², что противоречило единству и положению первой статьи кодекса о равных правах каждого члена команды при обсуждении текущих вопросов.

Интересным является и тот факт, что в ходе слушаний обвиняемые говорили о заработке от 600 до 700 фунтов стерлингов на человека, после чего предполагалось разойтись⁴³. Но согласно девятой статье кодекса Робертса, покинуть братство можно было только тогда, когда доля каждого не достигнет 1 тыс. фунтов стерлингов⁴⁴. И только в команде Эвери полученная добыча принесла каждому члену экипажа по 1 тыс. фунтов стерлингов, что было эквивалентно почти сорокалетнему доходу моряка торгового флота [10, с. 11] и соответствовало восьмой статье кодекса Эвери.

Кроме того, в ходе судебных слушаний по делу участников банды Эвери было установлено, что капитан Эвери действительно получал две доли от приза, как и было заявлено в девятой статье его

³⁹ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009. С. 354–398.

⁴⁰ Там же. С. 367.

⁴¹ Там же. С. 378.

⁴² Там же. С. 370.

⁴³ Там же. С. 386.

⁴⁴ Там же. С. 299.

кодекса⁴⁵. И количество членов экипажа на мятежном судне «Карл II» было 160 чел., что отразилось не только в судебном отчете, но и в издании Мидвинтера, чего не скажешь о книге Джонсона, где такая информация отсутствовала. Это лишний раз подчеркивает определенную самостоятельность автора книги «История и жизнь самых знаменитых пиратов и их команд...» в изложении задокументированных фактов.

Подводя итоги нашей работы, можно сделать следующие выводы. Кодекс Генри Эвери, первая публикация которого состоялась в 1725 г. в «Истории и жизни самых знаменитых пиратов и их команд...» лондонского издателя Э. Мидвинтера (и который впервые в отечественной историографии переведен и введен в научный оборот нами), ярко отражает основные принципы регламентации жизни на пиратском корабле конца XVII в. Анализ документа показывает, что он во многом идентичен положениям, принятым в команде пирата Робертса (1719) (опубликованным в 1724 г. во «Всеобщей истории пиратов» капитана Чарльза Джонсона), но при этом содержит и ряд заметных отличий. Пиратский кодекс Эвери, как мы полагаем, куда более соответствует реалиям событий прошлого, нежели хорошо известный исследователям кодекс Робертса.

Отметим также, что книгу, изданную Э. Мидвинтером, нередко воспринимают как сокращенный вариант книги Джонсона или ее пересказ, что, на наш взгляд, справедливо лишь отчасти. Этот труд содержит массу интересных деталей, которые у Джонсона либо отличаются, либо вовсе отсутствуют. И пиратский кодекс Эвери – наиболее яркий из таких фрагментов.

Библиографический список / References

1. Альенде С.К. Быть пиратом: Как бросить миру вызов и победить. М., 2019. [Allende S.C. Byt piratom: Kak brosit miru vyzov i pobedit [Be more pirate: Or how to take on the world and win]. Moscow, 2019.]
2. Белоусов Р. Под черным флагом: Исторические очерки. М., 1996. [Belousov R. Pod chernymflagom: Istoricheskiye ocherki [Under the black flag: Historical essays]. Moscow, 1996.]

⁴⁵ The Tryals of Joseph Dawson, Edward Foreseith, William May, William Bishop, James Lewis and John Sparkes, for several Piracies and Robberies by them committed, in the Company of Every the Grand Pirate, near the Coasts of the East-Indies, and several other Places on the Seas. Giving an Account of their Villainous Robberies and Barbarities. At the Admiralty Sessions, begun at the Old-Baily on the 29th of October, 1696, and ended on the 6th of November. L., 1696. P. 26.

3. Белоусов Р. Тайны знаменитых пиратов, или «Сундук мертвеца». М., 2004. [Belousov R. Tayny znamenitykh piratov, ili «Sunduk mertvetsa» [Secrets of famous pirates, or “Dead Man’s Chest”]. Moscow, 2004.]
4. Губарев В.К. Знаменитые пираты мира. М., 2017. [Gubarev V.K. Znamenityye piraty mira [Famous pirates of the world]. Moscow, 2017.]
5. Гусев И.Е. Пираты. Полная история морских разбоев. Мн., 2010. [Gusev I.E. Piraty. Polnaya istoriya morskikh razbojev [Pirates. The complete history of sea robberies]. Minsk, 2010.]
6. Каменский А.В. Даниель Дефо. Его жизнь и литературная деятельность. М., 2014. [Kamenskiy A.V. Daniyel Defo. Yego zhizn i literaturnaya deyatel'nost [Daniel Defoe. His life and literary work]. Moscow, 2014.]
7. Копелев Д.Н. Пиратство в XVI–XVIII веках: На острие мировой политики. СПб., 2013. [Kopelev D.N. Piratstvo v XVI–XVIII vekakh: Na ostriye mirovoy politiki [Piracy in the 16–18th centuries: At the cutting edge of world politics]. St. Petersburg, 2013.]
8. Копелев Д.Н. Раздел Океана в XVI–XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства. СПб., 2013. [Kopelev D.N. Razdel Okeana v XVI–XVIII vekakh: Istoki i evolyutsiya piratstva [Division of the Ocean in the 16th–18th centuries: Origins and evolution of piracy]. St. Petersburg, 2013.]
9. Кордингли Д. Под черным флагом: быт, романтика, убийства, грабежи и другие подробности из жизни пиратов. М., 2024. [Cordingly D. Pod chernym flagom: byt, romantika, ubiystva, grabezhi i drugiye podrobnosti iz zhizni piratov [Under the black flag: The romance and the reality of life among the pirates]. Moscow, 2024.]
10. Лисон Т.П. Невидимый крюк: скрытая экономика пиратов. М., 2023. [Leeson T.P. Nevidimy ykryuk: skrytaya ekonomika piratov [The invisible hook: The hidden economics of pirates paperback]. Moscow, 2023.]
11. Нойкирхен Х. Пираты: Морской разбой на всех морях. М., 1980. [Noykirkhen Kh. Piraty: Morskoy razboy na vsex moryakh [Pirates: Sea robbery on all seas]. Moscow, 1980.]
12. Рогожинский Ж. Энциклопедия пиратов. М., 1998. [Rogozinski J. Entsiklopediya piratov [Encyclopedia of pirates]. Moscow, 1998.]
13. Сейц Д.К. Под черным флагом. Истории знаменитых пиратов Вест-Индии, Атлантики и Малабарского берега. М., 2017. [Seitz D.C. Pod chernym flagom. Istorii znamenitykh piratov Vest-Indii, Atlantiki i Malabarskogo berega [Under the black flag: Exploits of the most notorious pirates]. Moscow, 2017.]
14. Arnaudov P.I. Elements of mythmaking in witness accounts of colonial piracy. Dr. dis. Louisiana State University. 2008.
15. Bialuschewski A. Daniel Defoe, Nathaniel Mist, and the “General History of the Pyrates”. *The Papers of the Bibliographical Society of America*. 2004. No. 98 (1). Pp. 21–38.
16. Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea. Merchant seamen, pirates and the Anglo-American maritime world, 1700–1750. Cambridge; N.-Y., 1987.
17. Rediker M. Villains of all nations: Atlantic pirates in the golden age. Boston; L., 2004.

Статья поступила в редакцию 18.04.2025, принята к публикации 16.05.2025
 The article was received on 18.04.2025, accepted for publication 16.05.2025

Сведения об авторах / About the authors

Сингх Созонт Сукхдевович – кандидат исторических наук; научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской православной церкви, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва

Sozont S. Singh – PhD (History); researcher at the Sector of Contemporary History of the Russian Orthodox Church, Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow

E-mail: sozont@inbox.ru

Константинов Владимир Петрович – независимый исследователь, г. Севастополь

Vladimir P. Konstantinov – independent researcher, Sevastopol

E-mail: vova2const@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

Международные
отношения:
история и современность

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-108-123

УДК 94:327

У Бинь

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Мирное освобождение Тибета и политика Индии в отношении Китая (1949–1951 гг.)

После того, как Индия получила независимость, индийское правительство надеялось унаследовать особые интересы Великобритании в Тибете, существовавшие со времен колониальной эпохи, поэтому оно предпринимало различные меры в попытке сохранить независимость Тибета де-факто. В эти меры входило поддержание численности и размера британской миссии в Тибете, предоставление оружия для местной тибетской армии и даже планирование военной интервенции с целью вмешательства в освобождение Тибета. В процессе освобождения Тибета в период формирования Нового Китая индийское правительство создавало препятствия и даже вмешивалось дипломатически. Местное правительство Тибета надеялось сохранить существующее состояние своей номинальной автономии и фактической независимости при поддержке Индии. Поскольку Коммунистическая партия Китая была полна решимости освободить Тибет и готова как к мирному, так и к вооруженному освобождению, два правительства сосредоточили свое внимание на проблеме Тибета. Учитывая сложившееся положение в Тибете и изменения в международной ситуации, после непрерывных переговоров между двумя странами, а также после полной оценки силы своей страны премьер-министр Индии

© У Бинь., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Джавахарлал Неру изменил свою политику, и Тибет был мирно освобожден. Однако существенные противоречия между национальными интересами Китая и Индии заложили прочную основу для будущих конфликтов между двумя странами. Более того, хотя индийское правительство и заявляло, что больше не будет вмешиваться в тибетские дела, оно продолжало вторгаться на территорию Тибета, в то время как китайское не могло заниматься тибетским вопросом из-за Корейской войны.

Ключевые слова: политика Индии в отношении Китая, поход на Тибет, освобождение Тибета, «линия Мак-Магона», тибетский вопрос, Лхаса, Джавахарлал Неру, Коммунистическая партия Китая

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: У Бинь. Мирное освобождение Тибета и политика Индии в отношении Китая (1949–1951 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 108–123. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-108-123

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-108-123

Wu Bin

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Peaceful liberation of Tibet and Indian policy towards China (1949–1951)

After India's independence, the Indian Government, hoped to inherit special interests of the Great Britain in Tibet during the colonial era, so it took various measures in an attempt to maintain the de facto independence of Tibet. These measures included maintaining the strength and size of the British mission in Tibet, providing weapons for the local Tibetan army, and even planning a military intervention to intervene in the liberation of Tibet. In the course of the liberation of Tibet, the Indian Government obstructed and even interfered diplomatically at every turn. The local government of Tibet hoped to maintain the existing state of its nominal autonomy and actual independence with Indian support. Since the Chinese Communist Party was

determined to liberate Tibet and was prepared for both peaceful and armed liberation, the two governments focused their attention on the Tibet issue. In view of the prevailing situation in Tibet and the changes in the international situation, after continuous negotiations between the two countries and also after fully appreciating the strength of his country, Indian Prime Minister Jawaharlal Nehru changed his policy and Tibet was peacefully liberated. However, the significant contradictions between the national interests of China and India had laid a solid foundation for future conflicts between the two countries. Moreover, although the Indian government declared that it would no longer interfere in Tibetan affairs, it continued to encroach on Tibetan territory, while the Chinese government could not deal with the Tibetan issue because of the Korean War.

Key words: India's policy towards China, march for Tibet, the liberation of Tibet, McMahon's line, Tibet's problem, Lhasa, Jawaharlal Nehru, Chinese Communist Party

FOR CITATION: Wu Bin. Peaceful liberation of Tibet and Indian policy towards China (1949–1951). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 108–123. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-108-123

Тибетский вопрос и связанный с ним вопрос о границе неизменно оставался существенным фактором, влиявшим на политику Индии в отношении Китая. В самом начале Индия не ставила под сомнение приоритет Китая и включила Китай в свою концепцию «пяти принципов мирного сосуществования» («панча шила»). Однако это не означало, что Индия собирается с легкостью уступить свои привилегии в Тибете. Действия КНР по освобождению Тибета в 1950 г. стали громадным испытанием для политики Индии в отношении Китая.

Индийская политика в отношении Тибета сохраняла британский подход, который сложился в период «Большой игры» Британской империи и России в конце XIX в. В целях противодействия попыткам России взять Тибет под свой контроль правительство Британской Индии стремилось обеспечить безопасность колониальной Индии за счет установления и поддержания буферного статуса Тибета. После обретения независимости Индия автоматически унаследовала различные права правительства Британской Индии в Тибете: имела торгового представителя в Тибете и пользовалась правом управления его внешними связями; на долгосрочной основе держала там вооруженные гарнизоны, учреждала и эксплуатировала почтовые станции, почты, телеграф, больницы, школы и т.д. Индийские чиновники, коммерсанты и паломники могли беспрепятственно пересекать индийско-тибетскую границу.

В июле 1947 г. индийское правительство уведомило местные власти Тибета, что британская миссия в Тибете с момента обретения Индией независимости 15 августа начнет носить название «представительство правительства Индии в Лхасе», а действующий представитель в Лхасе Хью Эдвард Ричардсон сохранит свою должность. В январе 1949 г. внешнеполитический секретарь Индии К.П.С. Менон заявил послу Китая в Индии Ло Цзялуню, что Индия не будет обсуждать с Тибетом вопрос суверенитета Китая. Хотя Дж. Неру некогда говорил Ло Цзялуню о том, что Индия не будет продолжать тибетскую политику Британской империи, все же заявлял, что рассматривает Тибет как автономный регион и признает лишь сюзеренитет Китая над Тибетом¹. Так что Индия не только надеялась унаследовать британские права и интересы в Тибете, но и пыталась продолжить британскую политику в отношении Тибета.

Неру неотступно следил за ситуацией в Тибете и постоянно учитывал, что отношения между центральным правительством Китая и местным тибетским правительством могут измениться. В декабре 1948 г. в письме министрам индийского правительства он отметил: «Победа и закрепление коммунизма в Китае окажут далеко идущее влияние на Юго-Восточную Азию и даже на весь мир. Естественно, это влияние отразится и на Индии, поэтому нет оснований бояться каких-либо непосредственных противоречий. Будущее Тибета станет спорным вопросом» [5, р. 231]. Неру отдавал себе отчет в том, что для поддержания своих интересов в Тибете Индии в дальнейшем, возможно, необходимо будет вступить в прямой конфликт с Китаем: «Победа коммунизма в Китае может оказаться тем бикфордовым шнуром, который запустит резкое изменение ситуации в Тибете» [6, р. 304].

Поэтому он поручил МИД Индии и послу Индии в Китае К.М. Паниккару изучить политику Китая. Паниккар представил Неру длинный доклад, названный «О будущем Тибета и его месте в индийской политике». Основное внимание в докладе уделялось тому, что «Тибет чрезвычайно важен для безопасности Индии», подчеркивалось: «Индия унаследовала от Великобритании право торговать с Тибетом, поддерживать тибетскую автономию и линию Мак-Магона², а также право размещать

¹ 中国第二历史档案馆蒙藏委员会档案: “西藏商务代表团出国经过及在英、美情形”, 全宗号141, 卷号3982.

² Еще в те годы, когда Индия и Бирма были колониями Великобритании, колониальной администрации Индии было дано указание представить предложения по линии границы между Индией, Китаем и Бирмой на Тибете. Возглавлявший комиссию британский чиновник по фамилии Мак Магон начертил на топографической карте линию границы таким образом, что часть китайской территории на Тибете отошла к Индии, которая в настоящее время является частью индийского штата Аруначал-Прадеш. В настоящее время

политические миссии в Лхасе. Если бы эти права были обеспечены, Индия не стала бы вторгаться в Тибет или посягать на власть Китая. Индия ясно дала понять, что, пока ее права и интересы находятся под защитой, она не стремится использовать политическое преимущество в Лхасе. Однако, в случае угрозы Тибету со стороны Китая, Индия должна поддержать Тибет: «дипломатическим путем поддержать автономию Тибета, в военном плане поставлять вооружение и технику, обучать офицеров», чтобы она могла «вытеснить Китай из Тибета» [4, р. 517]. В продолжении доклада также подчеркивались «две основные причины, по которым Китай должен быть вытеснен из Тибета»: «Во-первых, как только китайцы войдут в Тибет, как это произошло в 1910 г., они будут подчеркивать права Непала и Бутана как своих зависимых государств. Во-вторых, между Индией и Тибетом посредством переговоров была согласована линия Мак-Магона. Если будет принят принцип, согласно которому Тибет находится под суверенитетом Китая, и, если Китай не признает автономию Тибета, тогда Китай сможет вполне уверенно заявить, что соглашение Индии о демаркации с Тибетом является нарушением суверенитета Китая» [Там же, р. 518]. В докладе говорилось: «На самом деле, если Китай не сможет быть вытеснен из Тибета и это приведет к его приближению к фактической границе Индии, и все пограничные вопросы не достигнут решения, все это вызовет огромные проблемы для Индии» [Там же].

Можно заметить, что посол Индии в Китае Паниккар выступал за военное вмешательство, чтобы помешать новому китайскому правительству освободить Тибет. Но Неру считал, что нельзя посылать войска, потому что, во-первых, направление войск в Тибет и вмешательство во внутренние дела – это «империалистический» акт и крайне плохой. Во-вторых, и перед Индией, и перед Китаем стоят задачи национальной независимости и освобождения, и оба государства должны противостоять империалистической агрессии, поэтому Индия может вести переговоры с Китаем. В-третьих, британское вторжение в Тибет преподало Индии урок того, что вступление в Тибет против Китая ни к чему хорошему не приведет. В-четвертых, Индия должна быть полностью готова решить проблему Кашмира с помощью оружия. По этим причинам Неру решил проводить политику «ограничения подготовки

такая линия границы называется «линией Мак Магона» и вызывает протесты китайской стороны, которая считает, что часть территории пограничного с КНР индийского штата Аруначал-Прадеш является китайской. В свою очередь индийская сторона считает, что в другом месте часть китайской территории, по которой проходит автомобильная трасса из Синьцзяна в Тибет, является территорией Индии. Этот пограничный спор вызвал две войны между КНР и Индией в 1959 и 1962 гг. и постоянные пограничные конфликты, и он не разрешен до настоящего времени.

тибетских военных офицеров и помощи Тибету конкретными видами оружия» [цит. по: 3, р. 124].

Индийское правительство начало активно оказывать военную помощь местному правительству Тибета. Согласно заявлению Верховного комиссара Великобритании в Индии от 7 марта 1950 г. «О конкретных типах оружия», канцелярия сообщила, что для помощи были предоставлены: 38 2-дюймовых минометов и 14 тыс. артиллерийских снарядов, 63 3-дюймовых миномета и 14 тыс. артиллерийских снарядов, 150 ручных пулеметов типа «Брен» и 1 млн патронов винтовочного калибра [7, р. 518]. Военная помощь Индии воодушевила местное правительство Тибета, численность тибетской армии увеличилась с 14 до 17 полков [3, р. 519].

В то же время Неру также дал указания представителю Индии в Лхасе Ли Цзишэню (Ричардсону) подстрекать местное правительство Тибета к созданию инцидента по «изгнанию ханьцев». Ли Цзишэнь солгал директору Тибетского бюро иностранных дел Лю Ся, что «в Лхасе много коммунистов, и они будут действовать как внутренние агенты и введут туда войска Народно-освободительной армии Китая» [цит. по: 18, с. 30]. Это вызвало панику среди тибетских властей. 8 июля 1949 г. тибетские власти внезапно прекратили телеграфную связь Лхасы с внешним миром, заявив, что «коммунистические элементы создают проблемы» [цит. по: 18, с. 30]. Они уведомили сотрудников представительства Гоминьдана в Тибете о необходимости эвакуироваться в установленные сроки, полностью закрыли школы для ханьцев в Лхасе, а также изгнали ханьцев, проживавших в Тибете. После этого все сотрудники из числа ханьцев, а также члены их семей под конвоем тибетской армии отправились в путь, возвратившись в Индию через Сикким.

Хотя Неру не собирался военным путем вмешиваться в дела Тибета, но он, с одной стороны, использовал военную помощь тибетской армии, чтобы помешать Народно-освободительной армии Китая (НОАК) объединить Тибет, а с другой – предпринял ряд крайних мер и экстремальных действий по изгнанию всех сотрудников-ханьцев из Национального правительства в Тибете. Все эти меры еще больше усилили желание Тибета отделиться от Китая. Таким образом, можно видеть, что отправной точкой тибетской политики Неру была поддержка и консолидация интересов, унаследованных от Великобритании в Тибете.

Попытки дипломатического урегулирования тибетской проблемы между Индией и Китаем

До образования КНР Коммунистическая партия Китая определила политику мирного урегулирования тибетского вопроса. В феврале 1942 г. посланник советского правительства, считавшийся одним

из самых влиятельных советских государственных и партийных деятелей, А.И. Микоян, тайно посетил Китай. Во время встречи с ним Мао Цзэдун сказал: «Тибетский вопрос достаточно сложный, но решить его не сложно, но только это не быстро, и нельзя быть слишком неосмотрительными. Во-первых, поскольку есть сложности с транспортной системой в Тибете, армия передвигается с трудом, военных нужно снабжать одеждой и продовольствием. Во-вторых, Тибет – это территория, контролируемая религией, и к этническим вопросам также следует подходить с осторожностью» [14, с. 380]. Стратегическая политика ЦК КПК была предельно ясна: чтобы решить проблему Тибета, нужно применить долгосрочный подход.

В сентябре 1949 г. на заседании Народного Политического Консультативного Совета Китая (НПКСК) была принята «Единая программа», которая предусматривала равенство всех этнических групп в Китае, региональную этническую автономию в районах проживания этнических меньшинств, что обеспечивало политическую основу для мирного освобождения Тибета.

1 января 1950 г. Китай провозгласил освобождение Тибета первоочередной задачей правительства. ЦК КПК сформировал Тибетский рабочий комитет, который решил организовать заход в Тибет сразу с нескольких направлений – из провинций Юньнань Цинхай, а также из Синьцзяна.

По тибетскому вопросу индийское правительство сначала отреагировало сдержанно, не желая из-за него ссориться с Китаем. Однако Индия имела свои планы по вопросу освобождения Тибета. Министр иностранных дел Индии Менон заявил: «Если КПК действительно решит оккупировать Тибет и не будет никакой возможности воспрепятствовать этому, Индия, несомненно, предоставит Тибету всевозможную непосредственную военную помощь» [цит. по: 11, с. 154]. На фоне успешного установления дипломатических отношений между двумя странами Индия продолжила по дипломатическим каналам отстаивать свои интересы в Тибете.

Признание политической власти КНР не только стало предпосылкой для того, чтобы индийское правительство начало дипломатический диалог с Китаем, но в отношении конкретной политики Тибета открытие дипломатических каналов также дало Индии возможность в наибольшей степени реализовать свои интересы в Тибете. Представитель Индии в Лхасе Ли Цзишэнь (Ричардсон) считал: «В январе 1950 г. Индия официально признала режим Коммунистической партии Китая, для этого есть несколько причин, что касается Тибета, то это лучший вариант для поддержания интересов Индии в Тибете. Китай никогда не принимал Великобританию и, естественно, не примет статус,

установленный Индией в Тибете. В этой ситуации, если Индия не будет иметь официальных связей с КПК, весьма вероятно, что после вторжения в Тибет права Индии в Тибете могут быть легко вытеснены силой. Но для Индии было практически невозможным вступить в союз с китайцами, чтобы защитить свои права в Тибете. Как только Индия признает коммунистический режим, она сможет участвовать в регулярном дипломатическом диалоге. Будучи первой несоциалистической страной, признавшей новый режим, Индия могла даже ожидать некоторой благодарности от Китая в попытке смягчить действия Китая в Тибете» [цит. по: 7, р. 179–180].

Таким образом, из вышесказанного видно, что тибетский вопрос стал важным фактором в решении индийского правительства как можно скорее признать новый китайский режим. По мнению Неру, статус Тибета был тесно связан с национальными интересами Индии и китайско-индийскими отношениями.

В августе 1950 г. посол Индии в Китае Паниккар в переписке с премьером Чжоу Эньлаем и дипломатами Китая неоднократно предпринимал попытки по дипломатическим каналам оказать влияние на тибетскую политику Китая, чтобы мирное освобождение Тибета произошло таким способом, который был бы выгоден для Индии. Паниккар дважды подавал в Министерство иностранных дел Китая меморандумы, в которых отмечал, что, в соответствии с подписанным в 1906 г. договором, правительство Индии имеет определенные коммерческие и торговые интересы в Тибете. Кроме того, у правительства Индии никогда не было и нет никаких политических или территориальных амбиций в отношении Тибета. Индию заботит лишь сохранение «естественных прав», происходящих из обыкновений и договоров. Признанная граница между Индией и Тибетом не должна быть нарушена [цит. по: 17, с. 124]. Отсюда можно видеть, что Индия, с одной стороны, заявляла о признании суверенитета Китая над Тибетом, но с другой – предпринимала попытки для сохранения различных прав и интересов в тибетском регионе, оставшихся со времен британского владычества.

Во время дипломатических переговоров с центральным правительством Китая в Пекине индийское правительство надеялось использовать свое географическое преимущество и влияние на верхушку Тибета, чтобы оказать как можно большее влияние на процесс мирного освобождения Тибета, тем самым ограничивая контроль и влияние центрального правительства Китая над Тибетом.

20 января 1950 г. центральное правительство КНР обратилось к местному правительству Тибета с просьбой как можно скорее организовать поездку своих представителей в Пекин для обсуждения вопроса

мирного освобождения Тибета. Однако власти Тибета делали ставку на дипломатическую авантюру и планировали отправить свои собственные «дипломатические миссии» в Великобританию, США, Индию и другие страны с целью добиться дипломатического признания, пытаясь уклониться от политики центрального правительства по мирному освобождению Тибета. Но США и Великобритания категорически отказались принять такую делегацию. В отсутствие выбора тибетским властям ничего не оставалось, как отправить делегацию через Индию в Пекин. Однако делегация долгое время оставалась в Индии и активно добивалась индийского вмешательства, чтобы помочь Тибету в борьбе против китайского правительства. Глава делегации Цепон В.Д. Шакабпа указывал Неру, что среди всех британских интересов в Тибете «есть одно обязательство, которое унаследовано индийским правительством: в любых переговорах между Тибетом и зарубежными странами должно принимать участие индийское правительство» [18, с. 251].

Хотя индийское правительство надеялось, что тибетский вопрос удастся решить мирным путем, но, чтобы повлиять на переговоры между новым китайским правительством и тибетским местным правительством, оно использовало делегацию в качестве разменной монеты в политической игре с китайским правительством по тибетскому вопросу. Неру предложил провести переговоры между новым китайским правительством и местным правительством Тибета в Нью-Дели, Шакабпа с готовностью согласился. Неру предложил идею о том, что Индия должна увидеть долгосрочную выгоду для своей безопасности от поддержки независимости Тибета [цит. по: 18, с. 124].

В ответ новое китайское правительство решило продвигать процесс мирных переговоров посредством военных действий. В конце июня НОАК начала переправляться через р. Цзиньша (верховья р. Янцзы). Индийское правительство отреагировало быстро: Паниккар трижды обсуждал тибетский вопрос с китайским правительством, заявляя, что индийское правительство не заинтересовано в том, чтобы решать тибетский вопрос военным путем, и предложил, чтобы автономия Тибета была достигнута путем мирных консультаций в рамках суверенитета Китая. Это был первый случай, когда Индия признала суверенитет Китая над Тибетом, но не сюзеренитет, к которому ранее призывало индийское правительство [13].

Таким образом, можно видеть, что Неру путем мирных переговоров пытался установить особый статус Индии в Тибете, но он также понимал, что Индия не может послать военные силы для прямого вмешательства и может использовать только дипломатические средства, чтобы предотвратить вторжение сил НОАК в Тибет.

Политика Индии в отношении Тибета после входа в него Национально-освободительной армии Китая

Из-за того, что местное тибетское правительство взяло курс на оттягивание приезда в Пекин на переговоры, правительство Китая решило перейти к военной операции. НОАК 19 октября 1950 г. нанесла местным тибетским войскам серьезное поражение в сражении при Чамдо, после чего было объявлено об официальном вводе войск в Тибет.

Эти военные действия вызвали в Индии мощнейший резонанс. Правительство Индии трижды – 21, 28 октября и 1 ноября – направляло ноты правительству Китая, в резких выражениях заявляя о том, что «сожалеет» и «шокировано» такими методами. В нотах говорилось, что действия Китая в Тибете дадут противостоящим Китаю странам повод для антикитайской пропаганды. Это также скажется на проблеме восстановления места КНР в ООН. «Если Китай не прикажет своим войскам прекратить продвижение в Тибете, правительство Индии более не будет настаивать на приезде тибетской делегации в Пекин» [16, с. 92].

Поведение Индии, касающееся других вопросов, угрожало китайскому правительству. 18 октября секретарь Министерства иностранных дел Менон в неофициальной ноте послу Китая в Индии выразился предельно ясно: «Китайское правительство должно знать о наших непрерывных усилиях по сохранению дружественных чувств к Китаю, о нашем вхождении в ООН, о будущих перспективах Формозы (о. Тайвань. – У Б.), о том, что сделано и в других направлениях и, наконец, решить северокорейскую проблему» [цит. по: 21, с. 35]. Несложно увидеть, что это была серия дипломатических наступлений со стороны индийского правительства, целью которого было не допустить проникновения сил НОАК в Тибет.

Но китайское правительство заняло твердую позицию по этому вопросу. Мао Цзэдун отметил: «Подход должен быть жестче. Китайские войска должны дойти в Тибете до всех пунктов, до которых нужно дойти, – вне зависимости от желания местного правительства вести переговоры и от итогов этих переговоров. Здесь нет места для вмешательства каких-либо иностранных государств» [цит. по: 19, с. 145]. Правительство Китая дало Индии суровый ответ, выступив против вмешательства иностранных государств во внутреннюю политику Китая в Тибете и выразив глубокое сожаление по поводу того, что Индия под влиянием антикитайских сил рассматривает ввод китайских войск в Тибет как несчастье [17, с. 167–168].

Кроме направления дипломатических нот, Индия провела на высоком уровне совещание с участием руководителей Министерства иностранных дел, а также военных и разведывательных ведомств для обсуждения

возможности военного вмешательства в освобождение Китая Тибета. Большинство чиновников во главе с Пателом высказались за жесткий курс, который предполагал бы военное вмешательство. Однако у индийского военного руководства было более четкое представление о соотношении китайских и индийских вооруженных сил. Начальник штаба армии отметил, что проблема индийских войск состоит в их необученности действиям на больших высотах и скудном боевом опыте в сравнении с китайской армией. Кроме того, военных сил не хватает из-за давления на пакистанском фронте и внутренних распрей между религиозными группами, и можно выделить лишь один батальон солдат для вмешательства [3, с. 80–81].

Из-за неспособности Индии включиться в ход событий Тибет с его слабыми силами вновь попал под контроль китайского правительства. Кроме того, на фоне следовавших одна за другой побед НОАК в Корейской войне и речи президента США Г. Трумэна об атомной бомбе, в Азии поднялась волна антизападных настроений. Неру понял, что крайне трудно будет выйти победителем из противостояния с Китаем, который является сильной страной, способной дать отпор вызовам со стороны США. В случае начала военного вмешательства существует также риск расширения конфликта. Поэтому для Индии было более выгодно занять промежуточную позицию.

Китайское правительство также осознавало, что из-за географической отдаленности Тибета ему необходима поддержка Индии по ряду аспектов, включая торгово-экономическое сотрудничество и транспортировку зерна в Тибет. Кроме того, Китаю было необходимо содействие Индии на международной арене по Корейской войне, поэтому он не занимал жесткую позицию. Индийское правительство 16 ноября получило от Китая ноту, составленную в умеренном тоне. Китайское правительство, хотя и заявляло о том, что неизбежно объединит Тибет с остальной частью страны, но и не выступало против прав и интересов Индии в Тибете. Более того, оно выражало готовность разрешить ситуацию мирным путем за счет дипломатических средств [17, с. 178].

Эта нота смягчила накал страстей в Индии, ведь отправной точкой всех ее политических подходов было сохранение привилегий в Тибете и обеспечение собственной безопасности. Поэтому, несмотря на внутривнутриполитическую борьбу и повторяющиеся призывы в СМИ к изменению курса правительства в отношении Китая, Неру прекрасно понимал, что в условиях невозможности военного вмешательства и переплетения внутренних и внешних трудностей лишь достижение некоего соглашения с Китаем на дипломатическом уровне и помощь Тибету в осуществлении самоуправления «на протяжении нескольких

десятилетий» позволит избежать ухудшения отношений с Китаем и защитить права и интересы Индии в Тибете. Индии нет необходимости вступать с Китаем в конфронтацию по тибетскому вопросу, а дипломатические каналы являются самым подходящим путем для дальнейших действий Индии по вопросу Тибета. В одном из писем Пателу Неру отметил: «Мы не можем выручить Тибет так, как нам того хотелось бы, а наши попытки прийти ему на помощь создали бы для него еще больше трудностей. Возможно, нам удастся помочь Тибету сохранить более широкую автономию – это было бы выгодно обеим сторонам. Но, чтобы этого достичь, следует действовать только на дипломатическом уровне во избежание ухудшения нынешней и без того напряженной ситуации между Китаем и Индией» [цит. по: 9, р. 170].

В этой ситуации позиция Неру изменилась. Он заявил, что «не намерен впредь вмешиваться» в мирное освобождение Тибета. 12 февраля 1951 г. он заявил в индийском парламенте следующее: «Хотя мы опечалены некоторыми событиями в Тибете, но это не влияет на нашу политику и желание поддерживать дружественные отношения с Китайским народным правительством. Я с радостью отмечаю, что в настоящее время наши отношения с Новым Китаем дружественные» [цит. по: 1, р. 24].

Невзирая на значительные разногласия внутри индийского правительства по поводу политики в отношении Китая, существовало единство мнений о необходимости усиления обороны границ. В ноябре 1950 г. правительство Индии специально создало комитет из представителей министерств обороны, транспорта, внутренних и иностранных дел для того, чтобы изучать «проблемы, вызванные вторжением НОАК в Тибет, а также с целью дать рекомендации о принятии соответствующих мер для укрепления транспорта, связи и обороны в приграничных районах Индии» [цит. по: 3, р. 122].

Одновременно с дипломатическими представлениями в адрес Китая Неру приказал пограничным частям пересечь закрепленную традицией и обычаем линию между двумя странами и поглотить китайскую территорию, чтобы это стало свершившимся фактором. Одновременно с тем, когда 2 февраля 1951 г. Индия и Мьянма протестовали в Генассамблее ООН против предложенной США резолюции о преступной агрессии Китая в Корее, индийское правительство выдвинуло войска, которые заняли важный политический и религиозный центр в Тибете – Таванг.

Что касается намерения Индии оккупировать Таванг, правительство Индии в своей директиве губернатору провинции Ассам от 10 декабря 1950 г. заявило: «В прошлом тибетцы всегда оспаривали эту землю, и уже один этот факт является чрезвычайно сильным аргументом, нам

необходимо оспорить эту землю до того, как это сделают тибетцы или китайцы, чтобы эффективно занять эту территорию» [цит. по: 8, р. 416]. Из-за продолжающейся Корейской войны правительство Китая не заявило протеста, и такое молчаливое согласие было ошибочно интерпретировано Индией как возможность дальнейшего расширения своих границ [10, р. 24].

Несмотря на это, Неру все еще пытался повлиять на переговоры о мирном освобождении Тибета. 27 марта 1951 г. два члена тибетской делегации, отправившиеся в Пекин через Индию для участия в мирных переговорах, везли с собой письмо от Далай-ламы к Неру с просьбой дать совет по предстоящим переговорам, а также с предложением к индийскому правительству выступить посредником. Неру не давал никаких обещаний, однако на встрече с этими представителями сказал: «Предполагается, что КПК предложит следующие три пункта». И далее подробно объяснил свою позицию: «Во-первых, нужно вернуть Тибет китайской семье. Если вы этого не признаете, вы не сможете вести переговоры. На международных картах уже давно указано, что Тибет принадлежит Китаю, так что необходимо это признать. Во-вторых, должно быть единое совместное управление тибетской дипломатией Китаем. Если вы этого не признаете, вы не сможете вести переговоры, поэтому вам придется это признать. В-третьих, Народно-освободительная армия должна войти в Тибет. Если Тибет согласится, у него в будущем будет много трудностей. Так как Индия соседствует с Тибетом, для нас это очень опасно, поэтому нельзя соглашаться. Необходимо использовать умные методы, чтобы защитить политические и экономические права Тибета, но также следует помнить, что нельзя воевать с Китаем, поскольку победить будет невозможно» [цит. по: 15, с. 23].

Таким образом, несмотря на то, что Неру признавал Тибет неотъемлемой территорией Китая, он все же просил представителей Тибета во время мирных переговоров отказать китайскому правительству в направлении войск в Тибет, поскольку его целью по-прежнему являлась защита особых прав и интересов Индии в Тибете.

Правительство Неру отказалось от мысли о вооруженном вмешательстве в освобождение Тибета центральным правительством Китая и активно стимулировало тибетские местные власти к переходу к мирным переговорам. Поражение при Чамдо нанесло серьезный удар по военным силам Тибета, а его местное правительство было вынуждено изменить свою позицию. Весной 1951 г. Далай-лама XIV принял всю полноту власти, и в апреле тибетская делегация прибыла в Пекин. Китайское правительство и местное тибетское правительство 23 мая подписали «Соглашение между центральным народным правительством

Китая и местным тибетским правительством о мероприятиях по мирному освобождению Тибета» («Соглашение из 17 пунктов»).

Подписание этого соглашения ознаменовало мирное решение тибетского вопроса и заложило основу для дальнейшего развития китайско-индийских отношений. Однако индийское правительство стремилось сохранить свои особые интересы в Тибете и постоянно захватывало приграничные территории, что было неприемлемо с точки зрения коренных национальных интересов Китая и стало подводным камнем на пути дальнейшего развития отношений между двумя странами.

Выводы

После обретения независимости Индия попыталась унаследовать все британские интересы в Тибете, однако, по причине резких изменений ситуации в самом Китае и ограниченной национальной мощи Индии, не произошло опрометчивого военного вмешательства. Вместо этого военная помощь была использована для укрепления местной военной мощи в Тибете, таким образом увеличив препятствия для китайского правительства на пути освобождения Тибета. В то же время это побудило тибетское правительство изгнать ханьцев из Тибета и расширило влияние Индии в Тибете.

После образования КНР Неру обнаружил, что прежняя британская политика в отношении Тибета не может продолжаться, ее необходимо своевременно корректировать, уделяя особое внимание дипломатическим средствам. Для решения тибетского вопроса необходимо делать попытки использовать дипломатию, чтобы сдержать и уравновесить китайское правительство.

После того, как НОАК начала операцию в тибетском уезде и округе Чамдо, открылась дверь к мирному освобождению Тибета, и Неру осознал, что бессилён помешать КНР освободить Тибет. Он признал, что Тибет является неотъемлемой территорией Китая, и поддержал переговоры о мирном освобождении Тибета, однако попытка противостояния НОАК, дислоцированной на тибетской границе, и подписание мирного соглашения также заложили хорошую основу для развития китайско-индийских отношений. Но правительство Пекина настаивало на том, чтобы Тибет был реинтегрирован в политическую систему, в то время как Индия посягала на границы прилегающих к Тибету территорий и надеялась и дальше пользоваться всеми особыми интересами в Тибете, которые существовали в британский период. Противоречий между национальными интересами двух стран невозможно было избежать, и это также оставляло скрытую опасность для будущих конфликтов.

Библиографический список / References

1. Jetly N. India China relations, 1947–1977: Jetly N. A study of parliament's role in the making of foreign policy. New Jersey, 1979. P. 24.
2. Lamb A. China, India & Tibet 1914–1950: History of imperial diplomacy. Hertingfordbury, 1989. P. 518.
3. Mullik B.N. My years with Nehru, the Chinese betrayal. Mumbai, 1971.
4. Nehru J. Letters to Chief Ministers, 1947–1964. Vol. 1. New Delhi, 1985.
5. Nehru J. Selected works of Jawaharlal Nehru. Second series. Vol. 8. New Delhi, 1990.
6. Nehru J. Selected works of Jawaharlal Nehru. Second series. Vol. 10. New Delhi, 1990.
7. Richardson H.E. Tibet and its history. L., 1962.
8. Shukla S. Forging new frontiers: Integrating Tawang with India. 1951. Vol. 48. China Report. 2012. No. 4. P. 416.
9. Subramanian S. India's China perspective. New Delhi, 2001.
10. 古普塔著：“中印边界秘史” 杜永彬译。北京：中国藏学出版社，1990。[Gupta K. Zhongyin bianjie mishi [The secret history of Sino-Indian Border]. Translated by Du Yongbin. Beijing, 1990.]
11. 梅·戈尔斯坦：“喇嘛王国的覆灭” 杜永彬译。北京：中国藏学出版社，2005年 [Gerstein M. Lama Wangguode huimie [The fall of the Lama Kingdom. Transl. by Du Yongbin. Beijing, 2005.]
12. 内维尔·马克斯韦尔著：“印度对华战争” 北京：世界知识出版社，1981年。[Maxwell N. Yindu dui Hua zhanzheng [India's war against China]. Beijing, 1981.]
13. 熊真：“一对外交官夫妇的足迹” 南京：江苏人民出版社。1995。[Xiong Zhen. “Yidui waijiaoguan fufude zuji” [Signs of the spouses diplomatic activities]. Nanjing, 1995.]
14. 师哲回忆，李海文整理“师哲回忆录——在历史巨人身边” 北京：中央文献出版社，1995年。[Shi zhe huiyilu, lihaiwen bianzhu, “shi zhe huiyilu – yu lishi juren tongxing” [Records of Shi Zhe's memoirs. On the body of the historical giant]. Beijing, 1995.]
15. 土丹旦达：“关于和平解放西藏办法的协议签订前后”，西藏自治区政协文史资料编辑部编：“西藏文史资料选辑 北京：民族出版社，2007年。[Tudandanda. “Guanyu heping jiefang Xizang banfade xieyi qiandeng qianhou”, Xizang zizhi qu zhengxie wenshi ziliao bianjibu bian [Concerning the situation before and after signing the agreement on peaceful liberation of Tibet]. Selected materials on Tibet History. Beijing, 2007.]
16. 谢益显：“中国当代外交史，1949–2001” 北京：中国青年出版社，2002年。[Xie Yixian. Zhongguo dangdai waijiaoshi, 1949–2001 [The contemporary history of China's diplomacy, 1949–2001]. Beijing, 2002.]
17. 西藏自治区党史资料征集委员会编：“和平解放西藏” 拉萨：西藏人民出版社，1995。[Xizang zizhi qu dangshi ziliao zhengji weiyuanhui bian “Heping jiefang Xizang” [“The Peaceful Liberation of Tibet” compiled by the Tibet Autonomous Region Party history materials collection committee]. Lhasa, 1995.]
18. 孜本夏格巴·汪秋德丹：“西藏政治史”，李有义译北京：中国社会科学民族研究所历史研究室藏族史组，1978年。[Zepon Wangchuk Deden

- Shapakba. Wangqiu Dedan: "Xizang zhengzhishi [The political history of Tibet]. Li Youyi (transl.). Beijing, 1978.].
19. 中共西藏自治区党史资料征集委员会编 "1949–1966中共西藏党史大事记". 拉萨, 1995年. [Zhonggong Xizang zizhiq dangshi ziliao zhengji weiyuanhui bian 1949–1966 Zhonggong Xizang dangshi dashiji [Selected materials on the history of the Party in Tibet Autonomous Region. The records of main events in the history of the Central Committee of Tibet Party Organization in 1949–1966]. Lhasa, 1995.]
 20. 中国和印度关于两国在中国西藏地方的关系问题、中印边界问题和其他问题来往文件汇编. 中华人民共和国外交部, 1960年. [Zhongguo he Yindu guanyu liangguo zai Zhongguo Xizang difangde guanxi wenti, Zhong Yin bianjie wenti he qita wenti lai wang wenjian huibian [Selected documents on the problems of China-Indian border and others problems of relations between China and India concerning. Local Relations between China and Tibet]. The PRC Ministry of Foreign Affairs, 1960.]
 21. 中华人民共和国外交部、中共中央文献研究室编“毛泽东外交文选”. 北京, 1994年. [Zhonghua renmin gongheguo waijiaobu, Zhonggong Zhongyang wenxian yanjiushi bian Mao Zedong waijiao wenxuan [Selected documents of the PRC Ministry of Foreign Affairs and the CCP Central Committee. Selected speeches of Mao Zedong about foreign policy]. Beijing, 1994.]
 22. 中央文献研究室编 “建国以来刘少奇文稿” 北京: 中央文献出版社, 1998年. 第1册. 第2页. [Zhongyang wenxian yanjiushi bian “Jianguo yilai Liu Shaoqi wengao” [Edited by Central Documentation Office “Records of Liu Shaoqi after Liberation”]. Beijing, 1998. Vol. 1. Part 2.]

Статья поступила в редакцию 22.02.2025, принята к публикации 09.04.2025
The article was received on 22.02.2025, accepted for publication 09.04.2025

Сведения об авторе / About the author

У Бинь – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Wu Bin – postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History of Asian and African Countries of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: wubinfrank@163.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-124-139

УДК 327.7

Д.О. Матяшова

Санкт-Петербургский государственный университет,
119034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Организация Объединенных Наций и построение эмоционального режима вокруг устойчивого развития: вызовы и решения

Исследование эмоций в контексте международных организаций способствует углублению понимания принципов их функционирования. В этом контексте изучение Организации Объединенных Наций (ООН) как субъекта, генерирующего и транслирующего политические эмоции по поводу решения глобальных проблем современности, представляет собой актуальную задачу. В статье анализируется, каким образом ООН стимулирует и транслирует эмоции по поводу устойчивого развития и с какими вызовами при этом сталкивается. Для этого концепция устойчивого развития рассматривается в контексте эмоциональных режимов У. Редди. Вспомогательным методом для анализа эмоционального режима по поводу устойчивого развития служит сентимент-анализ с помощью языковой модели distilBERT. В результате выявлено, что ООН формирует эмоциональный режим по поводу устойчивого развития, выделяя конкретные и близкие индивидам объекты сопереживания, транслируя эмоции из различных источников с разными целевыми аудиториями, обеспечивая единство эмоционального режима с точки зрения регистра транслируемых эмоций. В то же время вызовами для ООН остается ослабление ассоциативных связей между практиками устойчивого развития и самой организацией, а также рассогласованность в поддержании режима субъектами и необходимость для ООН предоставлять площадку для несогласных с идеями устойчивого развития, выражающих по этому поводу негативные эмоции.

© Матяшова Д.О., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: устойчивое развитие, Организация Объединенных Наций, политические эмоции, эмоциональный режим, Уильям Редди, сентимент-анализ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Матяшова Д.О. Организация Объединенных Наций и построение эмоционального режима вокруг устойчивого развития: вызовы и решения // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 124–139. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-124-139

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-124-139

D.O. Matyashova

Saint Petersburg State University,
119034, Saint Petersburg, Russian Federation

The United Nations and constructing an emotional regime around sustainable development: Challenges and solutions

The study of emotions in the context of international organizations contributes to a deeper understanding of the principles of their functioning. In this context, the study of the United Nations (UN) as an entity generating and transmitting political emotions regarding the solution of global problems of our time is a relevant task. The article analyzes how the UN stimulates and transmits emotions regarding sustainable development and what challenges it faces in doing so. For this purpose, the concept of sustainable development is considered in the context of U. Reddy's emotional regimes. An auxiliary method for analyzing the emotional regime regarding sustainable development is sentiment analysis using the distilBERT language model. As a result, it was revealed that the UN forms an emotional regime regarding sustainable development by identifying objects of empathy that are specific and close to individuals, by transmitting emotions from various sources with different target audiences, by ensuring the unity of the emotional regime in terms of the register of transmitted emotions. At the same time, the weakening of associative links between sustainable development

practices and the organization itself, as well as the lack of coordination in the maintenance of the regime by actors, and the need for the UN to provide a platform for those who disagree with the ideas of sustainable development and express negative emotions about it remain challenging for the UN.

Key words: sustainable development, United Nations, political emotions, emotional regime, William Reddy, sentiment analysis

FOR CITATION: Matyashova D.O. The United Nations and constructing an emotional regime around sustainable development: Challenges and solutions. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 124–139. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-124-139

Изучение фактора эмоций в международных отношениях, популяризованное в начале 2000-х гг., сохраняет востребованность в современных политических исследованиях. Среди данных работ выделяются исследования, посвященные эмоциям в контексте международных организаций. Так, А.-М. Худ изучает особенности и формы эмоциональной привязанности индивидов к Европейскому Союзу как эмоциональному сообществу, объединенному общими ценностями и моральными императивами [17, р. 12–13]. Дж. Хоган анализирует Африканский Союз как сообщество безопасности, на нормы которого воздействует чувство стыда [15, р. 88]. В категорию эмоциональных сообществ безопасности С. Кошут помещает НАТО [19], в то время как М. Халилович и Р. Робертс анализируют чувства сообществ жителей Боснии и Герцеговины, связанных с Североатлантическим Альянсом¹.

Данное направление представляется актуальным как с методологической, так и с общетеоретической точек зрения. Во-первых, оно углубляет знания об участниках международных отношений, отличных от классических суверенных государств и не сводимых к их совокупности, что вносит вклад в понимание феномена акторности. Во-вторых, оно обращает внимание на то, каким образом эмоции вырабатываются и проявляются в рамках организаций, что углубляет знание о принципах их функционирования. В-третьих, оно позволяет выявить, как коллективная и надгосударственная сущность организаций воздействует на их политическую субъектность, отражаемую в дискурсивном и эмоциональном как его части.

¹ Halilović M., Roberts R. The Geopolitics of Emotion: Emotional Perceptions of NATO in Bosnia and Herzegovina // Atlantic Initiative. 2024. URL: <https://atlantiskainicijativa.org/wp-content/uploads/2024/10/Policy-Paper-Emotional-Perceptions-of-NATO-in-Bosnia-and-Herzegovina.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

В этом смысле изучение Организации Объединенных Наций (ООН) как актора, генерирующего и транслирующего политические эмоции, представляет собой актуальную задачу. С одной стороны, международное сообщество возлагает на ООН функцию решения глобальных проблем, например, изменения климата, нарушения прав меньшинств, ликвидации последствий многосторонних конфликтов, борьбы с бедностью и пр. Успешная работа по решению этих проблем зависит от способности организации к эффективной мобилизации ресурсов, в т.ч. за счет стимулирования коллективных эмоций по поводу существующих вызовов и угроз. С другой стороны, международное сообщество, а вместе с ним и ООН сталкивается со значительными сложностями с выполнением этой функции. Так, по данным МВФ, даже до пандемии COVID-19 мировые экономические и экологические тренды отклонялись от показателей, которые позволяли бы достичь целей устойчивого развития к 2030 г.²

На фоне этого ООН рассматривается в сообществе исследователей, изучающих политические эмоции, в основном, не как самостоятельный актор, стимулирующий у мирового сообщества чувства по поводу глобальных проблем современности, а как площадка для трансляции чувств других акторов–личностей, государств и их блоков. Так, О.Ю. Пашкевич и К.М. Табаринцева-Романова рассматривают Совет Безопасности ООН как пространство для выстраивания политического дискурса на глобальном уровне, в т.ч. с помощью эмоционально окрашенных высказываний, которые служат инструментами хеджирования, применяемого национальными государствами [10, с. 95–96]. Л.Э. Гейвандян, рассматривая дискурс, формируемый Гретой Тунберг, также видит в ООН прежде всего площадку для трансляции эмоций отдельной личности [1]. Аналогичного подхода придерживаются Т.М. Голубева и Т.А. Поскребышева, для которых объектом анализа становится дискурс о российско-сирийском конфликте, модифицируемый США на площадке ООН [2]. А. Джонс и Дж. Кларк рассматривают ООН как пространство, в рамках которого разворачивается «дипломатическое представление» (diplomatic performance), включающее в себя эмоциональный элемент [18, р. 1265], но в данном случае организации отводится роль среды, а не самостоятельного субъекта, транслирующего эмоции. Схожий подход демонстрирует и М. Гольцева, выделяющая чувствительные темы, по поводу которых дипломаты в ООН

² Benedek D., Gemayel E.R., Senhadji A.S., Tieman A.F. A Post-Pandemic Assessment of the Sustainable Development Goals // International Monetary Fund, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2021/04/27/A-Post-Pandemic-Assessment-of-the-Sustainable-Development-Goals-460076> (дата обращения: 14.03.2025).

высказываются эмоционально [16, р. 18]. Исключением может служить исследование Ю.Ю. Колотаева, который отмечает, что структуры системы ООН, в частности, ЮНЕСКО, предлагают меры по регулированию эмоциональных режимов, для которых характерно применение риторики ненависти [5, с. 522]. Тем не менее, данная регуляция носит характер мягкого права и ориентирована на узкую проблематику.

При этом ООН и входящие в систему ее организаций международные структуры способны генерировать демонстрирующий и стимулирующий эмоции контент. Примерами могут служить выступления функционеров, представляющих ООН в публичном пространстве, например, речь Антониу Гуттериша на Всемирном экономическом форуме в Давосе, насыщенная эмоциональными метафорами («Пандоров ящик бед», «процентные платежи, съедающие 27% доходов африканских государств», «реформа образов мыслей», «зависимость от углеводородного топлива – монстр Франкенштейна», «под постоянной тенью ядерного уничтожения»)³. При этом эмоциональной насыщенностью отличаются и официальные документы, адресованные не широкой публике, а экспертам и политикам. Примером может служить введение к Обзору Международной комиссии по окружающей среде и развитию в докладе «Наше общее будущее» комиссии Г.Х. Брундтланд, где были выражены одновременно чувства надежды («надежды Комиссии на будущее могут сбыться...») и тревоги («наша задача – выступить с предупреждением – срочным предупреждением»)⁴.

Цель исследования заключается в выявлении подходов, с помощью которых ООН как политический субъект стимулирует и транслирует эмоции по поводу устойчивого развития, и вызовов, с которыми организация при этом сталкивается. Для этого концепция устойчивого развития и ее практическое воплощение в представленной работе рассматриваются в контексте эмоциональных режимов У. Редди, которая в данном случае служит моделью, устанавливающей связь между политической властью – проявлением политической субъектности, и регулированием эмоциональных проявлений. Модель Редди дополнена за счет выявления инструментов, необходимых политическому субъекту для построения стабильных эмоциональных режимов.

³ Davos 2025: Special Address by António Guterres, Secretary-General, United Nations // World Economic Forum, 2025. URL: <https://www.weforum.org/stories/2025/01/davos-2025-special-address-by-antonio-guterres-secretary-general-united-nations/> (дата обращения: 14.03.2025).

⁴ ООН. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / под ред. Г.Х. Брундтланд. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

В качестве одного из инструментов для характеристики эмоционального режима по поводу устойчивого развития служит сентимент-анализ двух отличных друг от друга массивов текста – плана действий ООН в сфере устойчивого развития “Transforming our world: The 2030 Agenda for Sustainable Development”⁵, принятого в 2015 г., и корпуса постов генерального секретаря ООН Антониу Гуттериша в социальной сети X⁶, содержащих слова *sustainable* и *development* и опубликованных с апреля 2017 по март 2025 г.⁷ Выборка обусловлена фокусом на устойчивом развитии и релевантностью плана действий для избранного периода. Посты со страницы генерального секретаря были отобраны вручную посредством алгоритма “from: antonio gutterres sustainable development” в адресной строке.

В свою очередь, выбор разнородных текстовых массивов связан с необходимостью сравнения заявлений ООН для разных адресатов: для экспертного сообщества, политиков и активистов в случае с планом действий и для более массовой аудитории в случае с постами генерального секретаря ООН. Сентимент-анализ был произведен с использованием языковой модели distilBERT⁸. В качестве модели анализа тональности была использована distilbert/distilbert-base-uncased-finetuned-sst-2-english из библиотеки предобученных моделей Hugging Face’s Transformers⁹. Единицами анализа служили отдельные предложения, тональность которых кодировалась в соответствии с коэффициентами: 1 – позитивная; 0 – нейтральная; –1 – негативная.

Для обработки текстовых массивов – разделения их на отдельные предложения – были использованы материалы программной библиотеки spaCy¹⁰.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в общественных науках произошел т.н. эмоциональный поворот, который выражался в росте интереса исследователей к фактору эмоций в социальных процессах. Он был простимулирован, с одной стороны, работами бихевиористов, которые рассматривали эмоции как часть коммуникационного механизма,

⁵ The 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 14.03.2025).

⁶ Заблокирована в России на основании решения Генеральной прокуратуры в соответствии со статьей 15.3 закона «Об информационных технологиях и защите информации».

⁷ António Guterres. X. URL: <https://x.com/antonioguterres> (дата обращения: 14.03.2025).

⁸ Sanh V., Debut L., Chaumond J., Wolf T. DistilBERT, a distilled version of BERT: smaller, faster, cheaper and lighter. 2019. URL: [arXiv preprint arXiv:1910.01108](https://arxiv.org/abs/1910.01108). (дата обращения: 14.03.2025).

⁹ Transformers Documentation. Hugging Face. URL: <https://huggingface.co/docs/transformers/index> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁰ spaCy. URL: <https://spacy.io/> (дата обращения: 14.03.2025).

нацеленного на научение индивида одобряемым в обществе реакциям, с другой – постмодернистскими поисками дискурсивных оснований для социальных процессов. Изначально исследования, проводимые в рамках эмоционального поворота, содержали общие описания механизмов воздействия эмоций на индивидов и социальные группы. Примерами таких работ могут служить «Социологическая пронизательность» Р. Коллинза [4] и «Управляемое сердце» А. Хохшильд [12].

Позднее исследователи эмоций в социальном стали ориентироваться на более узкие объекты изучения, например, конкретные исторические периоды (С. Брумхолл – Раннее Новое время [14], А. Зорин – период Екатерины II в России [3], Д. Буке и П. Надь – Средние века [13]) или определенные сообщества, например, сословия или классы (Т. Роган – аффективный фактор моральных экономий пролетариата [7; 21, р. 7]), религиозные объединения (Б. Розенвейн – трансформация выражения эмоций в раннесредневековой христианской Западной Европе [22, р. 70]). Это способствовало выработке описательных моделей регулирования эмоциональных проявлений в контексте власти, поскольку рассматриваемые периоды и сообщества характеризовались конкретными социокультурными и социально-политическими особенностями, создавшими возможности для проявления эмоций.

Одной из ключевых моделей, выработанных в рамках данного направления, стали эмоциональные режимы У. Редди. Под ними он понимал совокупность эмотивов – дискурсивных актов, одновременно демонстрирующих эмоции и нацеленных на их изменение, которые предписаны в конкретном сообществе и связаны с ним ритуалами и символическими практиками [9, с. 420; 20]. В данной модели прослеживаются акценты на контроле над проявлением эмоций в публичном пространстве и принуждению к их демонстрации и переживанию в определенных структурах (армия, школа, церковь) [9, с. 420], а также на подкреплении эмоциональными режимами режимов политических.

Для осуществления принуждения субъекту, выстраивающему эмоциональный режим в этой логике, необходимо располагать инструментами как для стимулирования эмоций, так и для их сдерживания. К инструментам для стимулирования эмоций можно отнести различные дискурсивные элементы (от отдельных метафор или указывающих на чувства слов до сложных текстов и их корпусов, а также аудиовизуальных материалов, отсылающих к таким текстам), телесные практики, помещенные в локальный культурно-дискурсивный контекст (например, публичные шествия, символизирующие единение по какому-либо вопросу), и их комбинации (например, лозунги на политических демонстрациях). Эффективность такого инструментария зависит от способности, с одной

стороны, простимулировать эмоции у как можно большего числа индивидов, с другой – добиться стабильной воспроизводимости этих эмоций. Данные компоненты значимы, поскольку массовые и регулярно воспроизводимые эмоции служат одновременно мотиваторами для вовлечения в долговременные политические процессы и элементами поддержания стабильности существующих институтов.

Стабильная воспроизводимость, в свою очередь, зависит от способности объектов воздействия эмоционального режима регулярно вовлекаться в переживание транслируемых эмоций на материально-физическом, дискурсивном и эмоционально-идентичностном уровнях, т.е. совершать действия, простимулированные эмоциями или служащие инструментами их стимуляции, потреблять и воспроизводить контент, выражающий те или иные эмоции, и эмоционально соотносить себя с переживающим данные эмоции сообществом или объектом, по поводу которого предлагается их переживать. Примером может служить флэшмоб “Je suis Charlie” («Я – Шарли»; «Шарли» здесь – французское издание политической сатиры Charlie Hebdo, редакция которого подверглась атаке террористов 7 января 2015 г.), в рамках которого широкое сообщество интернет-пользователей выражало скорбь по жертвам террористического акта, осуждение терроризма и энтузиазм по поводу ценности свободы слова. Это выражалось в публичном соотношении себя с жертвами террористического акта посредством дискурсивных актов (использование траурных аватарок в социальных сетях и хэштегов #JeSuisCharlie) или участия в уличных акциях памяти¹¹. Позднее схожий инструментарий – модифицированные лозунги с начальным “Je suis...” («Я есть...») и их распространение в социальных сетях – использовался для выражения скорби по жертвам других терактов (например, 13 ноября 2015 г. в Париже¹² или 22 марта 2016 г. в Брюсселе¹³).

Обеспечение стабильной воспроизводимости эмоций в режимах представляет собой вызов, как в силу массового вовлечения индивидов в переживание и демонстрацию эмоций, так и в силу появления противопоставляющих себя режиму субъектов, которые могут либо скрываться в «эмоциональных убежищах» – пространствах, где они могут

¹¹ “Je suis Charlie”. В мире скорбят о жертвах теракта в редакции парижской газеты // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1687385> (дата обращения: 14.03.2025).

¹² Attentats de Paris : après #JeSuisCharlie, #JeSuisParis. CNews. URL: <https://www.cnews.fr/france/2015-11-14/attentats-de-paris-apres-jesuischarlie-jesuisparis-715779> (дата обращения: 14.03.2025).

¹³ Cartoon tributes after Brussels terror attacks show ‘Je Suis Bruxelles’ is a unified cry // Romper. URL: <https://www.romper.com/p/cartoon-tributes-after-brussels-terror-attacks-show-je-suis-bruxelles-is-a-unified-cry-7533> (дата обращения: 14.03.2025).

проживать ненормативные эмоции, либо открыто демонстрировать свой отличный от режима стиль чувствования. Так, одновременно с флэшмобом “Je suis Charlie” в социальных сетях протекала аналогичная акция “Je ne suis pas Charlie” («Я не Шарли»), участники которой выражали негативные эмоции по отношению к редакционной политике издания и членам сообщества, солидаризировавшего себя с Charlie Hebdo¹⁴.

В связи с этим политическим субъектам для формирования и поддержания эмоциональных режимов, помимо инструментов стимуляции, необходимы инструменты сдерживания. Они могут включать прямой контроль за выражением эмоций, обычно в рамках публичных мероприятий или внутри узких сообществ, а также осуждение – публичное или скрытое – проявления ненормативных эмоций. Примером может служить реакция отдельных пользователей социальных сетей на флэшмоб “Je ne suis pas Charlie” – обвинение провозглашающих лозунг в «поддержке жестокости в ответ на искусство, в цинизме, равно как и варварстве»¹⁵.

В то же время эффективность инструментов сдерживания прямо пропорциональна авторитету и власти, которыми уже располагает субъект, создающий и укрепляющий режим, и обратно пропорциональна масштабности режима, т.е. числу тех, на кого он пытается воздействовать. Это связано с тем, что у большего в абсолютных числах количества несогласных с продвигаемыми эмоциональными режимами больше ресурсов для формирования эмоциональных убежищ, в то время как от власти и авторитета субъекта – создателя режима зависит его способность препятствовать консолидации убежищ или альтернативных режимов.

В качестве примера можно привести ситуацию в городах Ростовской области и Краснодарского края 1920-х и начала 1930-х гг. Так, в Ростове несогласные с советской властью казаки, по свидетельству Н.А. Быкова, «на... тайных сходах... вспоминали старые времена, говорили об ужасном положении казаков и всего населения России при сов[етской] власти и строили всевозможные несбыточные планы на будущее, питая надежду, что когда-нибудь и для них наступят “золотые денечки”»¹⁶. В данном случае имело место непризнание авторитета советской власти и продвигаемых ею эмоциональных режимов. С.С. Перов, анализируя ситуацию с казаками в своей статье, сопоставил

¹⁴ Je Ne Suis Pas Charlie : Mouvement à Contre-Courant sur les Réseaux. HuffPost. URL: https://www.huffpost.com/archive/qc/entry/je-ne-suis-pas-charlie-mouvement-a-contre-courant-sur-les-resea_n_6431688 (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Быков Н.А. Казачья трагедия. Нью-Йорк, 1959. С. 61.

их поведение с поведением рядовых рабочих на Дону и Кубани. Заводские работники в этом регионе открыто выражали свои отрицательные эмоции по поводу роста норм выработки и понижения тарифов оплаты труда, несмотря на попытки советской власти стимулировать энтузиазм по поводу перевыполнения планов и сформировать восприятие труда как подвига [8, с. 25]. В данном случае можно говорить о формировании альтернативного режима в условиях, когда группа его сторонников многочисленна и располагает ресурсами для консолидации (в частности, статусом «правлящего класса и самого прогрессивного слоя населения» [Там же, с. 24] для рабочих).

Таким образом, политическому субъекту, который стремится выстроить эмоциональный режим, необходим инструментарий стимулирования эмоций, обеспечивающий их переживание на материально-физическом, дискурсивном и эмоционально-идентичностном уровнях, а также инструментарием сдерживания. Эффективность сдерживания прямо пропорциональна авторитету и власти, которыми уже располагает субъект, и обратно пропорциональна масштабности режима.

ООН представляет собой специфический политический субъект. С одной стороны, организация предоставляет своим членам – государствам – платформы (например, саммит Генеральной Ассамблеи) для трансляции их собственных мнений (и эмоций) относительно международных проблем. С другой стороны, функции ООН не сводятся к созданию пространства для репрезентации государственных позиций: организация ставит перед собой цели поддержания мира и безопасности на планете и решения глобальных проблем, претендуя таким образом на представительство мирового сообщества в целом. Решение этих проблем достигается за счет функционирования системы ООН – совокупности специализированных учреждений, программ и фондов¹⁷.

Потенциально это создает возможности для формирования глобального эмоционального режима. В то же время отдельные индивиды не воздействуют на решения, принимаемые в рамках ООН, напрямую, а работа организации, направленная на решение глобальных проблем, на индивидуальном уровне опосредована деятельностью национальных государств или некоммерческих организаций (НКО). В результате ослабевает то, что А.-М. Худ называет «индивидуальной эмоциональной привязанностью» к международному объединению [17, с. 5], т.е. способностью соотносить себя с ним и его ценностями, а также испытывать эмоции по поводу его деятельности.

¹⁷ Система ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-system> (дата обращения: 01.04.2025).

В случае с концепцией устойчивого развития, выработанной в 1970–1980-х гг. под непосредственным влиянием ООН (например, в разработке Всемирной стратегии охраны природы 1980 г. – первого международного документа, где содержалось упоминание устойчивого развития [6, с. 114] – принимали участие Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) и Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)¹⁸), имела место попытка ответить на данный вызов. Во-первых, устойчивое развитие само по себе определялось как модель экономики, при которой «удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»¹⁹, т.е. объектом сопереживания становились будущие поколения, с которыми индивидам комфортнее себя ассоциировать, чем с универсальной организацией в целом. Во-вторых, при дальнейшем воплощении концепции устойчивого развития в жизнь ООН выделила конкретные цели (8 целей развития тысячелетия в 2000 г. и 17 целей устойчивого развития в 2015 г.), ориентированные на защиту либо конкретных уязвимых групп (женщин, бедных, неграмотных и пр.), либо конкретных объектов биосферы (лесов, морских экосистем и пр.). Это способствует четкому очерчиванию объектов сопереживания на индивидуально-личностном уровне и стимулирует к конкретным эмоционально заряженным действиям на материально-физическом уровне.

На дискурсивном уровне ООН активно стимулирует эмоции по поводу устойчивого развития и работе по его достижению. В эмоциональное стимулирование вовлечены различные элементы системы организации: генеральный секретарь как главный публичный представитель, специализированные учреждения, программы и фонды как ответственные за конкретные направления, специализированные группы (например, группа ООН по устойчивому развитию – ГООНУР). Это способствует диверсификации инструментов эмоционального стимулирования: например, на платформе ГООНУР для информирования об инициативах организации, направленных на достижение целей устойчивого развития, применяется прием

¹⁸ «Зеленый мир – международные экологические организации». Электронное справочное издание // Тверская областная универсальная научная библиотека им. А.М. Горького. URL: http://old-www.tverlib.ru/izdaniya/zeleny_mir/programmi.html (дата обращения: 01.04.2025).

¹⁹ ООН. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / под ред. Г.Х. Брундтланд. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

сторителлинга²⁰, что усиливает сочувствие уязвимым группам, в то время как ФАО создает видеоматериалы, наглядно демонстрирующие прогресс в достижении целей устойчивого развития²¹ и стимулирующие гордость за эту деятельность.

В то же время эмоциональный режим ООН по поводу устойчивого развития остается единым и последовательным. Это достигается за счет того, что высказывания об устойчивом развитии от различных источников внутри ООН последовательно транслируют схожий регистр эмоций, вне зависимости от того, какой аудитории они адресованы и какой формат. Иллюстрацией данной особенности могут служить план действий ООН в сфере устойчивого развития “Transforming our world: The 2030 Agenda for Sustainable Development”²² и высказывания генерального секретаря организации об устойчивом развитии в разных контекстах в сети Х²³. Данные корпуса текстов различаются одновременно целевой аудиторией (эксперты, активисты и лица, принимающие решения в сфере политики, в случае с планом действий, и широкий круг интернет-пользователей), характером источника (официальный документ, подготовленный группой специалистов, и высказывания конкретного индивида), форматом (последовательный документ и корпус кратких публикаций). Тем не менее сентимент-анализ демонстрирует, что, несмотря на различия, эти тексты носят близкую эмоциональную окраску. Ни план действий ООН в сфере устойчивого развития, ни высказывания генерального секретаря об устойчивом развитии в Х²⁴ не содержат нейтрально окрашенных предложений, а показатели средней тональности у них составляют 0,85 и 0,685, что говорит о ярко выраженной положительной окраске.

С основным вызовом в построении эмоционального режима вокруг устойчивого развития ООН сталкивается на материально-физическом уровне. ООН может главным образом поощрять, поддерживать и стимулировать практики, направленные на реализацию целей устойчивого

²⁰ Активное долголетие: ЮНФПА помогает Казахстану использовать потенциал растущего числа пожилых людей // ГООНУР. URL: <https://unsdg.un.org/ru/latest/stories/активное-долголетие-юнфпа-помогает-казахстану-использовать-потенциал-растущего-числа> (дата обращения: 01.04.2025).

²¹ Справочный центр по целям в области устойчивого развития // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций. URL: <https://www.fao.org/sustainable-development-goals-helpdesk/ru> (дата обращения: 01.04.2025).

²² The 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 14.03.2025).

²³ Зabloкирована в России на основании решения Генеральной прокуратуры в соответствии со ст. 15.3 закона «Об информационных технологиях и защите информации».

²⁴ Зabloкирована в России на основании решения Генеральной прокуратуры в соответствии со ст. 15.3 закона «Об информационных технологиях и защите информации».

развития, в то время как непосредственная организация таких практик возлагается на государства, сообщества, компании, группы интересов, НКО и пр. Данный подход сформировался в 1990-х гг., когда в Повестке дня на XXI век была предложена концепция национальных стратегий устойчивого развития²⁵. С одной стороны, это делает эмоциональный режим по поводу устойчивого развития более стабильным: во-первых, схожие эмоции по одним и тем же вопросам стимулируются у разных целевых аудиторий, во-вторых, у государств лучше, чем у международных организаций, получается выстраивать индивидуальные эмоциональные привязанности за счет опоры на местную идентичность. С другой стороны, в результате этого практики, в рамках которых выражаются эмоции по поводу устойчивого развития, начинают ассоциироваться не с самой ООН, а с другими субъектами.

Поддержание эмоционального режима по поводу устойчивого развития не только со стороны ООН, но и со стороны других политических субъектов упрощает сдерживание ненормативных эмоций: их проявление может подвергнуть осуждению сразу ряд государств и организаций, что делает давление на проявивших ненормативные эмоции более интенсивным. Тем не менее вызовом становится рассогласованность действий между задействованными в поддержании режима субъектами. Другим вызовом остается необходимость для ООН выполнять роль универсального форума и предоставлять площадку для выступлений в том числе для тех, кто не согласен с продвигаемыми ею режимами. Примером может ситуация с выступлением бразильского президента Жаира Болсонару на Генеральной Ассамблее ООН в 2019 г. В своей речи Болсонару выразил негативные эмоции по отношению к тем, кто провозглашает леса Амазонии «наследием человечества» и «легкими планеты», позиционируя такую риторику, проистекающую из холистического подхода к устойчивому развитию, угрозой суверенитету Бразилии²⁶. Риторику Болсонару осудили Международная амнистия²⁷ и Всемирный фонд дикой природы²⁸. В то же время термин «устойчивое развитие» в этом

²⁵ Национальные стратегии устойчивого развития (НСУР) // ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам. URL: <https://sdgs.un.org/ru/topics/national-sustainable-development-strategies> (дата обращения: 1.04.2025).

²⁶ Brazilian President speaks out against ‘media lies’ surrounding Amazon fires // United Nations. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/09/1047192> (дата обращения: 1.04.2025).

²⁷ Входит в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации» Минюста России (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

²⁸ Входит в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации» Минюста России (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

контексте использовал Всемирный фонд дикой природы²⁹, в то время как Международная амнистия³⁰ отослала к «климатической справедливости» – близкой, но более узкой концепции.

Таким образом, ООН способствует формированию эмоционального режима по поводу устойчивого развития за счет выделения конкретных и близких индивидам объектов сопереживания, трансляции эмоций из различных источников с разными целевыми аудиториями, единства эмоционального режима с точки зрения регистра транслируемых эмоций и привлечения к стимулированию эмоций государств и НКО. В то же время вызовами для ООН остается ослабление ассоциативных связей между практиками устойчивого развития и самой организации из-за существования «посредников», а также рассогласованность действий между задействованными в поддержании режима субъектами и необходимость для ООН предоставлять площадку для не согласных с идеями устойчивого развития и выражающих по ее поводу негативные эмоции.

Библиографический список / References

1. Гейвандян Л.Э. Эмоциональная аргументация в политическом дискурсе: на материале выступления Греты Тунберг в ООН // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 10. С. 232–236. [Geyvandyan L.E. Emotional argumentation in political discourse: By the example of Greta Thunberg's UN speech. *Philology. Theory & Practice*. 2020. Vol. 13. No. 10. Pp. 232–236. (In Rus.)]
2. Голубева Т.М., Поскребышева Т.А. Языковые и риторические средства делегитимизации России и Сирии в речи представителей США при ООН // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. 1. С. 68–70. [Golubeva T.M., Poskrebysheva T.A. Language and rhetorical means of delegitimization of Russia and Syria in the speech of the USA representatives in the United Nations. *Philology. Theory & Practice*. 2017. No. 4 (70). Part 1. Pp. 68–70. (In Rus.)]
3. Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. 2-е изд. М., 2024. [Zorin A.L. Poyavlenie heroja: iz istorii russkoj emocionalnoj kultury koncza XVIII – nachala XIX veka [The appearance of the hero: From the history of Russian emotional cultures of the late 18th – early 19th centuries]. Moscow, 2024.]

²⁹ Входит в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации» Минюста России (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

³⁰ Входит в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации» Минюста России (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

4. Коллинз Р. Социологическая проникаемость: Введение в неочевидную социологию / пер. с англ. В.Ф. Анурина. М., 2004. [Collins R. Sociologicheskaya proniczatelnost: Vvedenie v neochevidnyuyu sociologiyu [Sociological insight: An introduction to Non-Obvious Sociology]. Moscow, 2004.]
5. Колотаев Ю.Ю. Политические последствия цифровизации риторики ненависти в эпоху постправды: влияние на эмоциональные режимы в ходе цифровых конфликтов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 517–529. [Kolotaev Yu.Yu. Political implications of hate speech digitalization in a Post-Truth Era: Impact on emotional regimes in digital conflicts. *RUDN Journal of Political Science*. 2022. No. 24 (3). Pp. 517–529. (In Rus.)]
6. Левина Е.И. Понятие «Устойчивое развитие». Основные положения концепции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 11 (79). С. 113–119. [Levina E.I. “Sustainable development” notion. The main provisions of conception. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2009. No. 11 (79). Pp. 113–119. (In Rus.)]
7. Николай Ф. История эмоций: три версии // Новое литературное обозрение. 2019. № 156 (2). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20912/ (дата обращения: 14.03.2025). [Nickolai F. The history of emotions: Three versions. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2019. No. 156 (2). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20912/ (In Rus.)]
8. Перов С.С. Выражение эмоций в среде пролетариата городов Кубани и Дона в 1920–1930 годы // Научный журнал. 2017. № 1 (14). С. 24–27. [Perov S.S. Expression of emotions among the proletariat of the cities of Kuban and Don in the 1920–1930s. *Nauchny zhurnal*. 2017. No. 1 (14). Pp. 24–27. (In Rus.)]
9. Плампер Я. История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. 2-е изд. М., 2018. [Plamper J. Istoriya emocij [The history of emotions: An introduction]. Moscow, 2018.]
10. Табаринцева-Романова К.М., Пашкевич О.Ю. Стратегии хеджинга в политическом дискурсе (на примере заседания Совета Безопасности ООН по вопросу гражданской войны в Ливии 2011 г.) // Tempus et memoria. 2018. Т. 13. № 2/176. С. 93–99. [Tabarinceva-Romanova K.M., Pashkevich O.Yu. Hedging strategies in political discourse (using the example of the UN Security Council meeting on the issue of the civil war in Libya in 2011). *Tempus et memoria*. 2018. Vol. 13. No. 2/176. Pp. 93–99. (In Rus.)]
11. Фрейзер Н. Фуко о современной власти: эмпирические прозрения и нормативная путаница / пер. с англ. В. Макарова // Неприкосновенный запас. 2013. № 88 (2). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/88_nz_2_2013/article/10410/ (дата обращения: 14.03.2025). [Fraser N. Foucault on modern power: Empirical insights and normative confusion. *Debates on Politics and Culture*. 2013. No. 88 (2). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/88_nz_2_2013/article/10410/ (In Rus.)]
12. Хокшильд А.Р. Управляемое сердце: коммерциализация чувств / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. В. Данилова. М., 2019. [Hochschild A.R.

- Upravlyаемoe serdce: kommercializaciya chuvstv [The managed heart: Commercialization of human feeling]. Moscow, 2019.]
13. Boquet D., Nagy P. Medieval sensibilities: A history of emotions in the Middle Ages. Transl. R. Shaw. Cambridge, 2018.
 14. Early modern emotions: An introduction. S. Broomhall (ed.). New York, 2016.
 15. Hogan J.J. Shame, exasperation and institutional design: The African Union as an emotional security community. *African and Asian Studies*. 2023. No. 22 (1-2). Pp. 88–112.
 16. Holtseva M. Emotions in the diplomatic speech of the United Nations Security Council in 2023. *Linguarum Universe*. 2023. Vol. 1. Issue 1. Pp. 17–24.
 17. Houde A.M. Emotions, international relations, and the everyday: Individuals' emotional attachments to international organizations. *Review of International Studies*. 2023. Vol. 51. No. 3. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/review-of-international-studies/article/emotions-international-relations-and-the-everyday-individuals-emotional-attachments-to-international-organisations/82A7FFF2D8ED4874B4DFF27C999D9830#article> (date accessed: 14.03.2025).
 18. Jones A., Clark J. Performance, emotions, and diplomacy in the United Nations Assemblage in New York. *Annals of the American Association of Geographers*. 2019. No. 109 (4). Pp. 1262–1278.
 19. Koschut S. Emotional (security) communities: The significance of emotion norms in inter-allied conflict management. *Review of International Studies*. 2014. No. 40 (3). Pp. 533–558.
 20. Reddy W.M. The navigation of feeling: A framework for the history of emotions. Cambridge, 2001.
 21. Rogan T. The moral economists: R.H. Tawney, Karl Polanyi, E.P. Thompson and the critique of Capitalism. L., 2017.
 22. Rosenwein B.H. Emotional communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025, принята к публикации 19.05.2025
The article was received on 17.03.2025, accepted for publication 19.05.2025

Сведения об авторе / About the author

Матяшова Дарья Олеговна – аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Daria O. Matyashova – PhD student at the Department of Theory and History of International Relations of the Faculty of International Relations, Saint Petersburg University, Russian Federation

E-mail: dasham0708@mail.ru

Документ
с комментарием

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-140-156

УДК 94(481).062

А.Л. Волков

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
414056 г. Астрахань, Российская Федерация;

Астраханский филиал Международного юридического института,
414000 г. Астрахань, Российская Федерация

Несколько замечаний к «Журналу Военным действиям Голландской экспедиции, бывшей в 1799-м году»

Статья посвящена одному из наименее изученных событий отечественной военной истории – англо-русской экспедиции в Голландию в 1799 г. В отечественном научном обороте практически полностью отсутствуют документы военно-оперативного характера, посвященные данной операции. Несмотря на то, что «Журнал военным действиям Голландской экспедиции, бывшей в 1799-м году» был известен дореволюционным историкам, до настоящего времени он никогда полностью не издавался. Приводится всестороннее исследование содержащейся в журнале информации, в т.ч. и на основе воспоминаний участников кампании, обширного числа архивных документов. Автор приходит к выводу, что «Журнал...», несмотря на свою ценность как современного операции военного документа, все же полноценно военные события экспедиции не отражает, поскольку, по всей видимости, был скорректирован уже после завершения кампании.

© Волков А.Л., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Голландская экспедиция 1799 г., битва при Бергене, битва при Бакуме, генерал И.И. Герман, генерал И.Н. Эссен, журнал военных действий

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Волков А.Л. Несколько замечаний к «Журналу Военным действиям Голландской экспедиции, бывшей в 1799-м году» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 140–156. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-140-156

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-140-156

A.L. Volkov

Astrakhan State University name of V.N. Tatishchev,
Astrakhan, 414056, Russian Federation;

Astrakhan Branch of the International Law Institute,
Astrakhan, 414000, Russian Federation

A few remarks on the “Journal of military operations of the Dutch Expedition of 1799”

The article is devoted to one of the least studied events of the Russian national military history – the Anglo-Russian expedition to Holland in 1799. In domestic scientific circulation, there are practically no military-operational documents dedicated to this operation. Even though the 'Journal of military operations in the Dutch expedition in 1799' was known to pre-revolutionary historians, it has never been fully published until now. The publication also conducts a comprehensive study of the information contained in the journal, including on the basis of memoirs of the participants of the campaign, as well as an extensive number of archival documents. As a result, the author comes to the conclusion that the Journal, despite its value as a modern military document, still does not fully reflect the military events of the expedition, because apparently it was corrected after the end of the campaign.

Key words: Helder Expedition of 1799, Battle of Bergen, Battle of Bakum, General I.I. Hermann, General I.N. Essen, Journal of Military Operations

FOR CITATION: Volkov A.L. A few remarks on the “Journal of military operations of the Dutch Expedition of 1799”. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 140–156. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-140-156

Участие русской армии в экспедиции в Голландию в 1799 г. является для российской исторической науки малоизученной темой, не подвергавшейся углубленному изучению отечественными историками. В этой связи серьезного системного анализа и публикации официальных документов, связанных с экспедицией, с момента выхода капитального труда Д.А. Милютина «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году» не осуществлялись. Исключением служит «Рассуждения о завоевании Голландии, представленное на благо-рассмотрение г. Дундаса...», найденное Н.В. Шимоновой [8, с. 36–47].

Прежде всего отметим, что журналы военных действий с начала XVIII в. играли важную роль не только в военной документации, но и являлись ценным документом, систематизировавшим и накапливавшим военный опыт. Вследствие этого ведение данных документов в царствование Екатерины II возлагалось на офицеров Генерального штаба [1, с. 85]. 13 ноября 1796 г. (все даты даны по старому стилю) император Павел I упразднил Генеральный штаб, но уже 16 ноября 1796 г. была образована Свита Е.И.В. по квартирмейстерской части, которой были переданы функции упраздненного Генерального штаба, в т.ч. в области ведения военных журналов. Исходя из опыта ведения данных документов ранее, подразумевалось, что в военные журналы вносилась ежедневная подробная информация как о боевых действиях войск, так и об их передвижениях и состоянии, равно как и информация о знаменательных событиях, произошедших в кампании, хотя какие-либо инструкции и указания на этот счет в период правления Павла I до настоящего времени не найдены.

Собственно говоря, сам «Журнал Военным действиям Голландской экспедиции, бывшей в 1799-м году», относящийся к комплексу источников военно-оперативного характера, не является чем-то неизвестным отечественным дореволюционным историкам. Ссылку на него мы находим у Милютина [9, с. 259, 364], а в первом томе «Хронологического указателя военных действий русской армии и флота 1695–1800 гг.» он стал основой соответствующего раздела, но с корректурой и вставками авторов издания [7, с. 225–228]. Однако современные отечественные историки, занимающиеся данной темой (А.А. Егоров, А.А. Куницын, К.Б. Назаренко), в центре внимания которых были вопросы участия

русской армии в Голландской экспедиции и чьи работы фактически заложили в современной историографии основы обновленного взгляда на причины, цели, задачи и результаты данной операции, упустили из внимания «Журнал...» и не упоминают его в своих исследованиях [2, с. 37–42; 3–5; 7, с. 161–175].

На сегодняшний день «Журнал...» хранится в Российском государственном военно-историческом архиве, в фонде 846 (Военно-ученый архив), оп. 16, т. 1, д. 2869, ч. 1. К сожалению, сам документ в оригинале до нашего времени не сохранился и представлен в формате микрофильма. Примечательно, что в названном деле имеется и ч. 2, в которой также в формате микрофильма хранится идентичная копия данного журнала.

Документ по размеру небольшой, всего 7 листов, 5 из которых исписаны с обеих сторон крупным, разборчивым почерком. Пропусков и разрывов нет, последовательность, хронология и внутренняя логичность документа сохранены. Орфография, построение фраз и пунктуация позволяют уверенно датировать документ концом XVIII – началом XIX вв. Таким образом, его подлинность не вызывает сомнений. Вместе с тем, при ознакомлении с текстом «Журнала...» невозможно не обратить внимание на ряд особенностей данного документа.

Комментируемый текст, по всей видимости, был написан одним человеком, судя по почерку и стилю изложения. Это чистовик, пометки встречаются всего в одном-двух местах, чего не могло быть, если бы «Журнал...» заполнялся в походе, где ошибки и их исправление неизбежны. Кроме того, как указывалось выше, заполнение журнала – обязанность офицера-квартирмейстера. В составе корпуса было четыре офицера Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части: майоры Г.Н. Струков, Р.Е. Ренни, капитан Ф.Я. Эйхен 2-й и прапорщик Гиорт [1, с. 164]. Из них капитан Эйхен в Голландию не попал, он был отправлен курьером в Англию. Майор Струков исполнял обязанности бригад-майора до 8 сентября 1799 г., когда попал в плен после ожесточенного боя под г. Бергеном. Майор Ренни в битве при Бергене не участвовал и прибыл к войскам корпуса только после 9 сентября. При этом очевидно, что журнал должны были вести сначала майор Струков, затем Ренни – два разных человека со своими почерками, формой изложения событий, в т.ч. и в эмоциональном отношении, однако ничего подобного мы не наблюдаем. Таким образом, можно предполагать, что журнал редактировался и переписывался начисто, скорее всего, уже после возвращения в Россию.

В пользу данной версии свидетельствует еще ряд особенностей «Журнала...». Прежде всего, это описание отплытия русского экспедиционного корпуса, где отсутствует упоминание о том, что из трех кораблей,

перевозивших 1-ю дивизию, после шторма вернулись в Ревель, причем отремонтированы были только два, а с третьего солдат пришлось разместить на британских судах [4, с. 62]. Обратим внимание и на описание боевых действий. Так, в разделе, посвященном битве при Бергене, изложение в «Журнале...» значительно отличается от действительности, на что обратил внимание Милютин [6, с. 345–346]. Действительно, в «Журнале...» сказано, что «в 4 часа пополудни войска по данной диспозиции собрались на сборных местах и по собрании в 5 часов по трех пушечному сигналу против Шлапердина перешед вал...»¹. Данное утверждение не соответствует действительности. Начало атаки русского отряда было связано с тем, что передовые егеря неожиданно натолкнулись на французские пикеты, завязалась перестрелка, которая постепенно усиливалась. В результате генералу И.И. Герману фон Ферзену ничего не оставалось, как поддержать свои передовые отряды. Аналогичные причины указывает и британский капитан Г. Тейлор, состоявший в то время офицером связи при русской колонне².

Известие о начале активных действий авангарда генерал Герман получает примерно в 02:30 и «спустя короткое время» приказывает основным силам начать атаку – примерно в 03:00 утра [Там же, с. 345–346]³. Генерал-майор И.Н. Эссен указывает в своем рапорте начало атаки «в четвертом часу утра». Кроме того, в описании битвы отсутствует упоминание о расстройстве русских войск после взятия д. Грут, хотя это стало одним из важнейших эпизодов атаки, равно как и поражение французского отряда полковника Ростоллана у д. Схролдамс. Нет в «Журнале...» ни слова о поведении в бою британской бригады генерала Маннерса и 7-го полка легких драгун, которые самовольно вышли из сражения, а также о погоде, а ведь во время сражения дул настолько сильный ветер, что он заглушал не только голосовые команды, но и барабанные сигналы, при этом периодически начинался сильный дождь. Все это, при условии, что «Журнал...» заполняется в тот же день или на следующий, не могло не быть отражено в нем.

Кроме того, вступивший в командование корпусом генерал Эссен открыто заявлял, что битва была проиграна вследствие того, что русские войска фактически были брошены своими союзниками. Он писал в рапорте императору, что войска, расстрелявшие все патроны, противостояли превосходящему их числом неприятелю, в то время как англичане

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846 (Военно-ученый архив). Оп. 16. Т. 1. Д. 2869. Ч. 1. Л. 2 об.

² Fortescue J.B. The manuscripts of J.B. Fortescue preserved at Dropmore. Vol. V. L., 1906. P. 417.

³ Там же.

«положили атаковать с нами в одно время, но опоздали двумя часами, а по каким причинам, то мне неизвестно, что много воспрепятствовало одержанной над неприятелем победе. Из сил выбившееся от усталости войско, имевшее только штыки для своей обороны, стало отступать без порядку»⁴.

Таким образом, помещение в «Журнале...» описания сражения, подобного тому, которое мы рассматриваем, в период с сентября по ноябрь 1799 г. вряд ли было возможно в силу принципиальной позиции генерала Эссена.

Наконец, попробуем определить, кто мог вести данный журнал. До 15–17 сентября, скорее всего, это был поручик Угаров из сводно-гренадерского батальона майора Эриксона, который 17 сентября сдал дела по квартирмейстерской части майору Ренни⁵, т.к. перед сражением при Алкмаре именно Ренни отвечал за места сбора и маршрут движения к ним ударных колонн, что является прямой задачей офицера Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части⁶.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в «Журнале...» написано, что «при замешательстве там (в Бергене. – А.В.) взяли в плен Командующего корпусом Генерал лейтенанта Германа, Бригад Майора Струкова и раненого полковника Штрика»⁷, а также «в сие сражение убит Генерал Лейтенант Жеребцов, штаб и обер Офицеров с неизвестно пропавшими 43. Нижних чинов 1749⁸, раненых указывается штаб и обер-офицеров 50. Нижних чинов 1235»⁹.

Но 8 сентября в русском штабе ничего о судьбе генерал-лейтенанта Германа не знали. Генерал Эссен четко пишет в приказе от 9 сентября, что принимает командование корпусом «по неизвестности, где теперь находится Генерал лейтенант Герман»¹⁰. При этом приказ о подсчете потерь в сражении и предоставлении соответствующих рапортов отдается 10 сентября¹¹. Окончательно потери будут подсчитаны и оформлены рапортом от 13 сентября, в котором в т.ч. будет указано, что генерал Жеребцов был убит (на самом деле ранен, попал в плен и умер в плену. – А.В.),

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1799. № 80. С. 1993.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 3. Д. 40. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 10 об.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846 (Военно-ученый архив). Оп. 16. Т. 1. Д. 2869. Ч. 1. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 3 об.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 2. Д. 37. Л. 1.

¹¹ Д. 40. Л. 1–1 об.

взяты в плен генерал Герман и майор Струков [6, с. 348]. Кроме того, потери, указанные в «Журнале...» и подсчитанные на 13 сентября, идентичны, но, как мы уже убедились, в период 9–10 сентября никаких точных данных о потерях в распоряжении русского командования не было, из чего следует вывод, что указанные данные вписывались уже после 13 сентября. О пленении генералов Германа и Жеребцова стало известно, по всей видимости, 10 сентября, что подтверждается письмом генерала Эссена к генерал-майору П.М. Капцевичу¹².

Примечательно, что битва при Алкмаре изображена в целом верно, при этом, в отличие от описания сражения при Бергене, в раздел добавлено упоминание о действиях англичан, в т.ч. бригады генерал-майора Кута. А вот описание баталии при Бакуме 25 сентября вновь вызывает недоумение. Прежде всего, отметим, что ожесточенный бой происходил не только у д. Бакум, но и за д. Кастрикум, причем об этой деревне в «Журнале...» не упоминается совершенно, хотя она несколько раз переходила из рук в руки, а само сражение постоянно превращалось в отчаянные рукопашные схватки, которые французский историк Э. Гашо назвал «резней» [10, р. 291]. Деревня Бакум была взята войсками генерал-майора А.К. Седморацкого рано утром. В «Журнале...» имеется указание, что французы, «отражая несколько раз наши войска и выгнав из Бакума, где место положение было окруженное лесом и сражаясь с обеих сторон с упорностью и в разсуждение (так в тексте. – А.В.) тесного прохода и канав, отбили наших 8 орудий...»¹³, не соответствует действительности, т.к. уже в конце сражения русские части после ожесточенной борьбы отбросили французов из д. Бакум [6, с. 81]. Генерал Эссен так напишет об этой битве в рапорте императору: «Ген[ерал]-м[айор] Седморацкий пошел в 8 ч[асов] утра мужественно вперед и скоро имел желаемый успех; но Английская колонна, назначенная для прикрытия правого нашего фланга, не двинулась. Сражение с обеих сторон было очень жаркое и на штыках. В половине второго часа превосходный числом неприятель, чувствуя важность занятых нами возвышенностей (у Кастрикума. – А.В.), устремил на них все свои силы, но, видя наш правый фланг без защиты, окружил его. Я посылал к Английскому генералу, который пришел наконец с колонною своею в 4 часа после полудни, и неприятель в 6 ч[асов] был прогнан с большим уроном; но, между тем, потеряли мы и сами много людей» [Там же, с. 360].

¹² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 2; Там же. Д. 37. Л. 1 об.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 16. Т. 1. Д. 2869. Ч. 1. Л. 5 об.

В «Журнале...» о британском участии в сражении скромно указывается, что «как скоро в 4 часа пополудни пришли английские войска, начали также сражаться и по многим сопротивлениям сражение происходило до 7-ми часов вечера. Темнота ночи оное уже прервала, когда стало уже поздно, то наши войска заняли прежнее свое местоположение...»¹⁴. Отметим, что майор Ренни участвовал в битвах при Алкмаре и Кастрикуме и при заполнении «Журнала...» не мог допустить вышеуказанных неточностей ни в отношении хода сражения, ни в отношении времени появления англичан на поле боя.

Интересно, что в «Журнале...» упоминается, что 26 сентября при отступлении к Бергенброку «за неимением лошадей и повозок было оставлено 216 тяжелораненых солдат»¹⁵. Вместе с тем, эвакуация госпиталей из Эгмонд-оп-Гуф не была завершена не по причине «отсутствия повозок и лошадей», а из-за их нехватки как у русских, так и у английских войск [З, с. 135].

В завершение отметим еще ряд особенностей. Например, в «Журнале...» указано, что 7 октября «пополудни в 8 часов прислано повеление от герцога Йоркского»¹⁶, что сделано (так в тексте. – А.В.) с французами перемирие, и в то время на всех постах объявлено о сем через бригад-майора (так в тексте. – А.В.)¹⁷. Однако данная дата не подтверждается приказами по корпусу. Так, «повеление о перемирии» было доведено до войск приказом от 8 октября¹⁸. Тем более данный приказ не мог быть объявлен через бригад-майора, т.к. генерал Эссен только 29 сентября отправил на имя Павла I прошение о назначении на данную должность барона П.Р. Альбедилля¹⁹, и к 7–8 октября ответ из Петербурга просто не мог быть получен.

Странно отражен в «Журнале...» и процесс отступления русских войск из Голландии. Так, в нем упомянут только выход в Гельдер отряда генерал-майора Седморацкого 13 октября²⁰, но почему-то не указано, что остальные части, оставшиеся под командованием генерал-майора И.И. Арбенева, получили данное распоряжение

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 16. Т. 1. Д. 2869. Ч. 1. Л. 5 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Фредерик Август герцог Йоркский и Олбани, второй сын английского короля Георга III, британский фельдмаршал, главнокомандующий союзной экспедицией в Голландии.

¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846 (Военно-ученый архив). Д. 2869. Ч. 1. Л. 6.

¹⁸ Там же. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 3. Д. 40. Л. 16.

¹⁹ Там же. Д. 37. Л. 21 об.

²⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846 (Военно-ученый архив). Оп. 16. Т. 1. Д. 2869. Ч. 1. Л. 6 об.

16 и 19 октября²¹. Да и, собственно говоря, сама амбаркация (посадка на корабли – А.В.) не нашла отражения в документе. Следующая запись – отплытие 4 ноября. Остальная же информация в «Журнале...» – это констатация мест расположения войск. При этом в «Журнале...» указывается, что «3 транспорта или купеческих кораблей 7-го числа ноября прибыли к острову Гернзе (так в тексте, надо: Гернси. – А.В.), где за неимением готовых казарм простояли на рейде около 3-х недель»²². Действительно, на острове находился британский гарнизон, и пришлось спешно строить новые казармы с привлечением дополнительных рабочих, и первые бараки стали появляться только в декабре 1799 г. [5, с. 77].

Завершая краткий обзор «Журнала...», сделаем ряд выводов. Во-первых, отметим, что рапорты и документы экспедиции использовались при его составлении, по всей видимости, лишь частично, что, например, видно по описаниям сражений. Во-вторых, отображение баталий в двух из трех случаев имеет существенные нестыковки с реально произошедшими событиями, что было бы невозможно, если бы журнал составлял очевидец или участник событий в ближайшее после боя время. В-третьих, доведение журнала до августа 1800 г. и единый почерк также свидетельствуют в пользу высказанной версии, в то время как «Журнал...» как минимум в августе–октябре 1799 г. должны были заполнять два разных человека, о чем говорилось выше.

Наконец, определить время проведения коррекции журнала и причины, равно как и то, кем это было выполнено, к сожалению, не представляется возможным. И хотя «Журнал...» не несет исчерпывающей исторической информации о ходе кампании в Голландии, он является ценным источником информации об этом походе, прежде всего, как хронологическое изложение событий и как образец русской военной документации подобного рода конца XVIII в.

При публикации орфография и пунктуация оригинала «Журнала...» приведены в соответствие с современными правилами. В отдельных случаях, для передачи особенностей письменного стиля эпохи, сохранена оригинальная орфография.

²¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1536. Св. 2. Д. 37. Л. 47–48, 49 об.

²² Там же. Ф. 846 (Военно-ученый архив). Оп. 16. Т. 1. Д. 2869. Ч. 1. Л. 6 об.

Журнал Военным действиям Голландской экспедиции, бывшей в 1799-м году

1 августа

Корпус, разделенный на две дивизии, отправился из Ревеля. 1-я дивизия генерала Германа, амбаркированная на английских кораблях и частью на русских, вышла в море 1 августа.

6 августа

Вторая эскадра отправилась сего числа и прибыла к берегам Голландским на Тексельский рейд сентября 7-го дня.

1 сентября

Прибыла дивизия генерала Германа к острову Текселю, где и стали на якорь.

2 сентября

В 7-м часов по утру войска стали высаживаться с кораблей в местечке Гелдерн, где от жителей войска с великим радостным восхищением приняты были. В сей день прибыл герцог Йоркский в Гелдерн. Того же числа вечером войска пошли в поход к Петтену, а командующий остался по делам. В 4 часа пополудни на другой день выехал к войску, где и квартиру взял.

3 сентября

Наши войска заняли, где английские (так в тексте. – А.В.) содержали батареи от Петтена за Крапердаммом²³.

4 сентября

Командующий переменял квартиру в Бергенброк²⁴.

5 сентября

Неприятель сделал 6 выстрелов из пушек на Крапердам[м]скую батарею, но без всякого вреда. И в то время приказано войскам собраться на сборных местах и потом вскоре распущены, а одна рота егерей отряжена на английскую батарею для воспрещения неприятеля в случае действия, однако неприятель ничего не производил и в ночи перебежал к нам барабанщик, которой отправлен к герцогу Йоркскому.

6 сентября

Ничего важного не происходило.

7 сентября

Собраны к главнокомандующему все генералы, полковники и батальонные командиры для принятия диспозиции атаковать в будущую ночь неприятеля.

²³ Краббендам – мельница с несколькими строениями по соседству, примерно в 7 км от г. Берген.

²⁴ Бюргербрюг – небольшая деревня примерно в 9 км от г. Берген.

8 сентября

В 4 часа пополудни войска по данной диспозиции собрались на сборных местах. И по собрании в 5 часов по трехпушечному сигналу против Шлапердина²⁵ перешед вал следующим [образом] по-разному (т.е. по отдельности. – А.В.): авангард под командою генерала Судгофа: 400 егерей, батальон Осипова, 20 казаков, 4 орудия конной английской артиллерии. За ними первая линия под командою генерал-майора Эссена 1-го: полки Жеребцова, Бенкендорфа, 4 орудия от парка. Вторая линия под командою генерал-майора Арбенева: полк Арбенева, батальоны Штрика, Тимофеева, 4 орудия. От парка и все оные линии состояли под начальством генерал-лейтенанта Жеребцова. В резерве вторая часть при полковнике Штрике, английская бригада при генерал-майоре Манерсе и полк кавалерии английской. С Крапердам[м]а под командою генерал-майора Седморацкого для подкрепления английской атаки на Палмергузе²⁶, и после в Шорльдам²⁷ батальон Эриксона, полк Седморацкого, рота егерей, 4 12-фунт[овых] единорогов. Для обхода от Петтена под командованием полковника Баклановского полк Ферзена, 100 егерей, 4 пушки, эскадрон английской кавалерии, которые шли по берегу моря по горам. А прочие, выйдя к горам, лежащим вблизи от дороги, сражаясь с неприятелем, отбили у него батареи и прогоняли до местечка Бергена по лесам, и, по выходе из оногo, стали действовать против местечка, где было укреплено сильнейшими батареями. Французы, жестоко отражая и увидев, что [русские] войска в расстройстве от великой усталости, да притом и малого числа, стали усиливаться, наступать [в Бергене], где и отразили наши войска и при замешательстве там взяли в плен командующего корпусом генерал-лейтенанта Германа, бригад-майора Струкова и раненого полковника Штрика, два знамени Бенкендорфа полка и Арбенева, 12 орудий артиллерии. С нашей стороны взято два знамени и по кровопролитному сражению они (французы. – А.В.) из своего местоположения, занятого нами, по-прежнему вытеснили в прежнюю позицию. Английские и наши войска, с левого фланга от Крапердам[м]а шедшие, сражались до 5-ти часов пополудни, однако при сильном сражении возвратились также в свою позицию. В сие сражение убит генерал-лейтенант Жеребцов, штаб и обер-офицеров с неизвестно пропавшими – 43. Нижних чинов – 1749. Ранен генерал-майор Судгоф, штаб и обер-офицеров 50. Нижних чинов 1235. С французской стороны убито много, взято в плен до 1000 человек.

²⁵ Слопер-дейк – название плотины, по которой наступали русские войска по направлению к д. Грут.

²⁶ Варменхуизен – укрепленная деревня, которую в ходе битвы атаковал отряд Седморацкого и 1-й английский гвардейский полк.

²⁷ Шорлдам или Схурлдам – деревня примерно в 5 км от г. Бергена.

9 сентября

Корпус под команду свою принял генерал-майор Эссен 1-й и того числа важного ничего не случилось.

16 сентября

Прибыла к корпусу с генерал-майором Капцевичем полевая артиллерия из Гелдерна и в тот же день принял [он] под команду артиллерию, состоящую в полках и батальонах. И, в то же время, прибыл генерал-майор[а] Эмме полк и майора Митюшина батальон.

17 сентября

Был собран корпус к главному нашему парку со знаменами, где происходило молебственное богослужение, которое отправлял Жеребцова полка протоиерей Соколов [в] обще с другими от полков священниками, где и говорил приличную проповедь.

18–19 сентября

Сделана была диспозиция, однако по ней на другой день ничего важного не происходило.

20 сентября

Собраны были все генералы, полковые и батальонные командиры для получения приказа по сделанной 18-го числа диспозиции к атаке неприятеля [на] завтрашний день, обще[й], с соединенными войсками.

21 сентября

По полуночи в 5 часов войска были [готовы] к атаке на сборных местах, откуда выступили в 6 часов для достижения неприятеля тремя колоннами. 1-я, при командующем корпусом, из Шлапердана (так в тексте. – А.В.), состоящая из 50 пионер[ов], 100 егерей, батальонов Митюшина, Осипова, Огарёва с 6 пушками, где [находился] и генерал-майор Капцевич, что составлял[и] авангард под командою генерал-майора Эмме. За сим следовали под командою генерал-майора Арбенёва полки гренадерские Эмме и Жеребцова с 8-ю пушками. 2-я колонна под командою лейб-гусарского эскадрона полковника Глаткова между Шлапердина и Циберслюза²⁸, составленная из 25-ти пионер[ов], Бенкендорфа полка и 2-х рот батальона Тимофеева с 3-мя пушками. 3-я колонна под командою генерал-майора Седморацкого из Циберслюза, перейдя Алкарской канал, составленная из 50-ти пионер[ов], полка имени его²⁹, батальона Эриксона и 2-х рот полковника Тимофеева, где и сам [генерал находился] с 7 пушками, [и] 8000 англичан под началом генерала Аберкромби из Петтена

²⁸ Зайпер-слейс – небольшое местечко чуть более чем в 3 км от д. Схорл.

²⁹ Генерал-майора А.К. Седморацкого.

до Эгмонт-оп-Зе³⁰ [назначенных] для нападения с тылу на Берген. И все оные выступили в прописанном часу по сигналу пушечному в неприятельские положения, равняя все колонны по колон[н]е на правой руке. 1-я колон[н]а [достигла] дороги, лежащей вблизи Грут, где, [при]соединяясь к[о] 2[-й], последовала дальше, где встречены [были] неприятелем с батареей, которому отвечали таковыми же, сбили с оной и преследовали до селения Шорель, где сражался неприятель гораздо упорнее. Но, не взирая на выгодное оно место положение, окруженное лесом и многочисленную его (т.е. французской. – А.В.) конною артиллерией, 1-я наша колонна столь мужественно атаковала неприятеля, что по двухчасовом сопротивлении выбили его из шанцев и овладели батареями. Почему [почтя необходимым] для защищения себя, неприятель зажег предместья местечка Шорель. Оставя сие место и укрепления, побежал, увозя с собою артиллерию. 2-я и 3-я колон[н]а, сражаясь с неприятелем за каналом в закрытых местах и снабженным достаточной артиллерией, [объединенная колонна] действовала против него с неустрашимостью между Схорлским³¹ и Алкмарским каналами, понуждая неприятеля к ретираде отовсюду. Английская колон[н]а генерал-майора Кута, идущая в то же время по песчаным горам для прикрытия нашего правого фланга, при которой находились и наши егеря, действовала храбро и также принудила неприятельскую легкую пехоту ретироваться. Неприятель не мог более противиться столь храброму и сильному нападению, не держался более в сказанной местности, ушел к деревне Берген, где, окруженный лесом и множеством батарей, надеялся удержаться, но все сии препятствия не остановили войск атаковать Берген. С мужеством сражались с ним до самой ночи, и наступающая темнота принудила прекратить сражение. По тем причинам расположенные войска на ночь [заняли территорию] от песчаных гор до Алкмарского канала для прикрытия завоеванных мест [с целью] атаковать на другой день Берген, [но] много людей потерявший неприятель, не дожидаясь вторичного нападения, и воспользовавшись темнотой, ночью оставил Берген. На другой день пошли вслед за неприятелем и шли войска по дороге, ведущей к Гарлему³² и заняли местечко Эгмонт Опдер Гуфу³³ и Эгмонт Бинен. И английской генерал Аберкромби по морскому берегу занял Эгмунтобзее. От сего движения оставил неприятель Алкмар, бояся быть отрезанным, и англичане, на левом фланге находящиеся, взошли в сей город. С нашей стороны убито и безызвестно пропало штаб- и обер-офицеров 2, нижних чинов 77. Ранено: генерал[-майора] Эмме, обер-офицеров 15. Нижних чинов 372.

³⁰ Эгмонт-ан-Зе – деревня на побережье Северного моря примерно в 9 км от г. Алкмар.

³¹ По всей видимости, имеется в виду Норд Холландс Канал.

³² Гарлем (Харлем) – столица провинции Северная Голландия, расположенный примерно в 20 км западнее Амстердама.

³³ Эгмонд-оп-Гуф – деревня, находящаяся примерно в 7 км от г. Алкмар.

22 сентября

Итак, следовали войска наши за неприятелем к местечку Эгмунтобгав, где и расположились квартирами по причине, что уже французские войска ретировались далее к деревне Бакуму. В тот же день занят английскими войсками город Алкмар, а колонна генерала Аберкромби, которая шла берегом моря, заняла местечко Эгмундобзее. Из числа же наших войск авангард под командою генерал-майора Седморацкого, в коем находился полк его имени, батальоны гренадерские Эриксона, Огарёва и Осипова, подвинулся от главного корпуса к местечку Бакуму.

23–24 сентября

Ничего важного не происходило.

25 сентября

По повелению герцога Йоркского, по полуночи в 8 часов, с отрядом генерал-майор Седморацкий стал подвигаться вперед для сбития неприятеля из занимаемых постов с тем, чтобы английские войска, стоя по флангам, в то же время подвигаться будут вперед, дабы делать одновременно между собою связное движение. Скоро отряд наш прогнал неприятеля до местечка Бакум, где, увидя неприятель, что [его преследуют] только одни российские войска, и то в небольшом количестве, и в помощь других нет, устремились, отражая несколько раз наши войска и выгнав из Бакума, где местоположение было окруженное лесом, сражаясь с обеих сторон с упорностью и, в рассуждение (т.е. по причине. — *А.В.*) тесного прохода и канав, отбили наших 8 орудий. И, как скоро в 4 часа пополудни пришли английские войска, [которые] начали также сражаться и по многим сопротивлениям, сражение происходило до 7-ми часов вечера. Темнота ночи оное уже прервала, когда стало уже поздно, то наши войска заняли прежнее свое местоположение. При сем сражении убито и без вести пропало штаб- и обер-офицеров 8, нижних чинов 374. Ранено: штаб- и обер-офицеров 26. Нижних чинов 709 человек.

26 сентября

Неприятель занял прежнее свои места, а против неприятеля наш авангард содержал аванпосты. И пополудни в 8 часов велено собраться войскам, откуда по собрании ретироваться назад в Бергенброк, где, по неимению лошадей и повозок, оставили в Эгмонт обгавтрудно (т.е. тяжело. — *А.В.*) раненых 216 человек, ночь же была темная с дождем. Неприятель же не преследовал.

27 сентября

Неприятель занял свое прежнее место многими колонами по горам и к морю против Петтена, сделав покушение на петтенские укрепления, однако отражен с батарей пушечными выстрелами без всякого урона [для наших войск].

28 сентября

Неприятель с левого крыла нападал на английские посты, где была ружейная перепалка, но без всякого успеха.

29 сентября

Герцог Йоркский изъявил свое благоволение российским войскам за неустрашимость против неприятеля.

30 сентября

Передовые наши посты, стоящие в Петтене, имели с неприятелем перепалку, а две его колонны стояли у горы. При сем убито с обеих сторон по лошади.

1 октября

В 5 часов по полудни в Петтене неприятель английских до 80 женщин, взятых при ретираде в плен, вел к Петтену под прикрытием колонны, не дойдя, пустил оных в наши ретраншементы.

8 октября

Полудни в 8 часов прислано повеление от герцога Йоркского, что сделано с французами перемирие и в то время на всех постах объявлено о сем через бригад-майора в 3-м часу по полуночи. Во время хождения патрулей в Слапердине (так в тексте. – А.В.) штабс-капитаном Захарищевым, с французской стороны выстрелили из 3-х ружей и ранили тяжело часового Седморского полку в грудь, от которого на другой день умер.

12 октября

Во французском стану было торжество о приезде из Египта Бонапарта.

13 октября

Из числа состоящего Корпуса выступили из Бергенброка для амбаркирования на Гельдерском рейде под командой генерал-майора Седморского полка имени его, две роты артиллерии, рота пионер[ов], всего корпуса фурлейты³⁴, из резерва Ферзена полку батальон.

4 ноября

Выступили из Гельдерна при благополучном ветре и пошли в море войска, амбаркированные на корабли. Идя морем к назначенным зимовым квартирам на островах, Англии принадлежащих, Жерзе и Гернзе³⁵, были раздроблены частями по портам английским, а некоторые из оных были в Шотландии и Ирландии. Главная же часть войска на рейде Портсмутском, где и гаупт-квартира находилась, а 3 транспорта или купеческих кораблей 7-го числа

³⁴ Фурлейтер (фурлейт) – ездовой, нижний чин, управляющий лошадьми в артиллерийской запряжке. Входил в состав артиллерийского расчета.

³⁵ Острова Джерси и Гернси входят в группу Нормандских о-вов. По окончании кампании на них была переброшена большая часть русских войск, выведенных из Голландии. Об этом подробнее см. [5].

ноября прибыли к острову Гернзе, где за неимением готовых казарм простояли на рейде около 3-х недель. Остальные же войска, разбитые по портам, собирались по частям по мере построения казарм, а кончились [сборы] и собрались все в марте месяце 1800-го года.

26 мая 1800 г.

По распоряжению двора российско-императорского повелено было военным нашим оставить Англию и идти в пределы свои. Посему войска амбаркируются на корабли и купеческие транспорты и разделяются на две эскадры. Отправились из Англии первая эскадра в июне месяце 5-го числа, а вторая того же месяца 30-го числа. Последняя эскадра за недостатком воды и провизии принуждена была зайти в город Ярмут, оттуда отправилась в июле месяце 21-го числа. Прибыли в Россию в город Ревель августа 2-го числа, где и дебаркировались.

Библиографический список / References

1. Глиноецкий Н.П. История Русского генерального штаба. Т. 1. 1698–1825 г. СПб., 1883. [Glinoeczkij N.P. Istoriya Russkogo generalnogo shtaba [The history of the Russian General Staff]. Vol. 1. 1698–1825. St. Petersburg, 1883.]
2. Егоров А.А. Конфуз союзного войска: секретная экспедиция русских к голландским берегам // Родина. 1996. № 6. С. 37–42. [Egorov A.A. Confusion of the allied forces: The secret expedition of the Russians to the Dutch shores. *Rodina*. 1996. No. 6. Pp. 37–42. (In Rus.)]
3. Куницын А.А. «...В каком бедственном положении я нахожусь из-за отсутствия медицинского персонала...». Медицинское обеспечение Российского экспедиционного корпуса в Британии в 1799–1800 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 2. С. 132–146. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-132-146 [Kunitsyn A.A. “...The distress I am under for the want of hospital mates...”. Medical support for the Russian Expeditionary Corps in Britain in 1799–1800. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 2. Pp. 132–146. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-132-146].
4. Куницын А.А. «Ну, хорошо, раз вы этого хотите, но я не вполне с этим согласен». Миссии английского капитана Х.Р. Попхэма в Россию в 1799–1800 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 2019. № 1. С. 52–67. [Kunitsyn A.A. “Well, alright, if that’s what you want, but I don’t quite agree with it”. Missions of the English Captain H.R. Popham to Russia in 1799–1800. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. No. 1. Pp. 52–67. (In Rus.)]
5. Куницын А.А. Из истории англо-русской экспедиции в Голландию в 1799 г. Русские войска на британских островах Джерси и Гернси (1799–1800 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 4. С. 74–84. [Kunitsyn A.A. From the history of the Anglo-Russian expedition to Holland in 1799 Russian troops on the British islands of Jersey and Guernsey

- (1799–1800). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. No. 4. Pp. 74–84. (In Rus.)]
6. Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I. Т. 5. СПб., 1853. [Milyutin D.A. Istoriya vojny 1799 goda mezhdu Rossiej i Franciej v czarstvovanie imperatora Pavla I [The history of the war of 1799 between Russia and France during the reign of Emperor Paul I]. Vol. 5. St. Petersburg, 1853.]
 7. Назаренко К.Б. Голландская экспедиция русской армии 1799 г. В контексте коалиционных войн конца XVIII – начала XIX в.: Источниковедческий аспект. Предварительные итоги исследования, источников // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 17. С. 161–175. [Nazarenko K.B. The Dutch expedition of the Russian army in 1799. In the context of the coalition wars of the late 18th and early 19th centuries: A source-based aspect. Preliminary results of the study, sources. *Trudy istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2014. No. 17. Pp. 161–175. (In Rus.)]
 8. Шимонова Н.В. К вопросу о подготовке Голландской экспедиции 1799 г. союзных войск Великобритании и России // Вестник Московского гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2011. № 3. С. 36–47. [Shimonova N.V. On the preparation of the Dutch expedition of 1799 of the allied forces of Great Britain and Russia. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2011. No. 3. Pp. 36–47. (In Rus.)]
 9. Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Т. 1. 1695–1800 гг. СПб., 1908. [Chronologicheskij ukazatel voennyh dejstvij ruskoj armii i flota [Chronological index of military operations of the Russian army and navy]. Vol. 1. 1695–1800. St. Petersburg, 1908.]
 10. Gachot E. Les Campagnes de 1799, Jourdan en Allemagne et Brune en Hollande. Paris, 1906.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025, принята к публикации 17.03.2025
The article was received on 13.02.2025, accepted for publication 17.03.2025

Сведения об авторе / About the author

Волков Алексей Леонидович – аспирант кафедры истории факультета истории и социальных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева; преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Астраханский филиал Международного юридического института

Alexey L. Volkov – postgraduate student at the Department of History of the Faculty of History and Social Communications, Astrakhan State University name of V.N. Tatishchev; lecturer at the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines, Astrakhan Branch of the International Law Institute

E-mail: volkovl@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-157-163

УДК 929

Б.Б. Давыдов

независимый исследователь,
121357, г. Москва, Российская Федерация

Первый раз в архиве. Начало исследовательской деятельности В.Б. Кобрин (1944–1945 гг.)

Владимир Борисович Кобрин – известный советский и российский историк, крупный специалист по истории, источниковедению, археографии и генеалогии России XV–XVI вв. Его научную биографию традиционно начинают с поступления на исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 1946 г. Найденная в Российском государственном военно-историческом архиве анкета 14-летнего Володи Кобрин с запросом о разрешении работать с документами архива позволяет скорректировать эти данные. Кроме анкеты, публикуется отношение, которое он получил от руководства Московского городского Дома пионеров, и карточка учета его посещений архива.

Ключевые слова: В.Б. Кобрин, советская историческая наука, Московский городской Дом пионеров и октябрят, Российский государственный военно-исторический архив, архивные документы

Благодарности. Автор выражает признательность за помощь при работе над этой статьей А.Ю. Донскому и начальнику отдела публикации документов Российского государственного военно-исторического архива С.А. Харитонову.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Давыдов Б.Б. Первый раз в архиве. Начало исследовательской деятельности В.Б. Кобрин (1944–1945 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 157–163. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-157-163

© Давыдов Б.Б., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-157-163

B.B. Davydov

Independent researcher,
Moscow, 121357, Russian Federation

First time in the archive. The beginning of V.B. Kobrin's research activity (1944–1945)

Vladimir Borisovich Kobrin is a famous Soviet and Russian historian, a major specialist in the history, source studies, archeography and genealogy of Russia in the 15th–16th centuries. His academic biography traditionally begins with his admission to the history department of the Lomonosov Moscow State University in 1946. This data allows us to correct the fact that a questionnaire from 14-year-old V. Kobrin was found in the Russian State Military Historical Archive with a request for permission to work with archive documents (1944). In addition to the questionnaire, a petition for work in the archive, which he received from the management of the Moscow City House of Pioneers, and a record card of his visits to the archive are published.

Key words: V.B. Kobrin, Soviet historical science, Moscow City House of Pioneers and Octobrists, Russian State Military Historical Archive, archival documents

Acknowledgments. The author thanks A.Yu. Donskoy and the head of the Department of Publication of Documents of the Russian State Military Historical Archive S.A. Kharitonov for their help in working on this article.

FOR CITATION: Davydov B.B. First time in the archive. The beginning of V.B. Kobrin's research activity (1944–1945). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 157–163. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-157-163

Владимир Борисович Кобрин (1930–1990) – известный советский и российский историк, крупный специалист по истории, источниковедению, археографии и генеалогии России XV–XVI вв., доктор исторических наук, профессор Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (ныне – Московский педагогический

государственный университет) и Московского историко-архивного института (ныне – Российский государственный гуманитарный университет). Его имя прочно вошло в анналы отечественной исторической науки [1, с. 5; 10; 12]¹. Он также зарекомендовал себя как прекрасный преподаватель, всегда уделявший много внимания студентам. По воспоминаниям одного из его учеников, «Кобрин побуждал не только к интеллектуальным раздумьям, а и к серьезному пересмотру нравственных позиций»².

Учитывая постоянное внимание В.Б. Кобрин к вводу в научный оборот неопубликованных архивных документов [1, с. 7–8], его влияние на развитие исторической науки в СССР во второй половине XX в., а также на восприятие знания, постепенно очищавшегося от прежних идеологических догм, учащейся молодежью, важно обратить внимание на то, как он сам, еще во время Великой Отечественной войны, впервые оказался в Центральном военно-историческом архиве (ЦВИА) (ныне – Российский государственный военно-исторический архив). Работы о серьезном отношении школьников к рано начавшейся научной деятельности время от времени появляются в печати [6; 10], хотя, конечно, чаще всего историки обращают внимание на архивные поиски состоявшихся исследователей [2–5].

Еще во время учебы в Московской городской очно-заочной средней школе (он закончил ее в 1946 г. с золотой медалью) [1, с. 15], Володя Кобрин стал членом исторического кружка Московского городского Дома пионеров³, которым руководил известный краевед А.Ф. Родин⁴. На заседаниях кружка он впервые сделал свои доклады об опричнине и услышал похвалу от знаменитого историка академика С.В. Бахрушина⁵. Видимо, по инициативе Родина двое школьников (Кобрин и Прусис) отправились в военно-исторический архив для сбора материалов по теме «Осада Плевны» во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Доклады, вероятно, были подготовлены и зачитаны, и это стало хорошей подготовкой для будущей научной деятельности. Первая научная публикация В.Б. Кобрин увидел свет уже в 1946 г., когда он стал

¹ Списки литературы о жизни и деятельности В.Б. Кобрин см.: [1, с. 41–42; 10, с. 236; 11, с. 104].

² Киселёв А.Ф. Кафедра. Профессорские розы. 2-е изд., дораб. М., 2023. С. 158.

³ Московский городской Дом пионеров и октябрят был открыт 29 июня 1936 г.

⁴ Будучи уже состоявшимся ученым, Кобрин написал рецензию [7] на мемуары своего учителя (Родин А.Ф. Из минувшего. Воспоминания педагога-краеведа. М., 1965). Он также посвятил светлой памяти А.Ф. Родина очерк «Гробница в Московском Кремле», вошедший в состав книги «Кому ты опасен, историк?», опубликованной посмертно в 1992 г. [8].

⁵ Киселёв А.Ф. Кафедра. Профессорские розы. 2-е изд., дораб. М., 2023. С. 159.

студентом исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова [9]. Впереди была большая плодотворная деятельность выдающегося ученого и педагога⁶.

Ниже публикуется анкета 14-летнего Володи Кобрин с запросом о разрешении работать с документами ЦВИА⁷. Кроме анкеты, публикуется отношение, которое он получил от руководства Московского Дома пионеров⁸ и карточка учета его посещений архива⁹. Орфография и пунктуация документа сохранены. Пропущенные слова и сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Анкета

Центральный военно-исторический архив

Фамилия *Кобрин*¹⁰

Имя *Владимир*

Отчество *Борисович*

Член (канд[идат]) ВКП(б), парт[ийный] бил[ет], канд[идатская] карт[очка]
№ ____ билет ВЛКСМ ____ № ____ Беспартийн[ый]

Состоял ли ранее в др[угих] партиях ____

Место службы *Моск[овский] Дом пионеров*

Вопросы (тема) *Осада и взятие Плевны*

Материалы:

За время:

Цель занятий: *Работа на конкурс*

Издательство, предполагающее издать работу на основ[ании] арх[ивных] материалов ____

Прежние занятия в архивах: в каких, с какого по какое время ____

Партийн[ые] взыскания ____

Привлекались ли к судебн[ой] или адм[инистративной] ответственности.

В полож[ительном] случае: где, когда, кем, по какому делу, результат ____

Рекомендация ____

Допущен ли в своем учреждении к секретной работе ____

⁶ Хронологический указатель опубликованных трудов В.Б. Кобрин за 1946–1998 гг. см.: [1, с. 17–40].

⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 800 (Архив архива). Оп. 4 (Личные дела исследователей, занимавшихся в читальном зале архива). Д. 1209. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 14.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ В анкете рукописный текст выделен курсивом.

Адрес и № телеф[она] домашн[ий]¹¹

Служебный _____

Обязуюсь выполнять правила пользования арх[ивными] делами и занят[ий] в чит[альном] зале.

Дата 19/VII – [19]44 г.

Подпись В. Кобрин

Начальнику военно-исторического архива¹²

Просим разрешить членам исторического кружка М[осковского] Г[ородского] Д[ома] П[ионеров] Кобрину и Прусису работать в архиве над темой «Плевна».

Руководитель исторического кружка М.Г.Д.П. [А.Ф. Родин]

Оттиск печати

Резолюция: Т. Гмыховой. Предоставить заниматься над материалами архива. 19/VII. [1944 г.]

[Н.П. Шляпников]

Карточка учета посещений¹³

Заказывал дела из Военно-ученого архива (ВУА): план Плевны (д. 8439), списки частей, участвовавших в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (д. 7282, 7335, 7401, 7402, 7403, 7404, 7405, 7448, 8455, 8591, 8647, 8687, 8688, 8885, 8912, 8982), из фонда генерала Э.И. Тотлебена (ф. 81), в т.ч. послужной список, «бумаги, относящиеся к Плевне», грамоты на орден.

¹¹ Эта строка в анкете заполнена, но по соображениям защиты личной информации не публикуются домашний адрес и номер домашнего телефона.

¹² Отношение полностью написано карандашом, дата отсутствует.

¹³ В архиве Кобрин был 1 раз в мае и 13 раз в июне 1945 г. (?) (год в карточке не указан). Почти годичная задержка с его допуском в читальный зал была вызвана тем, что в 1943–1944 гг. документы ЦВИА только возвращались в Москву и Ленинград (там был филиал архива) из эвакуации. Они хранились в Оренбурге (тогда Чкалове) и Шадринске. Об этом см.: Распоряжение начальника ЦГВИА [капитана госбезопасности] Н.П. Шляпникова об организации эвакуации материалов ЦГВИА и ЦГАДА из Шадринска в Москву. Секретно. 27 сентября 1943 г. // Российский государственный военно-исторический архив. История в документах. 1797–2007 / отв. ред. И.О. Гаркуша. М., 2011. С. 727–728, № 288; Рапорт Шляпникова начальнику ГАУ НКВД СССР И.И. Никитинскому о эвакуации документов из Чкалова. 15 ноября 1944 г. // Там же. С. 741, № 293.

Библиографический список / References

1. Владимир Борисович Кобрин. Библиографический указатель / сост. Р.Б. Казаков, Л.Н. Простоволосова; вступ. ст. А.Л. Юрганова. М., 1999. [Vladimir Borisovich Kobrin. Bibliograficheskiy ukazatel [Vladimir Borisovich Kobrin. Bibliographic index]. R.B. Kazakov, L.N. Prostovolosova (compl.); A.L. Yurganova (intr. article). Moscow, 1999.]
2. Давыдов Б.Б. В начале славных дел. Сигурд Оттович Шмидт и его работа с документами ЦГВИА СССР // Московский журнал. История государства Российского. 2014. № 3 (279). С. 93–95. [Davydov B.B. At the beginning of glorious deeds. Sigurd Ottovich Schmidt and his work with documents from the Central State Military Historical Archive of the USSR. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 2014. No. 3 (279). Pp. 93–95. (In Rus.)]
3. Давыдов Б.Б. И.М. Троцкий и его работа с документами Военно-исторического архива // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2014. № 1. С. 30–32. [Davydov B.B. I.M. Trotsky and his work with documents from the Military Historical Archive. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2014. No. 1. Pp. 30–32. (In Rus.)]
4. Давыдов Б.Б. О работе Елены Ивановны Каменцевой в читальном зале ЦГВИА СССР // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления. Материалы XVIII научной конференции. Москва, 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 177–178. [Davydov B.B. On the work of Elena Ivanovna Kamenetseva in the reading room of the Central State Military Historical Archives of the USSR. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny: klassicheskoe nasledie i novye napravleniya. Materialy XVIII nauchnoy konferentsii*. Moskva, 26–28 yanvarya 2006 g. Moscow, 2006. Pp. 177–178. (In Rus.)]
5. Давыдов Б.Б. О работе О.М. Медушевской в читальном зале ЦГВИА СССР // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. Ч. II. М., 2013. С. 286–288. [Davydov B.B. On the work of O.M. Medushevskaya in the reading room of the Central State Military Historical Archives of the USSR. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moskva, 31 yanvarya – 2 fevralya 2013 g. Part II. Moscow, 2013. Pp. 286–288. (In Rus.)]
6. Дунаевский В.А. Заметки на полях // Наполеон. Легенда и реальность. Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996–1998 / сост. А.А. Васильев, Г.Л. Медынцева. М., 2003. С. 440–442. [Dunayevskiy V.A. Notes in the margins. *Napoleon. Legenda i realnost. Materialy nauchnykh konferentsiy i napoleonovskikh chteniy*. 1996–1998. A.A. Vasiliev, G.L. Medyntseva (compl.). Moscow, 2003. Pp. 440–442. (In Rus.)]
7. Кобрин В.Б. Александр Феоктистович Родин и его воспоминания // Преподавание истории в школе. 1966. № 6. С. 101–104. [Kobrin V.B. Alexander Feoktistovich Rodin and his memoirs. *Prepodavanie istorii v shkole*. 1966. No. 6. Pp. 101–104. (In Rus.)]
8. Кобрин В.Б. Гробница в Московском Кремле // Кобрин В.Б. Кому ты опасаен, историк? М., 1992. С. 83–130. [Kobrin V.B. Tomb in the Moscow

- Kremlin. *Kobrin V.B. Komu ty opasen, istorik?* Moscow, 1992. Pp. 83–130. (In Rus.)]
9. Кобрин В.Б. К вопросу о казахско-русских отношениях в XVI в. // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1946. № 11 (20). С. 56–57. [Kobrin V.B. On the issue of Kazakh-Russian relations in the 16th century. *Vestnik Akademii Nauk Kazakhskoy SSR*. 1946. No. 11 (20). Pp. 56–57. (In Rus.)]
 10. Кобрин Владимир Борисович // Чернобаев А.А. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2000. С. 235–236. [Kobrin Vladimir Borisovich. *Chernobayev A.A. Istoriki Rossii. Kto yest kto v izuchenii otechestvennoy istorii. Biobibliograficheskiy slovar*. Saratov, 2000. Pp. 235–236. (In Rus.)]
 11. Мышов П. «Хожение» тинэйджера в архив // Вестник архивиста. 2008. № 1 (101). С. 310–311. [Myshov P. A teenager's "Walk" to the archive. *Vestnik arkhivista*. 2008. No. 1 (101). Pp. 310–311. (In Rus.)]
 12. Юрганов А.Л. Кобрин Владимир Борисович // Историки России конца XIX – начала XXI века. Биобиблиографический словарь / под ред. А.А. Чернобаева. Т. II. И–П. М., 2017. С. 103–104. [Yurganov A.L. Kobrin Vladimir Borisovich. *Istoriki Rossii kontsa XIX – nachala XXI veka. Biobibliograficheskiy slovar*. A.A. Chernobayev (ed.). T. II. Moscow, 2017. Pp. 103–104. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 01.05.2025, принята к публикации 02.06.2025
The article was received on 01.05.2025, accepted for publication 02.06.2025

Сведения об авторе / About the author

Давыдов Борис Борисович – кандидат исторических наук; независимый исследователь, г. Москва

Boris B. Davydov – PhD (History); independent researcher, Moscow

E-mail: arkigolkin@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-164-170

УДК 94

М.В. Батшев¹, С.А. Трифонова²

¹ Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
119072 г. Москва, Российская Федерация

² Архив Российской академии наук,
117218 г. Москва, Российская Федерация

Письма человека, который верил в императора Александра I, больше, чем он сам

Рецензия на книгу:

Андреев А.Ю. Кафедра и трон:
переписка императора Александра I
и профессора Г.Ф. Паррота. М., 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Батшев М.В., Трифонова С.А. Письма человека, который верил в императора Александра I, больше, чем он сам. Рецензия на книгу: Андреев А.Ю. Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота. М., 2023 // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 164–170. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-164-170

M.V. Batshev¹, S.A. Trifonova²

¹ Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, 119072, Russian Federation

² Archive of Russian Academy of Sciences,
Moscow, 117218, Russian Federation

Letters of a man who believed in Emperor Alexander I more than he did

Review of the book:

Andreev A.Yu. Department and throne:
Correspondence of Emperor Alexander I
and Professor G.F. Parrot. Moscow, 2023

FOR CITATION: Batshev M.V., Trifonova S.A. Letters of a man who believed in Emperor Alexander I more than he did. Review of the book: Andreev A.Yu. Department and throne: Correspondence of Emperor Alexander I and Professor G.F. Parrot. Moscow, 2023. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 164–170. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-164-170

«Изобразите меня потомкам таким, каким я был», – с такими словами, как пишет профессор Г.Ф. Паррот, обратился к нему император Александр I накануне Отечественной войны 1812 года. Как тут не вспомнить конкурс на лучшую биографию Александра I, объявленный после его смерти. Эта задача и спустя два столетия после смерти самого противоречивого правителя России XIX в. так и не решена историками. Вероятно, рецензируемое издание будет еще одним кирпичиком для фундамента будущей лучшей биографии императора.

В 2023 г. опубликованное эпистолярное наследие Александра I пополнилось. В издательстве «Новое литературное обозрение» увидела свет его переписка с Парротом, который, говоря его собственными словами, верил в императора Александра больше, чем он сам. Представленный эпистолярный комплекс состоит из 38 писем правителя

России и 180 писем Паррота за 1802–1825 гг. По мнению составителя книги А.Ю. Андреева, «с количественной точки зрения эта переписка занимает, по-видимому, второе место среди всей личной корреспонденции Александра I (уступая по объему лишь переписке царя с его швейцарским воспитателем Ф.С. Лагарпом)» (с. 10–11)¹. Данная публикация позволяет увидеть еще одну сторону царствования Александра, а также проследить историю отношений царя и профессора Дерптского университета. Тем более, что такие тесные взаимоотношения императоров и представителей интеллектуальной элиты для России первой половины XIX в. были большой редкостью.

Вступление, написанное А.Ю. Андреевым, представляет собой фундаментальное исследование истории отношений Паррота и Александра I, в основу которого положены опубликованные далее письма. Даже не учитывая корреспонденцию, само это исследование представляет огромный интерес и несомненную значимость для изучения истории России Александровской эпохи.

Вторым несомненным достоинством данного издания является публикация русского перевода французских текстов писем, выполненного В.А. Мильчиной.

Книга снабжена справочным аппаратом, включающим в себя не только традиционные комментарии, именной и географический указатели, но и таблицы метрических и денежных единиц конца XVIII – XIX вв.

Кроме того, в отдельной статье «Судьба переписки, история ее изучения, особенности публикации» Андреев прослеживает место данного эпистолярного комплекса в общем эпистолярном наследии русского императора. «Почему же к Парроту, в отличие от Лагарпа, не вернулись его собственноручные письма тогда, когда государственные сановники занимались разбором бумаг из кабинета покойного Александра I», – спрашивает он (с. 111). Автор рассказывает историю поиска оригиналов писем, которые ему далеко не всегда удавалось найти, и потому в основу публикации были положены копии, сохранившиеся в различных архивных фондах. Необходимо отметить оригинальное решение с публикацией французских оригиналов текстов писем. В книге опубликован QR-код, ведущий читателя в облачное хранилище, где выложены оригиналы. Такой подход позволил издателю существенно уменьшить объем печатной книги.

Георг Фридрих Паррот родился в 1767 г. в семье Жан-Жака Паррота, лейб-медика герцога Вюртембергского и Марии-Маргариты Бужоль, происходившей из семьи богатых местных предпринимателей

¹ Все ссылки даются на указанное издание.

небольшого города Монбельяра, где выросла и старшая дочь герцога Фридриха Евгения София Доротея, будущая русская императрица Мария Федоровна, мать Александра I. Георг Фридрих был младшим ребенком в семье. Получил первоначальное образование в местной гимназии, продолжил его в Штутгарте в Карловой академии, главном учебном заведении Вюртембергского герцогства. Здесь он выбрал недавно открытый факультет экономических наук. Но больше всего его привлекали физика и математика. На их изучении он и начал специализироваться.

Закончив образование, он стал домашним учителем, занимая эту должность в разных семьях Франции, а потом в Германии. В 1795 г. принял приглашение графа Карла Эберхарда фон Сиверса из Лифляндии стать воспитателем его детей и переехал в Ригу. Прослужив в этом качестве недолгое время, он оставил место домашнего учителя и стал секретарем Лифляндского экономического общества. На этом месте он активно занимался физическими исследованиями, а также составлял планы местных преобразований: «очистке воды из Двины, очистке воздуха в сиротских приютах и больницах, конструированию новых печей, проект медицинского термометра» (с. 24). В 1800 г., когда началась работа по созданию Дерптского университета, кандидатура Паррота рассматривалась на место профессора по кафедре математики. Но главным своим делом в России он считал открытие приходских училищ по всей стране.

Рассматривая деятельность Паррота, Андреев останавливается не только на его деятельности в Дерптском университете, но и на его участии в процессе подготовки положения о крестьянах в Лифляндии, ставшего первым шагом к отмене крепостного права в регионе. Эти усилия профессора поссорили его с частью местного дворянства. Проанализировав его деятельность, Андреев замечает: «Казалось бы, приведенная история должна была научить профессора, что в отношениях между центральной и местными властями достичь результата можно только через поиск компромисса – но в реальности он сделал противоположные выводы, а именно, что любой компромисс здесь пагубен и ради благой цели необходимо употреблять всю силу самодержавной власти» (с. 68).

Русский перевод писем Паррота занимает основную часть книги. Профессор затрагивал в них самые разные темы: от проблем университетской автономии и крестьянских выступлений в Лифляндии до рассуждений о том, какие фуфайки, фланелевые или же шерстяные, которые «производят целебное действие на симптоматические болезни», лучше носить. Попытки воздействовать на императора профессор предпринимал и в других письмах, в одном из них он советовал Александру

изменить режим дня: «Вы обедаете поздно и тем вечер свой раздробляете и внимание отвлекаете, отвлекаясь от дневного круга занятий. Ложитесь вы поздно, а оттого утром встаете с трудом. Утренние часы, те часы, которые Боги человеку даровали, чтобы наслаждался он самой возвышенной частью своего существования, чтобы судил справедливо, чувствовал величественно, действовал мощно, – эти часы для моего Александра не существуют» (с. 272). Профессору случалось напоминать императору о необходимости соблюдения ранее принятых законов. Узнав о том, что Александр I пообещал герцогу Веймарскому разрешить курляндцам и ливонцам обучаться в Йенском университете, профессор напоминает императору об указе его отца, согласно которому подданным российской империи было запрещено обучаться в иностранных университетах. Он предлагал официально отменить этот указ Павла I, хотя он уже был отменен указом Александра I от 22 марта 1801 г., снимавшим все запреты на выезд российских подданных за границу.

Паррот считал себя обязанным Дерптскому университету тем, что благодаря ему познакомился с Александром. Профессор в письме, написанном в ноябре 1802 г., проявляет себя тонким политическим психологом. Он пытается укрепить в сознании Александра I связь с делами его отца Павла I, предлагая здравствующему императору стать основателем Дерптского университета, закончив тем самым дело, начатое его родителем: «Августейший Ваш предшественник сам свое детище законченным не почитал. Осмелюсь ли к этим резонам прибавить пламенное желание каждого из наших профессоров? Государь! принесли мы уже великую жертву, когда из почтения к деликатным обстоятельствам не стали просить Ваше Величество даровать нам августейшее Ваше имя, а ведь эту милость всякий монарх дарует университету, им основанному» (с. 153–154). В дальнейшем Паррот обращал внимание императора на разные стороны университетской жизни, которые были необходимы, в т.ч. на международные связи с другими университетами. В одном из писем, написанных после Аустерлицкого сражения, Паррот предлагал императору свой вариант официального сообщения об итогах сражения для публикации в «Гамбургской газете», выступая, таким образом, в качестве представителя по связям с общественностью российского императора. Данное предложение не нашло поддержки со стороны адресата послания.

Активность дерптского профессора периодически утомляла императора, и он был вынужден охлаждать его энтузиазм (с. 235). Тем не менее, тема отражения в газетах хода военных действий продолжает и в дальнейшем интересовать Паррота. В 1807 г., после заключения мира с Францией, его заботит вопрос о том, кто напишет манифест

о мире: «Это вопрос первостепенной важности. От этого манифеста Ваша слава и спокойствие на границах Империи зависят. С одной стороны, следует публику известить об обстоятельствах, приведших к миру; с другой – следует поберечь заинтересованные державы, чтобы хотя на время избежать нового разрыва. Автору манифеста мало патриотической любовью пылать к Вам и Вашей империи, должен он также суметь точки зрения заинтересованных держав учесть, от распространенных у нас идей, можно сказать, отстраниться, чтобы каждое слово взвесить» (с. 338). В другом письме он рекомендует Александру обратить больше внимания на ситуацию на Балканах и начать переговоры с Францией о совместном разделе владений Турции в Европе.

Советы, содержащиеся в письмах Паррота, следовали против устоявшихся при дворе представлений. Например, он рекомендовал императору смелое кадровое решение, на которое тот вряд ли готов был согласиться: «Неужели невозможно Палена² сделать главнокомандующим? Он ведь, безусловно, лучший ум, что у нас есть, а преданностью его заручиться не сложно, стоит только пообещать ему после первой решительной победы миллион рублей и фельдмаршалский жезл. Знаю, что весь двор встанет против этой идеи. Но, если армия Ваша будет разбита, разве не сочтет тот же двор, что Вы вовремя должных мер не взяли» (с. 197).

В 1810 г., размышляя о подготовке России к будущей войне с Наполеоном, Паррот предлагал Александру целый комплекс финансовых мероприятий, например, налоги на роскошь, куда он относил: слуг, золотую и серебряную посуду, путешествия в чужие края. В последнем случае отъезжающие должны были платить 10% от своих доходов за предыдущий год.

В адресованных Александру I письмах, написанных после окончания наполеоновских войн, он старается отговорить императора от консервативных мер, которые, по его мнению, только вредили славе императора. Одновременно с этим он продолжает откликаться на все важные события, происходящие в России. Осенью 1824 г., после наводнения в Петербурге, он составляет оригинальный проект защиты столицы России от новых наводнений.

По-своему уникальны и некоторые письма императора, представленные в данном издании. В одном из них император России предстает как человек, способный признавать свои ошибки: «Когда неправ, предпочитаю это признавать. Перед вами кругом виноват и все доказательства

² Вероятно, имеется в виду гр. Пётр Алексеевич фон дер Пален (1745–1826), генерал от кавалерии, приближенный Павла I и организатор заговора против него. Александр I больше никогда не привлекал его к делам.

тому имею, а потому спешу несправедливость исправить и в том Вам честно признаюсь. Надеюсь впредь подобных случаев избегать» (с. 361).

Переписка между профессором Дерптского университета и российским императором, продолжавшаяся почти все царствование Александра I, представляет собой несомненный интерес как выражение отношения к правителю не ближайшего окружения или придворных, а представителя университетской корпорации. Эти частные письма отражают надежды и стремления университетской профессуры, а также показывают, что собеседниками императора были не только придворные, позволяя по-новому взглянуть на образ самого противоречивого правителя России XIX в.

Сведения об авторах / About the authors

Батшев Максим Владимирович – старший научный сотрудник, руководитель Центра информационного обеспечения и документирования наследия, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Москва

Maxim V. Batshev – senior researcher, head of the Center for Information Support and Documentation of Heritage, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow

E-mail: bmv@list.ru

Трифоновна Светлана Александровна – научный сотрудник отдела учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской академии наук, г. Москва

Svetlana A. Trifonova – researcher at the Department of Records and Document Preservation, Archive of Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: trifonova_s@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы» – всероссийский междисциплинарный журнал, посвященный изучению актуальных проблем истории и политологии.

Постоянные рубрики журнала (появляются в конкретном номере по мере появления статей данной тематики):

- Отечественная история
- Всеобщая история
- Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- История международных отношений и внешней политики
- Теория и философия политики, история и методология политической науки
- Политические институты, процессы и технологии
- Политическая культура и идеологии
- Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
- Политическая регионалистика. Этнополитика
- Конфликтология
- Документ с комментарием
- Критика. Библиография

Редакции журнала неинтересны материалы, основанные на компиляции давно известных фактов! Это не может считаться научной статьей!

Все присланные материалы проверяются при помощи программы «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна превышать 75%.

На любое утверждение (наблюдение, вывод или аргумент), опубликованное ранее, в рукописи должна быть соответствующая библиографическая ссылка.

Журнал строго следит за соблюдением следующих положений этики научных публикаций

Автор не должен публиковать рукопись, по большей части посвященную одному и тому же исследованию, более чем в одном журнале как оригинальную публикацию.

Представление одной и той же рукописи одновременно более чем в один журнал воспринимается как неэтичное поведение и неприемлемо.

Авторами публикации могут выступать только лица, которые внесли значительный вклад в формирование замысла работы, разработку, исполнение или интерпретацию представленного исследования. Все те, кто внес значительный вклад, должны быть обозначены как соавторы. В тех случаях, когда авторы желают отметить вклад других лиц, помогавших в проведении представленного исследования, они могут указать их в разделе «Благодарности».

Все соавторы должны одобрить окончательную версию работы и согласиться с представлением ее к публикации.

Рецензирование

Помогает членам редакционной коллегии принять решение о публикации и, при соответствующем взаимодействии с автором, также может помочь ему повысить качество работы. Таким образом, рецензирование – не просто инструмент отбора, но и средство, повышающее научный уровень статьи.

Рецензент определяет актуальность темы, четкость определения целей и задач исследования, обоснованность выбора методов исследования, структурированность материала, логику доказательной базы, убедительность, стиль изложения материала, обоснованность выводов и т.д. Отмечается также личный вклад автора в решение обозначенной проблемы, логичность и доступность изложения, корректность использования привлекаемых источников. Рецензент выявляет значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не указанные автором. Рецензент также обращает внимание редакционной коллегии на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере его научной компетенции.

Язык публикаций

Журнал принимает к рассмотрению и публикует материалы на русском и английском языках.

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2025.2

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 27.06.2025 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 10,75 п. л. Тираж 1000 экз.

Наши издания

И. Г. Жиряков

ЕЭС и интеграционные интересы Австрии во второй половине 50-х – 60-е годы XX века: позиция СССР и современные оценки

В монографии содержится попытка нового прочтения некоторых страниц истории возникновения и развития западно-европейского экономического интеграционного процесса, переосмысления важных положений институционально-правового и экономического содержания Римского договора об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС), его политических установок.

В книге рассматривается политика Австрии, направленная на присоединение к ЕЭС, в контексте позиции СССР. Автор воссоздает масштабную картину развития европейского интеграционного процесса вообще и участия в нем разных стран и Австрии в частности, такое событийное полотно, на котором запечатлены и все ценное, и негативное, даже трагичное, без последнего эта картина будет неполной.

Подписной индекс журнала
по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007